



Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2019 Том 21 № 4

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Члены редакционной коллегии

Панкратов С.А. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета (США)

Войтацки К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета (Польша)

Витковска М. — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник Факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета (Польша)

Дуткевич П. — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада)

Францке Й. — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (ФРГ)

Пачеко Амарал К. — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия)

Када Н. — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция)

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издаётся с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки», «Научная жизнь».

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и доктора-анты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>.

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: *И.Л. Панкратова*

Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28

e-mail: politjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 28.11.2019. Выход в свет 05.12.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,39. Тираж 500 экз. Заказ № 1853. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru



RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2019 VOLUME 21 No. 4
DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University)

E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., Doctor of Political Sciences, Full Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities

ASSOCIATE EDITORS

Pankratov S.A. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University (Russian Federation)

Mchedlova M.M. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation)

Karadje T.V. — Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation)

Popova O.V. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University (Russian Federation)

Kovalenko V.I. — Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Russian Politics, Moscow State University (Russian Federation)

Kapustin B.G. — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University (The USA)

Wojtaszczyk K.A. — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw (Poland)

Witkowska M. — Doctor of Political Sciences, Professor at the Faculty of Political Sciences and International Studies of the University of Warsaw (Poland)

Dutkiewicz P. — Doctor of Political Sciences, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies, Carleton University (Canada)

Franzke J. — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Vice Dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University (Germany)

Pacheko Amaral C. — Doctor of Political Sciences, Full Professor, University of the Azores (Portugal)

Kada N. — Doctor of Political Sciences, Full Professor, University of Pierre Mendes France (France)

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Science Citation Index (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals

Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political Process in Contemporary Russia: Tendencies and Prospects", "Political Processes in Contemporary World", "Current Problems of Political Science", "Academic Life". The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>.

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efreмова*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? 599

Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора)..... 620

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭФИОПИИ

Иванов В.Г., Кассе Ныгусие В.М. Проблема внутренне перемещенных лиц в Эфиопии в контексте парламентских выборов 2020 года 633

Bayeh E. Developmental State of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing Economic Growth as a Governance Criterion (**Байе Э.** Государство развития в Эфиопии: размышления об издержках рассмотрения экономического роста в качестве критерия государственного управления)..... 642

Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A. The Pitfalls of Ethnolinguistic-Based Federal Experiment in Ethiopia (**Гардашьо Б.Д., Кефале Г.М., Кумие Г.А.** Подводные камни этнолингвистического федерального эксперимента в Эфиопии) 661

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Варшавский А.Ю. Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая..... 673

Ханалиев Н.У. О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии..... 687

Sompa A.T. Procurement Mechanism of Goods and Regional Government Services in Accordance with the Principle of Good Governance in Banjarbaru (**Сомпа А.Т.** Механизм закупок товаров и услуг регионального правительства в соответствии с принципом «good governance» в городе Банджарбару)..... 706

Кришталь М.И. Сотрудничество с Россией и положение русскоязычной общины на повестке дня выборов в сейм Латвии 2018 года..... 718

ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В США И ЕВРОПЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Блохин К.В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) 729

Бышок С.О. Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС 745

Мещеряков Д.Ю. Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке 755

Айбазова М.М. Методологические подходы к изучению личности политика-популиста 765

CONTENTS

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: TENDENCIES AND PROSPECTS

- Popova O.V., Lagutin O.V.** Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? 599
- Pochta Yu.M.** Religion and Politics in the Post-Soviet Russia (Example of Islam) 620

POLITICAL PROCESSES IN ETHIOPIA

- Ivanov V.G., Kassae Nigusie V.M.** The Problem of Internally Displaced Persons in Ethiopia in the Context of 2020 Parliamentary Elections 633
- Bayeh E.** Developmental State of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing Economic Growth as a Governance Criterion 642
- Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A.** The Pitfalls of Ethnolinguistic-Based Federal Experiment in Ethiopia 661

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Varshavsky A.Y.** Institutional Foundations of Intraparty Coalitions in Presidential Systems: Case of Uruguay 673
- Khanaliyev N.U.** Terrorist Threat in the Former Soviet Union in the Face of ISIL's Defeat in Iraq and Syria 687
- Sompa A.T.** Procurement Mechanism of Goods and Regional Government Services in Accordance with the Principle of Good Governance in Banjarbaru 706
- Krishtal M.I.** Cooperation with Russia and the Current State of the Russian-Language Community on the Agenda of the 2018 Election to the Seimas of Latvia ... 718

RIGHT-WING POPULISM IN THE USA AND EUROPE: ORIGINS AND MODERNITY

- Blokhin K.V.** Leo Strauss and His Neoconservative Disciples (on the Problem of the Sources and Genesis of Neoconservatism)..... 729
- Byshok S.O.** "Clash of Civilizations" Concept in the EU Right-Wing Populists' Discourse..... 745
- Meshcheryakov D.Y.** The Concept of Populism in Modern Anglo-Saxon and German Political Science 755
- Aybazova M.M.** Methodological Approaches to Studying the Personality of a Politician-Populist..... 765



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

Научная статья

Политические настроения молодежи: лояльность или протест?

О.В. Попова, О.В. Лагутин

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. В статье проанализированы результаты исследования массового политического сознания молодежи, проведенного весной 2019 г. в четырех регионах Российской Федерации: Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях, Санкт-Петербурге. Анализ позволил выделить группы молодежи, существенно различающиеся по своим установкам в отношении потенциальной политической активности и реально используемым ими способам реализации интересов своей социально-демографической группы, а также доверия политическим и социальным институтам. Молодежь дифференцируется на 8 групп по доминирующему типу политического поведения и на 4 группы, принципиально различающиеся по уровню институционального доверия.

Ключевые слова: молодежь; доверие социальным институтам и институтам власти, методы защиты своих интересов, политическое поведение, политическая лояльность, политический протест.

Введение. Параметры и методы эмпирического исследования

Обеспечение в краткосрочной и среднесрочной перспективах политической лояльности больших, обладающих значительными ресурсами или потенциалом влияния на ситуацию в стране социальных групп является актуальной задачей политической элиты любой страны. Молодежь в этом отношении является важной стратегической мишенью. Политическая элита России прилагает значительные усилия, чтобы создать в глазах поколения миллениалов образ ответ-

© Попова О.В., Лагутин О.В., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ственной, настроенной конструктивно к запросам населения силы, готовой к преобразованиям и развитию политической конкуренции.

Политическая лояльность традиционно определяется как приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, предлагаемым социуму политическими институтами, элитой и лидерами общественного мнения [1]. Эта характеристика массового политического сознания может быть подлинной и отражаться в определенном, легитимизирующем идеологию и политический курс акторов образе мыслей и действиях людей, но может быть и формальной, внешней, связанной только с вербальным выражением поддержки. Попытки использования в научной литературе таких терминов, как «формальная верность» или «благожелательная нейтральность», предполагают акцент на ситуациях, когда граждане относятся к политическим акторам весьма целерационально, воспринимая их лишь как средства реализации своих интересов. В политической практике подобные ситуации предельно редки; скорее, граждане становятся объектами воздействия политических институтов и политического класса. Следует различать демонстративную и скрытую политическую лояльность/нелояльность. Политическая лояльность/нелояльность социальных групп может быть как следствием реакции на действия властей, так и особенностью политической субкультуры [2]. Политическая лояльность включает и целерациональный (осознанное приятие/неприятие действий властей на основе учета экономических и политических последствий), и эмоциональный (эмпатия, симпатия/антипатия, чувство преданности/отчуждение) компоненты.

Необходимо учитывать степени политической лояльности. На наш взгляд, речь может идти о следующих пяти степенях лояльности:

1) почти полное принятие действий политического класса, его поддержка и готовность участвовать в его проектах;

2) частичная лояльность, когда при критических оценках отдельных аспектов политического курса большинство населения в целом настроено достаточно позитивно;

3) равнодушие, индифферентность по поводу ситуации в стране и действий политиков, когда население концентрируется на решении своих проблем или наивно полагает, что их жизнь не зависит от политики;

4) умеренная нелояльность, отражающая недовольство существующим режимом, действиями властей, политической элитой определенных социальных слоев, которая ограничивается в основном негативными высказываниями онлайн и офлайн по поводу политического курса, репостами и лайками критических материалов в интернет-пространстве, отказом от участия в голосовании или голосованием по протестной модели, поддержкой отдельных акций системной или несистемной оппозиции; при этом недовольные граждане чаще всего остаются в рамках правового поля, не нарушая действующее законодательство;

5) проявленная политическая нелояльность вследствие серьезного недовольства населения ситуацией, когда могут возникнуть риски дестабилизации политического режима и даже его смены.

В основе лояльности в силу ограниченности у многих людей информации о целях и реальных последствиях реализации тех или иных политических программ, нежелания или неспособности разбираться в этих вопросах лежит доверие, основанное на вере индивидов в совпадение системы ценностей рядовых граждан и политической элиты [3]. Подобная установка содержит в себе значительную долю иррациональности, неопределенности, риска и надежды, что политические институты и/или политики, политическая элита будут действовать исходя прежде всего из интересов страны и граждан.

Персонификация образа власти традиционно связана с доверием к харизматическим фигурам, олицетворяющим собой конкретные политические институты высокого ранга [4]. Четко сформулированный в свое время Н.А. Бердяевым тезис о том, что «русский народ – народ государственный» [5. С. 13], который часто используют для обоснования лояльности политической власти, в современных условиях, особенно если речь идет о молодежи, неизбежно ставится под сомнение. Аналогична ситуация и с жесткой связью состояния экономики и политической лояльности [6] (принципы «политическая лояльность в обмен на экономическое благополучие» или «политическая лояльность вопреки падению материального уровня жизни»); в отношении миллениалов они работают далеко не всегда.

В рамках эмпирических исследовательских проектов политическую лояльность целесообразно оценивать по таким показателям, как: признание права определенной политической группы на власть (политическая легитимность), уровень доверия различным созданным властью институтам и действующим политикам, уровень проявления (демонстративности) лояльности, осознание лояльности самими гражданами, готовность граждан поддерживать проекты власти. На наш взгляд, достаточно точными, минимально необходимыми индикаторами степени политической лояльности/нелояльности являются показатели доверия социальным и политическим институтам, а также спектр потенциальных и реальных политических практик социальных групп.

Политическая активность граждан – значимая характеристика политического поведения [7], фиксирующая многообразие форм политических действий, их интенсивность и периодичность. Эта тема неизменно остается в зоне внимания политологов, политических социологов и политических психологов [8] на протяжении десятилетий, находя свое отражение в публикации результатов эмпирических исследований по данной теме [9], диссертациях [10], научных статьях, посвященных теме трансформации в условиях цифровизации политики и политического управления политического поведения различных социальных групп [11] и населения страны в целом [12]. Одним из приоритетных направлений в исследовании политического поведения молодежи в настоящее время остаются проблемы, связанные с тотальной интернетизацией коммуникации людей [13].

Молодежь играет все большую роль в общественно-политических процессах. Изучение многообразия форм политического поведения российской молодежи [14], ее отношения к социальным и политическим институтам

может предоставить дополнительные возможности для более точного прогнозирования рисков роста политической напряженности в стране.

В статье представлены некоторые результаты проведенного в апреле–мае 2019 г. учеными Санкт-Петербургского государственного университета и Алтайского государственного университета эмпирического исследования политического сознания российской молодежи. Исследование проводилось в следующих регионах, отобранных по принципу максимального отличия: в Алтайском крае, Новосибирской области, Ленинградской области, Санкт-Петербурге.

Метод сбора информации – личное полустандартизованное интервью. Объем выборки – 1000 человек в возрасте от 14 до 30 лет; выборка квотная с контролем несвязанных признаков пола, возраста, образования, типа населенного пункта и региона проживания (по 250 человек в каждом из 4 регионов для обеспечения сравнимости данных). Пропорции контролируемых признаков в подвыборках строго соответствуют данным генеральной совокупности по регионам, согласно данным Росстата.

Среди опрошенных респондентов в целом по выборке мужчины составили 47,6%, женщины – 52,4%. Респонденты в возрасте 14–17 лет составили 17,6% от числа опрошенных, 18–21-летние – 25,0%, респонденты в возрасте от 22 до 25 лет – 26,6%, в возрасте от 26 до 30 лет – 30,8%.

Обладатели начального и неполного среднего образования составили 11,4%, среднего полного (средняя школа) – 19,7%, начального профессионального (профессиональное училище, лицей) – 2,4%, среднего профессионального (техникум, колледж) – 25,5%, неполного высшего (3 курса вуза) – 11,7%, высшего – 29,3%.

Ученики старших классов школы в выборке составили 14,5%, студенты колледжа (техникума, училища) – 11,2%, студенты вуза – 20,0%; учатся и работают официально 17,0%, трудоустроены и при этом не учатся 27,0%, работают неофициально и не учатся 7,4%, вариант «другое» (находятся в декретном или послеродовом отпуске) выбрали 2,9%.

7,1% респондентов оценили ежемесячный доход своей семьи на каждого члена семьи равным не более 10000 рублей, 14,8% – в диапазоне от 10001 до 15000 рублей, 20,0% – в диапазоне от 15001 до 25000 рублей, 21,9% – в диапазоне от 25001 до 40000 рублей, 16,7% – свыше 40000 рублей. 19,5% респондентов не смогли точно определить размер ежемесячного дохода на каждого члена своей семьи.

Среди респондентов жители областных центров, мегаполисов составили 47,6%, средних и маленьких городов – 26,6%, поселков городского типа – 9,4%, сельских поселений, сел, деревень – 16,4%.

Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS. Использовались такие методы, как простая и комбинированная группировка данных, расчет статистики хи-квадрат с оценкой стандартизованных остатков, корреляционный, кластерный и факторный виды анализа.

Формы политического участия молодежи в целях защиты своих интересов

Многообразие форм политического поведения и политической активности определяется перманентным развитием института государства и политической системы в целом, оно задается в том числе и особенностями политических традиций и политического режима. К традиционным формам политического поведения относится уже не только участие в голосовании, политических кампаниях, взаимодействие с органами государственной власти, местным самоуправлением, политическими организациями, личные контакты с политиками, участие в конвенциональных и неконвенциональных акциях и т. д., но и политическая онлайн-активность, связанная в том числе и с возможностью политической мобилизации оффлайн. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что определенная часть граждан (и молодежь в этом смысле не исключение) считает возможным использовать не только неполитические способы защиты своих прав и интересов, но и формы, отрицательно оцениваемые с точки зрения этических норм («блат», система знакомств) или переходящие грань законности («вознаграждения»). Если рост числа участников протестных форм свидетельствует о политической напряженности и нелояльности населения к политическому курсу и властвующей элите, то даже относительно невысокий показатель числа людей, допускающих неэтичные и иллегальные способы решения своих проблем, прямо свидетельствует о дисфункции всей системы политического управления.

Таблица 1

Формы политических действий молодежи в последние 2–3 года (%)

Участвовал в выборах	38,3
Обсуждал политику в социальных сетях, делал репосты политической информации	22,1
Обращался в органы власти	17,7
Участвовал в работе общественных организаций	11,7
Обращался в общественные организации	6,7
Участвовал в санкционированных забастовках, митингах, демонстрациях	6,7
Участвовал в работе политических партий	4,8
Участвовал в несанкционированных акциях протеста	3,2
Материально поддерживал политиков, их проекты	2,0
Другое	1,0

Источник: составлено авторами.

Table 1

Political actions of youth for the last 2–3 years (%)

Participation in the elections	38,3
Discussion of politics in social networks, reposts of political information	22,1
Appeal to authorities	17,7
Participation in the work of public organizations	11,7
Appeal to public organizations	6,7
Participation in authorized strikes, rallies, demonstrations	6,7
Participation in the work of political parties	4,8
Participation in illegitimate protests	3,2
Material support for politicians and their projects	2,0
Other	1,0

Source: compiled by the authors.

Участие в выборах – наиболее распространенная форма политического поведения, но едва чуть более трети молодежи (38,3%) использует этот ресурс для того, чтобы выразить свои политические предпочтения. Лишь 22,1% участвуют в политической коммуникации онлайн (и это при том, что молодежь проводит в онлайн-пространстве практически все время бодрствования). Имеют опыт обращения в органы власти менее 18%, участвовали в работе общественных организаций 11,7% молодых респондентов. Показатели участия во всех иных формах политической активности не превышают 7% (табл. 1).

Результаты группировки данных позволяют выделить четыре группы молодежи, различающиеся по степени политической активности (табл. 2). 34,6% молодежи вообще не задействованы ни в одной форме политической активности. Как низкую можно оценить включенность в политическую деятельность у 55,5% молодых респондентов, как среднюю – у 7,8%, высокую – у 2,1%. Политическая активность лишь каждого десятого может быть оценена как средняя или высокая. Налицо достаточно низкий показатель числа тех, кто активно участвует в политической жизни российского государства.

Таблица 2

Политическая активность молодежи, % (по вертикали)

Количество форм политического поведения	Процент респондентов, участвовавших в последние 2–3 года в различном числе видов политических действий	Уровень политической активности	Процент респондентов с различным уровнем политической активности
0	34,6	Отсутствует	34,6
1	35,5	Низкий	55,5
2	20,0		
3	5,4	Средний	7,8
4	2,4		
5	1,5		
6	0,3	Высокий	2,1
7	0,1		
8	0,2		
9	0,0		
Всего	100,0	Всего	100,0

Источник: составлено авторами.

Table 2

Political activity of youth, %

The number of forms of political behavior	Percentage of respondents who participated in a different number of types of political actions in the last 2–3 years	Level of political activity	Percentage of respondents with different levels of political activity
0	34,6	Absent	34,6
1	35,5	Low	55,5
2	20,0		
3	5,4	Middle	7,8
4	2,4		
5	1,5		
6	0,3	High	2,1
7	0,1		
8	0,2		
9	0,0		
Total	100,0	Total	100,0

Source: compiled by the authors.

Достаточно низкие показатели политической активности молодежи могут свидетельствовать не только о нереализованном политическом потенциале этой группы или аполитичности ее сознания, но и об отсутствии в государстве реальных механизмов поддержки включенности молодежи в политику.

Для построения факторов, определяющих формы политического участия и иных способов защиты своих интересов, был выбран набор признаков, фиксирующих готовность и наличие опыта у молодежи обращаться в государственные органы, общественные организации, оказать материальную поддержку политикам, их проектам, участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях, в том числе в несанкционированных акциях протеста, в работе политических партий и общественных организаций, вести обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации. Кроме того, учитывалась готовность молодежи использовать личные связи и вознаграждение для решения своих задач и признание респондентов в том, что они уже прибегали к подобным средствам.

В табл. 3 представлена матрица факторных компонент после вращения, полученная на основе вышеназванных признаков. Полученные семь факторов можем интерпретировать следующим образом.

Фактор 1 – «Потенциальная гражданская активность», включает признаки, связанные с готовностью непосредственного участия респондентов в общественных организациях и политических партий для защиты своих интересов, а также готовность оказать материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов; важно отметить, что непосредственное наличие опыта использования этих видов политической деятельности в этом факторе нет, что говорит о высоких показателях нереализованности политической активности молодежи, особенно в традиционных формах.

Фактор 2 – «Готовность и участие в протестной политической деятельности», включает признаки, связанные с готовностью и участием в последние 2–3 года в несанкционированных акциях протеста, забастовках, митингах, демонстрациях.

Фактор 3 – «Институционализированное взаимодействие с гражданским обществом», включает признаки, фиксирующие наличие у респондентов опыта работать в общественных организациях и политических партиях, а также оказания материальной поддержки политикам и их проектам (понятно, что в большинстве случаев речь идет о материальной поддержке несистемной оппозиции).

Фактор 4 – «Потенциальная готовность и опыт использования «теневых» средств защиты своих интересов», включает признаки, связанные с применением личных связей и вознаграждения в последние 2–3 года.

Фактор 5 – «Институциональные патерналистские установки», включает признаки, связанные с готовностью обращения и наличием опыта обращения молодежи в последние 2–3 года в государственные органы и общественные организации для защиты своих интересов.

Фактор 6 – «Политическая коммуникация в онлайн-пространстве», включает признаки, связанные с готовностью и участием за последние 2–3 года в обсуждении политики в социальных сетях, репостах политической информации;

Фактор 7 – «Электоральная активность», включает признаки, связанные с готовностью и участием молодежи в выборах в последние 2–3 года.

Таблица 3

Факторы политического участия молодежи для защиты своих интересов

Факторы	Компонент						
	1	2	3	4	5	6	7
Готов участвовать в работе общественных организаций для защиты своих интересов	0,700						
Готов участвовать в работе политических партий для защиты своих интересов	0,663						
Готов оказать материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов	0,533			0,415			
Готов участвовать в несанкционированных акциях протеста для защиты своих интересов		0,696					
Готов участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях для защиты своих интересов		0,662					
Участвовал в забастовках, митингах, демонстрациях		0,649	0,312				
Участвовал в несанкционированных акциях протеста		0,590					
Участвовал в работе общественных организаций			0,664				
Обращался в общественные организации			0,573		0,418		
Участвовал в работе политических партий			0,530				0,323
Материально поддерживал политиков, их проекты			0,471				
Использовал личные связи и вознаграждения				0,769			
Готов использовать личные связи и вознаграждение для защиты своих интересов				0,748			
Обращался в государственные органы					0,694		
Готов обращаться в государственные органы для защиты своих интересов					0,640		
Готов обращаться в общественные организации для защиты своих интересов	0,408				0,537		
Обсуждал политику в социальных сетях, делал репосты политической информации						0,834	
Готов вести обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации для защиты своих интересов						0,771	
Участвовал в выборах							0,815
Готов участвовать в выборах для защиты своих интересов	0,428						0,603

Источник: составлено авторами.

Table 3

Factors of political participation of youth to protect their interests

Factors	Component						
	1	2	3	4	5	6	7
I am ready to participate in the work of public organizations to protect my interests	0,700						
I am ready to participate in the work of political parties to protect my interests	0,663						
I am ready to provide material support to politicians, their projects to protect my interests	0,533			0,415			

Table 3 (cont.)

Factors	Component						
	1	2	3	4	5	6	7
I am ready to participate in unauthorized protests to protect my interests		0,696					
I am ready to participate in strikes, rallies, demonstrations to protect my interests		0,662					
I participated in strikes, rallies, demonstrations		0,649	0,312				
I participated in unauthorized protests		0,590					
I participated in the work of public organizations			0,664				
I contacted public organizations			0,573		0,418		
I participated in the work of political parties			0,530				0,323
I financially supported politicians, their projects			0,471				
I used personal connections and rewards				0,769			
I am ready to use personal connections and rewards to protect my interests				0,748			
I contacted to state authorities					0,694		
I am ready to apply to state authorities to protect my interests					0,640		
I am ready to apply to public organizations to protect my interests	0,408				0,537		
I discussed politics on social networks, reposted political information						0,834	
I am ready to conduct discussion on social networks, reposts of political information to protect my interests						0,771	
I participated in the elections							0,815
I am ready to run in elections to protect my interests	0,428						0,603

Source: compiled by the authors.

С целью решения задачи определения групп респондентов, существенно отличающихся по типу политической активности, был выполнен кластерный анализ методом К-средних на основе использования значений факторных нагрузок полученных компонент (результат представлен в табл. 4). Количественное распределение респондентов по кластерам представлено в табл. 5.

Таблица 4

Сегментация респондентов по критерию предпочтительности видов деятельности молодежи для защиты своих интересов

Факторы	Кластер							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Потенциальная гражданская активность	-0,24022	-0,13158	2,37077	-0,33326	-0,18746	-0,01265	0,68840	-0,49307
Готовность и участие в протестной политической деятельности	-0,30215	-0,31555	0,02112	2,47688	-0,17938	-0,21757	1,50471	-0,35542
Институционализированное взаимодействие с гражданским обществом	-0,01283	-0,24497	-0,31620	-0,47044	0,20378	-0,20169	3,48956	0,04472
Потенциальная готовность и опыт использования «теневых» средств защиты своих интересов	-0,24691	-0,31652	0,50051	-0,13075	-0,30129	-0,31205	0,52970	2,44067
Институциональные патерналистские установки	-0,66418	-0,09922	0,03874	-0,10361	1,45055	-0,01613	-0,34097	0,07336
Политическая коммуникация в онлайн-пространстве	-0,28488	-0,52135	-0,30339	0,06344	-0,32620	1,72197	0,12070	0,32190
Электоральная активность	-0,72885	1,05164	-0,23263	-0,19177	-0,59559	0,28709	0,79747	0,04460

Источник: составлено авторами.

Table 4

Segmentation of respondents by the criterion of preference for youth activities to protect their interests

Factors	Cluster							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Potential civic engagement	-0,24022	-0,13158	2,37077	-0,33326	-0,18746	-0,01265	0,68840	-0,49307
Willingness and participation in political protest	-0,30215	-0,31555	0,02112	2,47688	-0,17938	-0,21757	1,50471	-0,35542
Institutionalized engagement with civil society	-0,01283	-0,24497	-0,31620	-0,47044	0,20378	-0,20169	3,48956	0,04472
Potential willingness and experience of using "shadow" means of protecting one's interests	-0,24691	-0,31652	0,50051	-0,13075	-0,30129	-0,31205	0,52970	2,44067
Institutional paternalistic attitudes	-0,66418	-0,09922	0,03874	-0,10361	1,45055	-0,01613	-0,34097	0,07336
Online political communication	-0,28488	-0,52135	-0,30339	0,06344	-0,32620	1,72197	0,12070	0,32190
Electoral activity	-0,72885	1,05164	-0,23263	-0,19177	-0,59559	0,28709	0,79747	0,04460

Source: compiled by the authors.

В табл. 4 представлена оценка кластерных центров в виде средних значений факторов, которые варьируются ориентировочно в пределах от –3 до +3. Поскольку изначальная кодировка ответов по переменным, включенных в факторный анализ, имеет биномиальную структуру, большое положительное значение фактора в соответствующем кластере означает максимальную степень его проявления, а большое отрицательное значение фактора подразумевает низкую степень его проявления.

На основе этих данных были выявлены восемь кластеров (групп молодежи), которые можно охарактеризовать следующим образом (табл. 5):

кластер 1 – индифферентные, отчужденные от политики люди (25,8%);

кластер 2 – группа с доминированием электорального участия, что соответствует «приходской» политической субкультуре (22,5%);

кластер 3 – пассивная в политическом отношении молодежь с высокими показателями декларирующейся потенциальной активности в политической и общественной жизни (6,7%);

кластер 4 – участники политического протеста (7,3%);

кластер 5 – молодежь с патерналистскими политическими установками, ориентирующаяся на позицию «просителей» в отношении органов власти и иных институтов, оказывающих влияние на положение группы (14,2%);

кластер 6 – активисты политической онлайн-коммуникации (13,1%);

кластер 7 – политизированные участники работы институтов гражданского общества (3,1%);

кластер 8 – использующие «блат» и коррупционные практики для защиты своих интересов (7,3%).

Таблица 5

Число наблюдений в кластерах

		Величина групп в абсолютных частотах	Величина групп в %
Кластер	1	258	25,8
	2	225	22,5
	3	67	6,7
	4	73	7,3
	5	142	14,2
	6	131	13,1
	7	31	3,1
	8	73	7,3
Валидные значения		1000	100
Пропущенные значения		0	0

Источник: составлено авторами.

Table 5

The number of respondents in clusters

		The size of the groups in absolute frequencies	The size of the groups in %
Cluster	1	258	25,8
	2	225	22,5
	3	67	6,7
	4	73	7,3
	5	142	14,2
	6	131	13,1
	7	31	3,1
	8	73	7,3
Valid Values		1000	100
Missing Values		0	0

Source: compiled by the authors.

Полученная в результате кластеризации факторов, которые сегментируют выборочную совокупность по типам политического участия молодежи для защиты своих интересов, и сохраненная переменная используется в качестве самостоятельной переменной для построения таблиц сопряженности с признаками социально-демографического характера (табл. 6).

Таблица 6

Сопряженность признаков «Кластеры типов политического участия» и «Социально-демографические характеристики респондентов»

Переменные и их значения	Показатели	Политическое участие не выражено	Электоральное участие
Уровень образования			
Начальное, неполное среднее	абсолютная частота	51	7
	проценты	5,1%	0,7%
	стандартизованный остаток	+4,0	-3,7
Высшее	абсолютная частота	58	81
	проценты	5,8%	8,1%
	стандартизованный остаток	-2,0	+1,9
Род занятий			
Ученик школы	абсолютная частота	58	13
	проценты	5,8%	1,3%
	Стандартизованный остаток	+3,4	-3,4
Студент вуза	абсолютная частота	40	57
	проценты	4,0%	5,7%

Окончание табл. 6

Переменные и их значения	Показатели	Политическое участие не выражено	Электоральное участие
	стандартизованный остаток	-1,7	+1,6
Работаю с трудовой книжкой, не учусь	абсолютная частота	52	79
	проценты	5,2%	7,9%
	стандартизованный остаток	-2,1	+2,3
Возраст			
14–17	абсолютная частота	74	18
	проценты	7,4%	1,8%
	стандартизованный остаток	+4,2	-3,4
18–21	абсолютная частота	70	43
	проценты	7,0%	4,3%
	стандартизованный остаток	0,7	-1,8
22–25	абсолютная частота	57	70
	проценты	5,7%	7,0%
	стандартизованный остаток	-1,4	+1,3
26–30	абсолютная частота	57	94
	проценты	5,7%	9,4%
	стандартизованный остаток	-2,5	+3,0

Источник: составлено авторами.

Table 6

The conjugation of the signs “Clusters of types of political participation” and “Socio-demographic characteristics of respondents”

Variables and their meanings	Indicators	Not expressed political participation	Electoral participation
The level of education			
Primary and lower secondary education	frequency	51	7
	percent	5,1%	0,7%
	st. resudance	+4,0	-3,7
Higher education	frequency	58	81
	percent	5,8%	8,1%
	st. resudance	-2,0	+1,9
Occupation			
School student	frequency	58	13
	percent	5,8%	1,3%
	st. resudance	+3,4	-3,4
University student	frequency	40	57
	percent	4,0%	5,7%
	st. resudance	-1,7	+1,6
I work officially, I do not study	frequency	52	79
	percent	5,2%	7,9%
	st. resudance	-2,1	+2,3
Age			
14–17	frequency	74	18
	percent	7,4%	1,8%
	st. resudance	+4,2	-3,4

Table 6 (cont.)

Variables and their meanings	Indicators	Not expressed political participation	Electoral participation
18–21	frequency	70	43
	percent	7,0%	4,3%
	st. resudance	0,7	-1,8
22–25	frequency	57	70
	percent	5,7%	7,0%
	st. resudance	-1,4	+1,3
26–30	frequency	57	94
	percent	5,7%	9,4%
	st. resudance	-2,5	+3,0

Source: compiled by the authors.

При построении таблицы сопряженности между переменной, отражающей принадлежность к конкретному кластеру, и переменными с социально-демографическими характеристиками респондентов (табл. 6) выяснилось, что только два кластера – «Политическое участие не выражено» и «Электоральное участие» – имеют статистически подтвержденные зависимости с ними.

Молодежь, склонная вообще игнорировать участие в политической жизни страны, обладает достаточно низким образованием (для нее более характерно наличие начального и неполного среднего образования (5,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 4,0), чем высшего (5,8% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -2,0). В данном кластере больше учеников школ (5,8% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 3,4), чем работающих с трудовой книжкой и неучащихся молодых людей (5,2% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -2,1). По возрастным когортам кластер в основном представлен группой 14–17 лет (7,4% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +4,2); для него нетипично представительство возрастной группы 26–30 лет (5,7% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -2,5).

Для кластера, включающего респондентов, наиболее активно участвующих в выборах, характерно наличие высшего образования (8,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,9); по роду занятий это преимущественно студенты вузов (5,7% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,6) и неучащаяся молодежь, работающая с трудовой книжкой (7,9% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +2,3). По возрастным когортам кластер представлен в основном группой 26–30 лет (9,4% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +3,0).

Необходимо специально подчеркнуть, что данная возрастная группа (26–30 лет) также представляет кластер активистов с патерналистским типом мышления, которые предпочитают для защиты своих интересов обращаться в органы государственной власти и общественные организации, делегируя им свои политические права (5,6% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,9).

Доверие социальным и политическим институтам

Предварительный расчет одномерного распределения частот доверия социальным и политическим институтам (табл. 7) показал, что за исключением главы правительства Д.А. Медведева и Русской православной церкви по отношению ко всем остальным институтам респонденты демонстрируют двойственное отношение: модальное значение распределения пришлось на вариант ответа «в чем-то доверяю, в чем-то не доверяю». Налицо если не кризис доверия социальным и политическим институтам со стороны молодежи, то как минимум раскол в оценках.

Таблица 7

Доверие российской молодежи социальным и политическим институтам, % (по строке)

Социальные и политические институты	Доверяю абсолютно	Скорее доверяю	В чем-то доверяю, в чем-то нет	Скорее не доверяю	Не доверяю абсолютно	Затрудняюсь ответить	Всего
Благотворительные организации	12,7	28,8	33,7	13,6	6,8	4,4	100,0
Волонтерское движение	22,8	39,4	23,2	5,8	4,8	4,0	100,0
Молодежные политические организации	7,5	22,1	30,2	15,7	8,4	16,1	100,0
Местная администрация, муниципальный совет	5,3	16,1	35,1	21,2	13,2	9,1	100,0
Законодательное собрание региона	5,5	15,9	32,3	20,6	11,5	14,2	100,0
Губернатор	6,9	18,1	30,6	19,8	14,5	10,1	100,0
Государственная Дума	6,1	16,7	28,9	20,6	19,4	8,3	100,0
Совет Федерации	7,5	17,3	29,0	19,1	17,7	9,4	100,0
Правительство Российской Федерации	8,1	17,7	29,3	18,2	18,9	7,8	100,0
Премьер-министр Д.А. Медведев	6,4	14,7	25,1	18,1	28,0	7,7	100,0
Президент России В.В. Путин	17,4	19,3	24,5	12,5	19,3	7,0	100,0
Полиция	8,0	19,2	33,0	17,6	17,2	5,0	100,0
Армия	15,7	24,7	28,8	12,8	11,6	6,4	100,0
ФСБ	17,8	25,2	25,5	11,6	12,8	7,1	100,0
Русская православная церковь	10,5	13,9	20,5	14,3	31,2	9,6	100,0

Источник: составлено авторами.

Table 7

Confidence in Russian youth to social and political institutions, % (per line)

Social and political institutions	I trust absolutely	I rather trust	Trust in something, I do not trust in something	I rather do not trust	I do not trust absolutely	I find it difficult to answer	Total
Charity Organizations	12,7	28,8	33,7	13,6	6,8	4,4	100,0
Volunteer Movement	22,8	39,4	23,2	5,8	4,8	4,0	100,0
Youth Political Organizations	7,5	22,1	30,2	15,7	8,4	16,1	100,0

Table 7 (cont.)

Social and political institutions	I trust absolutely	I rather trust	Trust in some thing, I do not trust in something	I rather do not trust	I do not trust absolutely	I find it difficult to answer	Total
Local Administration, Municipal Council	5,3	16,1	35,1	21,2	13,2	9,1	100,0
Regional Parliament	5,5	15,9	32,3	20,6	11,5	14,2	100,0
Governor	6,9	18,1	30,6	19,8	14,5	10,1	100,0
The State Duma	6,1	16,7	28,9	20,6	19,4	8,3	100,0
Council of the Federation	7,5	17,3	29,0	19,1	17,7	9,4	100,0
Government of the Russian Federation	8,1	17,7	29,3	18,2	18,9	7,8	100,0
Prime Minister D.A. Medvedev	6,4	14,7	25,1	18,1	28,0	7,7	100,0
President of Russia V.V. Putin	17,4	19,3	24,5	12,5	19,3	7,0	100,0
Police	8,0	19,2	33,0	17,6	17,2	5,0	100,0
Army	15,7	24,7	28,8	12,8	11,6	6,4	100,0
Federal Security Service	17,8	25,2	25,5	11,6	12,8	7,1	100,0
Russian Orthodox Church	10,5	13,9	20,5	14,3	31,2	9,6	100,0

Source: compiled by the authors.

На рис. 1 представлены результаты кластерного анализа, где по показателям сходства/различия оценок доверия распределены переменные, отображающие государственные и общественные институты по степени доверия к ним со стороны молодежи.

Кластерный анализ сходства самооценки доверия социальным и политическим институтам у молодежи показал наличие пяти групп институтов: к первой группе относятся властные институты федерального уровня: Государственная Дума, Совет Федерации, правительство России, премьер-министр Д.А. Медведев и президент В.В. Путин; ко второй группе – законодательные и исполнительные институты региональной власти и органы местного самоуправления; в третью группу попали «силовые» институты; в четвертую группу – Русская православная церковь, к которой молодое поколение относится в целом скорее негативно (данный кластер не вошел ни в одно из кластерных объединений); наконец, в пятую – такие негосударственные институты, как благотворительные организации, волонтерские движения, молодежные политические организации. Характер оценок доверия институтов федеральной власти и общественных и политических организаций молодежи отличается максимально.

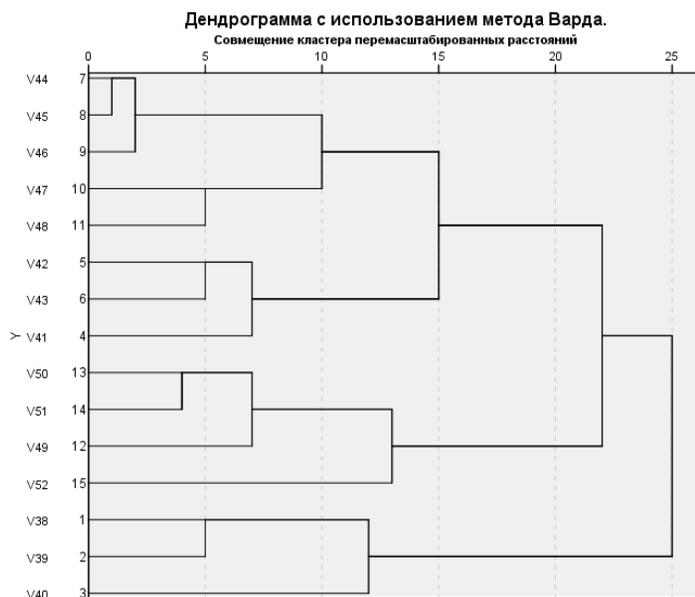


Рис. 1. Степень доверия к государственно-политическим институтам (кластерный анализ):

V38 – благотворительные организации; V39 – волонтерские движения; V40 – молодежные политические организации; V41 – местная администрация, муниципальный совет; V42 – региональный парламент; V43 – губернатор; V44 – Государственная Дума; V45 – Совет Федерации; V46 – правительство России; V47 – премьер-министр Д.А. Медведев; V48 – президент В.В. Путин; V49 – полиция; V50 – армия; V51 – ФСБ; V52 – Русская православная церковь

Fig. 1. The level of trust to state-political institutions (cluster analysis):

V38 – Charity organizations; V39 – Volunteer movement; V40 – Youth Political Organizations; V41 – Local Administration, Municipal Council; V42 – Regional parliament; V43 – Governor; V44 – The State Duma; V45 – Council of the Federation; V46 – Government of the Russian Federation; V47 – Prime Minister D. A. Medvedev; V48 – President of Russia V.V. Putin; V49 – Police; V50 – Army; V51 – Federal Security Service; V52 – Russian Orthodox Church

При сопряжении кластерной переменной, сегментирующей молодежь по типам политической активности, и переменных «Доверие к политическим и социальным институтам» в табл. 8 представлен ряд статистических зависимостей.

Таблица 8

Сопряженность признаков «Кластеры типов политического участия» и «Доверие к государственно-политическим институтам»

Переменные и значения	Показатели	Кластеры
		Респонденты с патерналистским типом сознания
Доверие региональному парламенту	абсолютная частота	58
	проценты	5,8%
	стандартизованный остаток	+1,8
Доверие премьер-министру Д.А. Медведеву		Политические онлайн-активисты
Не доверяю абсолютно	абсолютная частота	51

Окончание табл. 8

Переменные и значения	Показатели	Кластеры
	проценты	5,1%
	стандартизованный остаток	+2,4
Доверие Русской православной церкви		Активный электорат
Не доверяю абсолютно	абсолютная частота	55
	проценты	5,5%
	стандартизованный остаток	-1,8

Источник: составлено авторами.

Table 8

The conjugation of the features “Clusters of types of political participation” and “Confidence in state-political institutions”

Variables and their meanings	Indicators	Clusters
		Respondents with a paternalistic type of consciousness
Confidence in the regional parliament		
I trust in something, but I do not trust in something	frequency	58
	percent	5,8%
	St. resudance	+1,8
Confidence in Prime Minister D.A. Medvedev		Political online activists
I do not trust absolutely	frequency	51
	percent	5,1%
	St. resudance	+2,4
Confidence in the Russian Orthodox Church		Active electorate
I do not trust absolutely	frequency	55
	percent	5,5%
	St. resudance	-1,8

Source: compiled by the authors.

В табл. 8 представлены три кластера («Опосредованное политическое участие», «Участники информационной политической активности» и «Электоральное участие»), которые продемонстрировали статистически значимые показатели связи с такими институтами, как региональный парламент, премьер-министр Д.А. Медведев и Русская православная церковь. Для кластера, включающего респондентов с патерналистским типом сознания, характерно амбивалентное отношение к региональному парламенту (5,8% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +1,8). Для кластера, объединяющего онлайн-активистов, характерна склонность к абсолютному недоверию к премьер-министру Д.А. Медведеву (5,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке +2,4). Кластер, включающий достаточно активный электорат, показывает склонность к абсолютному недоверию в отношении Русской православной церкви (5,5% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке -1,8).

Заключение

Для политического сознания российского гражданина в целом, и молодежь в этом смысле – не исключение, нетипична так называемая локальная лояльность, когда при негативном отношении жителей определенного реги-

она или населенного пункта к федеральным властям представители местных органов власти и политических организаций вызывают гораздо большее уважение. Наоборот, налицо вертикальная нисходящая связанность отношения молодежи к органам власти, когда уровень доверия политическим институтам и лидерам федерального уровня коррелирует с аналогичными показателями регионального уровня: чем ниже уровень власти, тем меньше доля людей, проявляющих лояльность в отношении них. Мы видим сходство уровня доверия молодежи социальным и политическим институтам в зависимости от их типа; результаты явно указывают на необходимость политического класса давать большие возможности для участия молодежи в политической работе, имеющей практическое воплощение в принятии значимых для этой группы решений.

Выявленные по типу политической деятельности группы и их размер свидетельствуют о наличии определенных рисков роста протестной гражданской активности, хотя сама по себе группа молодежи, склонной к активным протестам, невелика. Действительно тревожный выявленный показатель – то, что четверть молодежи абсолютно индифферентна к общественно-политической деятельности, а более 7% видят наиболее оптимальный способ защиты своих интересов в использовании неэтичных или незаконных технологий.

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Acknowledgments: The text of the article has been prepared within the framework of the project “Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation), RFBR grant No. 18-011-01184.

Библиографический список

- [1] *Кобелева Х.А.* Политическое доверие в аспекте культурологических и институциональных концепций // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 65–68.
- [2] *Шатило С.А.* Лояльность как критерий в типологии политической культуры современной России (к постановке проблемы) // Философские науки. 2013. № 1. С. 48–54.
- [3] *Иудин А.А., Привалов И.В.* Соотношение оптимизма и лояльности власти: (вторичный анализ данных ВЦИОМ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 8–20.
- [4] *Шестов Н.И.* Мифологическое основание лояльности российских граждан идее партийности либерально-демократической политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 195–199.
- [5] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- [6] *Авдеева Д.А.* Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 79–93.
- [7] *Головоненко Д.В.* Политическая активность молодежи в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 141–143.

- [8] Макарова О.А. Современные тенденции политического участия молодежи // *Власть*. 2014. Т. 22. № 12. С. 39–42.
- [9] Леви Д.А. Интернет-мобилизуемая политическая активность и феномен цифровой дипломатии // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2015. № 4 (13). С. 96–99.
- [10] Баранова Г.В. Концептуальные основы исследования социально-политической активности в современном российском обществе: дис. ... д-ра социологических наук. Орел: Академия Федеральной службы охраны РФ, 2018. 455 с.
- [11] Мастерова Ю.А. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий: дис. ... канд. полит. наук. М.: Издательство Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2009. 187 с.
- [12] Балашов А.Н., Бочанов М.А. Интернет-технологии как фактор политической активности граждан: тренды и противоречия // *PolitBook*. 2017. № 2. С. 22–34.
- [13] Бродовская Е.В., Домбровская А.В., Пырма Р.В., Азаров А.А. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде // *Власть*. 2019. № 1. С. 91–95.
- [14] Чирун С.Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 332. С. 50–54.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.10.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

Research article

Political Views of the Youth: Loyalty or Protest?

O.V. Popova, O.V. Lagutin

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The article analyzes the state of mass political consciousness of Russian youth based on the results of the study conducted in the spring of 2019 in four regions of the Russian Federation: Altai Kray, Leningrad and Novosibirsk Regions, and St. Petersburg. As a result of the analysis, the authors were able to identify several groups of young people that significantly differ in their attitudes regarding their potential political activity and the methods they actually use to realize the interests of their socio-demographic group, as well as trust in political and social institutions. Young people are differentiated into 8 groups according to the dominant type of political behavior and into 4 groups according to their level of institutional trust.

Keywords: youth, trust in social and power institutions, methods of protecting one's interests, political behavior, political loyalty, political protest.

References

- [1] Kobeleva H.A. Political Trust in the Aspect of Cultural and Institutional Concepts. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2019; 2: 65–68 (In Russ.).
- [2] Shapiro S.A. Loyalty as a Criterion in the Typology of the Political Culture of Modern Russia (to the Formulation of the Problem). *Philosophical Sciences*. 2013; 1: 48–54 (In Russ.).

- [3] Judin A.A., Privalov I.V. Correlation of Optimism and Power Loyalty: (Secondary Analysis of VTsIOM Data). *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2018; 3: 8–20 (In Russ.).
- [4] Shestov N.I. The Mythological Basis of the Loyalty of Russian Citizens to the Idea of Partisanship of a Liberal Democratic Policy. *News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2018; 18 (2): 195–199 (In Russ.).
- [5] Berdyayev N.A. *The Origins and Meaning of Russian Communism*. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. (In Russ.).
- [6] Avdeeva D.A. Trust in Russia and Its Connection with the Level of Economic Development. *Social Sciences and the Present*. 2019; 3: 79–93 (In Russ.).
- [7] Golovonenko D.V. Political Activity of Youth in Modern Russia. *Historical and Socio-educational Thought*. 2012; 3 (13): 141–143 (In Russ.).
- [8] Makarova O.A. Current Trends in the Political Participation of Youth. *Vlast'*. 2014; 22 (12): 39–42 (In Russ.).
- [9] Levy D.A. Internet-mobilized Political Activity and the Phenomenon of Digital Diplomacy. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*. 2015; 4 (13): 96–99 (In Russ.).
- [10] Baranova G.V. *Conceptual Foundations of the Study of Socio-political Activity in Modern Russian Society*. The dissertation for the degree of Doctor of Sociology. Orel: Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation; 2018. 45 p. (In Russ.).
- [11] Masterova Yu.A. *Political Activity of Russian Youth in the Context of the Spread of Information Technology*. The dissertation for the degree of candidate of political sciences. Moscow: Publishing House of the Research University Higher School of Economics; 2009. 187 p. (In Russ.).
- [12] Balashov A.N., Bochanov M.A. Internet Technologies as a Factor of Political Activity of Citizens: Trends and Contradictions. *PolitBook*. 2017; 2: 22–34 (In Russ.).
- [13] Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.V., Pyrma R.V., Azarov A.A. Readiness of Modern Russian Youth for the Implementation of Civic and Political Activity in the Digital Environment. *Vlast'*. 2019; 1: 91–95 (In Russ.).
- [14] Chirun S.N. Political Activity and Political Participation of Youth: Problems and Opportunities. *Bulletin of Tomsk State University*. 2010; 332: 50–54 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 15.10.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторах:

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-0701-7767) (e-mail: o.popova@spbu.ru).

Лагутин Олег Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Information about the authors:

Olga V. Popova – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0701-7767) (e-mail: o.popova@spbu.ru).

Oleg V. Lagutin – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Для цитирования:

Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

For citation:

Popova O.V., Lagutin O.V. Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? RUDN Journal of Political Science. 2019; 21 (4): 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632

Научная статья

Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора)

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В настоящей статье на примере ислама рассматриваются государственно-конфессиональные отношения в РФ, происходящие в контексте возвращения религии и религиозных смыслов в публичное пространство (возрождения религии). Этот процесс затрагивает как институциональные (эволюция федеративного устройства государства, политической системы, формирование гражданского общества), так и ценностные аспекты влияния религии на политическую культуру общества, идеологию федерализма и изменение содержания принципа светскости государства. В качестве методологии использована теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса, концепция постсекулярного общества, концепция федерализма, цивилизационный подход. Обосновывается вывод о необходимости обеспечить уважение к религиозным ценностям при сохранении светского характера российского государства как асимметричной федерации.

Ключевые слова: политический ислам, постсекулярное общество, федерализм, российский ислам, секуляризм.

Введение

После окончания холодной войны и прекращения идеологического противоборства либерально-демократической и марксистской концепций общественного развития важной тенденцией стало использование цивилизационных и религиозных основ в качестве нового источника идентификации, ориентиров и смыслов для этносов и социальных групп. Политическая жизнь современного общества должна изучаться с учетом социальной значимости религии и политического влияния религиозных институтов.

В мире в целом и в России заметна тенденция активного включения религии в публичное пространство – в социальную жизнь и в политику. В западном обществе постмодерна этому способствует постсекуляризм, а в России сказывается отказ от атеизма как основы государственной идеологии. После распада СССР в 1991 г. возникло новое государство – постсоветская

© Почта Ю.М., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Россия, Российская Федерация. Второй раз в двадцатом веке Россия радикально изменила вектор своего развития, состав населения и территориальное устройство. Вместо марксистского проекта страна решила избрать либерально-демократическую модель развития. Для этого было необходимо заняться формированием новой государственности – в институциональном, правовом и идеологическом аспектах. Была попытка, идеализируя западный опыт, отказаться от государственной идеологии.

Однако в начале 2000-х гг. стало очевидно, что органически войти в западное сообщество, в «золотой миллиард» на равных правах России не удалось и что необходимо искать собственный путь существования в глобальном мире, обеспечивающий политическую и экономическую независимость, территориальную целостность и культурно-цивилизационную идентичность. Феномен государственной идеологии был реабилитирован в общественном мнении и возникла необходимость осмысления роли религии как социального института и как формы духовности в жизни общества.

Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, на многие вопросы пока еще нет убедительных ответов. Признавая неоднозначность влияния религии на жизнь современного общества, политики и ученые чаще всего придерживаются односторонних подходов, абсолютизируя преимущества или же недостатки этого влияния. По причине недостаточной исследованности данной проблемы отсутствует единая объяснительная схема для управления в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Целью данного исследования применительно к мусульманской религии в постсоветской России является анализ правовых рамок государственно-конфессиональных отношений, опыта участия мусульман в политике с 1991 г., влияния религии на федеративное устройство демократического государства, изменения смысла конституционного принципа секуляризма.

Для изучения проблемы в качестве методологии автором использованы теория делиберативной демократии Ю. Хабермаса, концепция постсекулярного общества, неоинституциональный подход, цивилизационный анализ, концепция асимметричного федерализма.

Институциональные и социокультурные аспекты взаимодействия религии и политики с акцентом на ценностное влияние религии рассматривались в работах А.И. Соловьева [1], М.М. Мчедловой [2]. А.В. Малашенко детально исследовал феномен исламизма в глобальной политике и его влияние на российское общество. Он сделал важные выводы о том, что «в мусульманском мире не осталось ни одной страны, где бы исламизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики» и что «исламизм... останется политическим “актором” на национальном, региональном и глобальном уровнях на протяжении еще не одного поколения» [3. С. 95, 121].

Различные аспекты влияния возрождающегося ислама на российскую государственность, совместимость ислама и демократического политическо-

го режима исследовались в работах И.В. Кудряшовой [4], Ю.М. Почты [5]. Конструктивный подход к исламу как обязательному элементу российской политической жизни и духовного наследия разрабатывается российским исламоведом-юристом Л.Р. Сюкияйненем. Используя цивилизационный подход, он справедливо отмечает, что многовековая исламская цивилизация имеет много политико-правовых и моральных форм регуляции социальных отношений и некоторые из них могут использоваться в демократическом развитии российского государства. На этом основании он отвергает существующее представление о том, что традиционному российскому исламу не свойственна политизация религии, и полагает, что для эффективного использования ислама в политике государство должно выработать долгосрочную политику, признающую возрождение ислама фактором стабильного развития страны, а исламскую культуру важной частью жизни общества и государства [6].

Но каковы пределы использования религии в политике в поликонфессиональном светском государстве, гарантирующем свободу совести? Предыдущие попытки анализа этой проблемы могли приводить В.С. Слободникову к пессимистическим выводам о том, что «несмотря на то, что в России накоплен достаточно богатый многовековой опыт использования религии как властного ресурса, применение его в современных условиях... будет ошибочным, чреватым дестабилизацией и усилением конфликтности, не говоря уже о его антиконституционном характере» [7].

Действительно, в поликонфессиональном обществе усиление социального и политического значения религии может приводить к конфликтам. В этом плане для нас большой интерес представляют мысли Ю. Хабермаса о судьбе мусульманских мигрантов в западноевропейском обществе, о том, как либерально-демократические государства в условиях постсекулярного общества могут преодолевать взаимное неконтролируемое недоверие и восстанавливать коммуникацию. Только в условиях демократического политического режима в постсекулярном обществе может возникнуть политическая культура, благодаря которой представители как доминирующей культуры, так и субкультур смогут принимать равноправное участие в политике. Ю. Хабермас полагает, что «мусульманских иммигрантов можно интегрировать в западном обществе не вопреки их религии, а только заодно с ней». Но интегрироваться в западное общество сможет только преобразованный ислам или евроислам, обладающий рефлексивным сознанием и способный видеть себя глазами других. Кроме того, получив возможность вынесения религиозных оценок политических вопросов и сохраняя связь со своими религиозными общинами, мусульмане будут обязаны считаться с секулярной легитимностью государства, которое в своей деятельности будет использовать исключительно секулярный язык [8].

Анализ источников показывает, что исследователи признают значительное усиление влияния ислама на социальную и политическую сферу жизни российского общества и осознают риски усиления религии в условиях рос-

сийского поликонфессионального общества, где православие много веков считалось доминирующей религией. Ученые подчеркивают необходимость сохранения светского характера государства, при обеспечении возможности для представителей различных религиозных общин и институтов высказывать свое мнение по поводу политической жизни. Однако пока недостаточно изучен вопрос о влиянии религиозного возрождения на становление российского федерализма в его асимметричном варианте.

Возвращение ислама в публичное пространство

Интерес к религии, прежде всего к православию и исламу, превратился из естественного стремления возродить религию после многих лет радикального марксистско-ленинско-сталинско-хрущевского секуляризма в задачу государственного масштаба возвращения религии в публичное пространство. Специфика России состоит в том, что в ней одновременно сосуществуют социальные группы, обладающие мировоззрением обществ – традиционного, секулярного и постсекулярного, что проявляется в различном понимании взаимосвязи религии и политики. Из-за этого процесс возрождения религии воспринимается обществом неоднозначно – в диапазоне от восторженного отношения (как религиозное возрождение) до полного отрицания и осуждения (как клерикализм, мракобесие, поповщина).

Правовое регулирование места религии в российском обществе основывается на положениях Конституции о том, что РФ является светским государством, где религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Поэтому в РФ нет государственной религии, а государство и религиозные объединения не вмешиваются в дела друг друга. При этом влияние религии не ограничено рамками личной жизни верующих. Допускается участие религии в жизни общества посредством разделения сфер влияния государства и религиозных организаций при сохранении ведущей роли государства и его сотрудничестве с религиозными организациями. Государство, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, подчеркивает свое уважение к христианству в целом, исламу, буддизму, иудаизму и другим религиям, составляющим неотъемлемую часть исторического наследия народов России¹.

В XX–XXI вв. в России были две краткие попытки участия мусульман в парламентской деятельности. Непродолжительный опыт участия мусульман в парламентской деятельности имелся в 1905–1907 гг. в Государственной Думе, где существовала мусульманская фракция, консолидированно выражавшая интересы мусульман Российской империи [9]. Попытка допуска религии в политическую жизнь общества, предпринятая в 1900-е гг. и заклю-

¹ Преамбула ФЗ № 125 от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях».

чавшаяся в возможности создания политических партий и движений на религиозной основе, завершилась отказом от этой практики из-за перспективы раскола российского полиэтнического и поликонфессионального общества из-за религиозных противоречий. Опыт показал, что в условиях неустоявшейся политической системы это приводит к опасной политизации религии и дестабилизирует общество. Поэтому с 2001 г. создание таких партий было запрещено законом. Ст. 9, п. 3 Федерального закона «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ (последняя редакция) гласит: «Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности». Аналогично в Республике Казахстан, Таджикистане и Кыргызстане запрещено создание политических партий на религиозной основе.

Однако дискуссия о допустимости создания партий по религиозному признаку продолжается. Ее сторонники утверждают, что хотя в настоящее время создание партий по религиозному признаку явно преждевременно, но в будущем оно непременно осуществится, иначе обязательно встанет вопрос о нарушении конституционных политических прав граждан. А до того времени предлагается защищать интересы и права верующих через действующие политические партии без внесения религиозных лозунгов и символов в программные документы таких партий. Многие соглашаются с тем, что религиозные институты обладают большим авторитетом и не могут оставаться в стороне от актуальных политических вопросов, но растаскивать граждан по «религиозным квартирам» недопустимо для российского общества [10].

Проблема поисков идентичности в постсоветской России и угроза исламского фундаментализма и экстремизма

Ислам в Советском Союзе не был полностью искоренен из духовной жизни и обрядности населения мусульманских регионов. Но уровень институционализации этой религии, подготовка священнослужителей, издательско-просветительная и образовательная деятельность находились на очень низком уровне. Из-за этого после распада СССР в этой области образовался вакуум и сюда пошел поток зарубежных миссионеров со своими специфическими трактовками ислама, деньгами, литературой. Государство и не пыталось контролировать этот процесс, что привело к возникновению рисков для формировавшейся государственности. Среди них можно назвать опасения относительно возникновения возможной нелояльности российских граждан-мусульман российскому государству в связи с тем, что они могли приобрести иные идентичности: национально-этническую (тюркскую, татарскую), имперскую (неоосманскую), исламскую (Исламского государства (запрещенного в РФ)). Кроме того, в результате детерриториализации современного ислама российские мусульмане могут идентифицировать себя с мировой мусульманской общиной – уммой.

В России заметно влияние исламского фундаментализма и экстремизма под исламскими лозунгами. Те, кто не принимает светский образ жизни в России и в глобальном обществе и считает, что он лишает их собственных традиций, обычаев и религиозных ценностей, может быть привлечен идеями исламского радикализма и обращаться к концепции исламской альтернативы западным формам государственного устройства. По мнению В.В. Наумкина, «не случайно в России обострились дебаты вокруг внутренней ситуации в российской мусульманской умме, где миссионеры международных экстремистских организаций давно пытаются создать очаги своего влияния» [11].

Противоречивость процесса возрождения ислама приводит ко многим достаточно неожиданным результатам в социальной сфере. Влияние ислама становится заметным в образовании, медицине, экономике, в сфере правового регулирования, моды (прежде всего женской). «Это приводит к таким явлениям, – пишет А. Ярлыкапов, – как, например, ситуация фактического полиюридизма в Дагестане, а также к общему сужению светского пространства на Кавказе. На бытовом уровне в некоторых районах Северного Кавказа практически господствует адат и шариат, а со светским правом люди сталкиваются достаточно редко и формально. Случается это не только в силу ускоренной исламизации населения, а в значительной мере в силу того, что светское право не работает в жизненно важных сферах» [12].

Под влиянием внутренних и внешних факторов среди мусульман России происходят сложные процессы, проявляющиеся в идейных поисках и заблуждениях, в радикализации и политизации отдельных общин. В целом мусульманам России удалось избежать радикализации, однако кризис традиционного ислама имеет место. По мнению А. Ярлыкапова, «сегодня важно помочь мусульманам страны пережить тяжелый период трансформации так, чтобы российская часть уммы вышла из него конструктивной, сплоченной и созидательной силой, а не набором разобщенных, радикализированных и враждебных России и миру организаций» [12].

Федеративное устройство России и политический ислам

С начала 2000-х гг. Россия пришла к осознанию актуальности задач сохранения национального суверенитета, территориальной целостности, защиты своих геополитических интересов и поисков пути собственного развития в глобализирующемся мире. В постсоветской России после отказа от марксизма как единственной государственной идеологии происходит ускоренное возрождение национальных чувств и религии в конкретных регионах, в частности на территориях распространения ислама. Такая постсоветская национальная идентичность может связываться с исламом, когда все представители отдельной нации считаются приверженцами ислама. Специфика государственного устройства России состоит в ее федеративном устройстве, в котором часть субъектов федерации представлена национальными республиками. При усилении центробежных тенденций, этнорелигиозная иденти-

фикация отдельных субъектов федерации может вступать в конфликт с общероссийской идентичностью и угрожать территориальной целостности и национальной безопасности страны.

Из-за многонационального характера общества Российская Федерация является асимметричной. Исторически сложилось так, что почти треть субъектов федерации создана по национальному признаку, а две трети – по административно-территориальному. Из-за этого формально равноправные субъекты федерации обладают фактически неодинаковыми правами как внутри страны, так и в международных отношениях. В ходе процессов распада СССР и становления нового государства – Российской Федерации в 1990-1993 гг. отношения центра и регионов (прежде всего национальных автономий) носили конфликтный характер из-за стремления отдельных регионов к получению больших прав или даже к созданию самостоятельного государства (из исламских регионов – Чечня, Татарстан, Башкортостан). В результате этих процессов в новом государстве существенно изменились отношения между регионами и федеральным центром. С 2000 г. президенту В.В. Путину пришлось проводить политику создания вертикали власти на всей территории страны, преодолевая тенденцию неуправляемой регионализации и складывания авторитарных политических режимов в ряде регионов.

В российском обществе существует трезвое осознание неизбежности политизации религии и связанных с этим рисков для российского многонационального и поликонфессионального государства. Это распространяется на официальное исламское духовенство, которое взвешенно анализирует проблему политического ислама в России и предпочитает подчеркивать свою заинтересованность в традиционной духовной и просветительской деятельности. Признавая опасность радикализации политического ислама и связанных с ним явлений экстремизма и терроризма, российские исламские лидеры анализируют истоки исламского радикализма и предлагают способы его преодоления. Среди этих способов предлагается усиление религиозного просвещения и образования для формирования духовного фундамента у молодежи. Предлагается также обращение к богатому историческому наследию российской цивилизации, в которой много веков вырабатывался синтез ценностей различных культур, религий и этносов. Имеется в виду возможность использования опыта тюрко-кавказско-славянских связей, соседства православия и ислама, а также научных и образовательных традиций светского гуманизма. Участвуя в борьбе с противодействием экстремизму и терроризму, российские исламские лидеры опираются не только на исламские духовные структуры, но и на структуры российского гражданского общества [13].

Ценностные конфликты и способы их преодоления

Россия находится на одном из этапов сложного процесса становления светской государственности, на котором необходим анализ духовно-нравственного и институционального взаимодействия христианства и исла-

ма в социальной и политической жизни. При соблюдении конституционного принципа светскости государства и отделения от него религиозных объединений государство активно сотрудничает с ними. Оно способствует их возрождению, признавая особую роль православия в российской истории.

Для российских мусульман большое значение имели слова В.В. Путина, сказанные в 2013 г. в Уфе во время его встречи с главами ведущих духовных управлений мусульман. Отметив противоречивый характер политического ислама, он обратил внимание на необходимость социализации ислама в постсоветской России². Президент В.В. Путин постоянно отмечает сохранение ориентации на светский характер государства и призывает не политизировать сложные вопросы государственно-конфессиональных отношений³ [14]. К таковым можно отнести конфликты: в Санкт-Петербурге по вопросу о передаче Исаакиевского собора в ведение Русской православной церкви в 2017 г.; в Екатеринбурге в 2019 г. по поводу строительства православного собора Святой Екатерины на месте сквера; по поводу желанья РПЦ получить комплекс зданий Спасо-Андроникова монастыря в Москве, а также споры по поводу строительства мечетей в ряде городов. В этих случаях оказывается, что совершенно недостаточно соглашений между государственными и религиозными институтами. Необходимо принимать во внимание интересы также верующих других конфессий и неверующей части населения. Такие ситуации может политизировать и активно использовать системная и несистемная оппозиция в качестве поводов для достижения своих политических целей. Во всяком случае необходимо находить способы достигать компромисса в подобных случаях и не создавать поводов для заявлений, о том, что «церковь становится неприкасаемой», что «храмы в обедневшей за последнее время стране строят чаще, чем поликлиники» и «есть ощущение, что жителям России пытаются навязать религиозность: это всегда упрощало управление людьми» [15].

Подобные опасения того, что государство в качестве одного из инструментов своей деятельности собирается использовать контролируемую им религию, имеют и свою противоположность – опасения части общества и государственного аппарата относительно ислама как неконтролируемой угрозы, формы социального и политического протеста, оформления сепаратистских движений. В определенной степени справедливо замечание А. Малашенко, сделанное в 2014 г. о том, что российское государство еще не сумело выработать прагматический подход к исламу. «Несмотря на

² Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России // Официальный сайт Президента РФ. 22.10.2013. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19474>. Дата обращения: 15.09.2019.

³ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Президент провел в Кремле заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента РФ. 08.12.2006. декабря 2016 года. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/53440>. Дата обращения: 15.09.2019.

формальную благосклонность в «государственно-исламских отношениях, – пишет он – власть не научилась четко формулировать отношение к тому, что касается культурной, собственно религиозной сферы. В ее подходе доминирует подход к исламу как к идеологии и политическому движению, угрожающему стабильности и даже целостности государства, несовместимому с законами и Конституцией. Публично это не признается, но де-факто власть относится к исламу с настороженностью, даже с боязнью» [16].

Как уже отмечалось, возрождение религии в постсоветской России сталкивается с осложнениями в коммуникации между верующими и неверующими, между представителями разных религиозных направлений, а также теми, кто стадийно представляет традиционное общество, общество модерна и постмодерна. Кроме непонимания может возникать подозрительность и недоверие, которые необходимо преодолевать посредством просвещения и диалога. Многочисленные примеры свидетельствуют о ценностном конфликте различных слоев нашего общества. Поэтому важнейшим условием дальнейшего успешного развития нашего светского государства может быть достижение консенсуса о способах и формах использования ценностей (духовного капитала) традиционных для страны религий в культуре и политической идеологии. Но для этого религиозные ценности должны быть выражены в секулярной форме. Формирующаяся российская общегражданская идентичность, столь важная для сохранения федеративной российской государственности, должна быть согласована с усиливающейся среди части нашего населения этнорелигиозной идентичностью.

Заключение

Исследование проблемы позволило выявить, что происходящее в последние годы в России религиозное возрождение является противоречивым процессом, имеющим внутренние и внешние причины, позитивные и негативные последствия. Чтобы избежать негативных последствий и ограничить деструктивные внешние влияния на этот процесс, нашему обществу и государственным институтам необходимо заниматься постоянным мониторингом, осмыслением происходящих противоречивых процессов, обеспечивать правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений. Неудача в этом деле может угрожать радикализмом и терроризмом под исламскими лозунгами, кризисом федеративного устройства российского государства.

В результате исследования было выявлено, что объективная тенденция усиления социального и политического влияния мусульманских институтов и религиозных ценностей может как способствовать созданию гражданских и политических институтов посредством обращения к конструктивному духовному наследию этой религии, так и приводить к соединению религиозной и этнической идентичности в целях выхода из состава РФ отдельных территорий, радикализму и терроризму под религиозными лозунгами. Таким

образом, можно сделать вывод о том, что усиление политического значения ислама не имеет однозначной оценки, все зависит от тех целей, для которых используется политический ислам. Из-за того что российский ислам является интегральной частью мирового ислама, для него характерны в той или иной степени все тенденции мирового ислама (альтернатива западной модели развития, фундаментализм, радикализм, экстремизм, конфликт суннизма и шиизма, сетевые структуры, конфликт традиционного и радикального ислама, детерриториализация ислама). Перед обществом и государством стоит задача обеспечить уважение к религиозным ценностям при сохранении светского характера государства. Важнейшей предпосылкой для дальнейшего успешного развития российской федеративной государственности является достижение консенсуса относительно того, что ценности традиционных религий нашего общества, выраженные в секулярной форме, не только не угрожают национальной безопасности государства, но и являются важной частью ее политической культуры. Усиление тенденции слияния этнической и религиозной идентичности приводит к необходимости решения задачи согласования этнорелигиозной и российской гражданской идентичности.

Дополнительно в дальнейшем необходимо на основе концепции делиберативной демократии провести исследования по политико-правовым условиям возможности возобновления деятельности в Российской Федерации политических партий, создаваемых на религиозной основе. Также для объяснения усиления роли ислама в социальной и политической сферах российского общества необходимо исследовать динамичное соотношение внутренних и внешних условий этого процесса.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Религия в современной России: от социальной роли к политическим смыслам», грант РФФИ № 19-011-31713.

Acknowledgments: The text of the article has been prepared within the framework of the project «Religion in modern Russia: from social role to political senses», RFBR grant No. 19-011-31713.

Библиографический список

- [1] *Соловьев А.И.* Кризисы и «кризисы»: как трактовать когнитивные конфликты политической науки // *Политическая наука*. 2018. № 1. С. 105-122.
- [2] *Мчедлова М.М.* Будущее как предчувствие (к дискуссии о характере политической науки) // *Политическая наука*. 2018. № 1. С. 93-104.
- [3] *Малашенко А.В.* Исламизм как долгосрочный фактор глобальной политики // *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки* / под ред. А.Д. Саватеева, Э.Ф. Кисриева. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 95-123.
- [4] *Кудряшова И.В.* Мусульманская идентичность и современная политика // *Мировой порядок – время перемен: сборник статей* / под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019. С. 152-167.
- [5] *Почта Ю.М.* Исламский фактор в формировании современной российской государственности // *Мировой порядок – время перемен: сборник статей* / под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2019. С. 140-151.

- [6] Сюкияйнен Л. Российская власть и ислам // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/gossiyskaya-vlast-i-islam>. Дата обращения: 15.09.2019.
- [7] Слобожникова В.С. Религиозность как политический ресурс российского государства // Политическая наука. 2013. № 2. С. 165-176.
- [8] Хабермас Ю. «Постсекулярное» общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 4 (18) – 5 (19).
- [9] Усманова Д.М. Мусульманская фракция Государственной Думы России. Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/1/plenary_usmanova.htm? Дата обращения: 15.09.2019.
- [10] Нужны ли России религиозные партии? – Мнения парламентариев // РИА «Новости Федерации». 18.01.2012. Режим доступа: <https://regions.ru/news/2389964/>. Дата обращения: 15.09.2019.
- [11] Наумкин В.В. Повлияет ли ‘бесконтактная война’ с ‘Исламским государством’ на сирийскую политику Москвы? // РСМД. 10.10.2014. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povliyaet-li-beskontaktnaya-voyna-s-islamskim-gosudarstvom-n/>. Дата обращения: 15.09.2019.
- [12] Ярлыкапов А. Российский ислам в контексте ситуации на Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 14.06.2016. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/valday/Rossiiskii-islam-v-kontekste-situacii-na-Blizhnem-Vostoke-18210>. Дата обращения: 15.09.2019.
- [13] Почта Ю.М. Роль исламских религиозных организаций России в противостоянии терроризму // Религия против терроризма: материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 6 октября 2016 г. / под ред. Н.С. Кирабаева, М.М. Мчедловой, Ю.М. Почты, Д.Б. Казариновой. М.: РУДН, 2017. С. 168-180.
- [14] Путин: Россия – светское государство, таким и останется // ТАСС. 15.06.2017 Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4339083>. Дата обращения: 15.09.2019.
- [15] Гуров Я. Спасибо за сквер Екатеринбургу? // Симбирский курьер. 21.06.2019. № 25 (4499). Режим доступа: <http://simbirsk.pro/News/17039>. Дата обращения: 15.09.2019.
- [16] Малашенко А. Российские мусульмане в международном контексте // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Rossiiskie-musulmane-v-mezhdunarodnom-kontekste---17204>. Дата обращения: 15.09.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 25.09.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632

Research article

Religion and Politics in the Post-Soviet Russia (Example of Islam)

Yu.M. Pochta

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. In the article, the author uses the example of Islam to examine the inter-confessional relations, developing in the Russian Federation in the context of return of religion and religious beliefs to public life (revival of religion). This process affects both institutional aspects

(evolution of the state's federal structure, political system, formation of civil society) and value aspects of religion, such as its influence on the political culture of society, ideology of federalism and change in the content of secularism of the state. J. Habermas' theory of deliberative democracy, the concepts of post-secular society and federalism, as well as the civilizational approach are used as the methodological base of the research. The author justifies his conclusion about the necessity to ensure respect for religious values while preserving the secular nature of the Russian state as an asymmetric Federation.

Keywords: political Islam, post-secular society, federalism, Russian Islam, secularism.

References

- [1] Soloviev A.I. Crises and “Crises”: How to Interpret Cognitive Conflicts of Political Science. *Political science*. 2018; 1: 105-122 (In Russ.).
- [2] Mchedlova M.M. The Future as a Premonition (to the Discussion on the Nature of Political Science). *Political Science*. 2018; 1: 93-104 (In Russ.).
- [3] Malashenko A.V. Islamism as a Long-term Factor in Global Politics. *Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World: The Countries of North and North-East Africa*. Ed. by A.D. Savateev, E.F. Kisriev. Moscow: LENAND; 2015: 95-123 (In Russ.).
- [4] Kudryashova I.V. Muslim Identity and Modern Politics. *The World Order – Time of Changes: Collection of articles*. Ed. by A.I. Solovyov, O.V. Gaman-Golutvina. Moscow Publishing house “Aspect Press”; 2019: 152-167 (In Russ.).
- [5] Pochta Yu.M. Islamic Factor in the Formation of the Modern Russian State. *The World Order – Time of Changes: Collection of articles*. Ed. by A.I. Solovyov, O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2019: 140-151 (In Russ.).
- [6] Syukiyaynen L. The Russian Government and Islam. *Notes about Fatherland*. 2003; 5 (14). Available from: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/rossiyskaya-vlast-i-islam>. Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).
- [7] Slobozhaninova V.S. Religion as a Political Resource of the Russian State. *Political Science*. 2013; 2: 165-176 (In Russ.).
- [8] Habermas Y. “Post Secular” Society – What Is It? *Russian Philosophical Newspaper*. 2008; 4 (18) – 5 (19) (In Russ.).
- [9] Usmanova D.M. *Muslim Faction of the State Duma of Russia*. Available from: http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/1/plenary_usmanova.htm? Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).
- [10] Does Russia Need Religious Parties? – Opinions of M.P.’s. *RIA “News of Federation”*. 18.01.2012. Available from: <https://regions.ru/news/2389964/>. Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).
- [11] Naumkin V.V. Will the ‘Contactless War’ with the ‘Islamic State’ Affect Moscow's Syrian Policy? *RSMD*. 10.10.2014. Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povliyaet-li-beskontaktnaya-voyna-s-islamskim-gosudarstvom-n/>. Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).
- [12] Yarlykapov A. Russian Islam in the Context of the Situation in the Middle East. *Russia in Global Politics*. 14.06.2016. Available from: <https://globalaffairs.ru/valday/Rossiiskii-islam-v-kontekste-situacii-na-Blizhnem-Vostokey-18210>. Accessed: 15.09.2019 (in Russ.).
- [13] Pochta Yu.M. The Role of Islamic Religious Organizations in Countering Terrorism. *Religion Against Terrorism: Proceedings of the International Scientific-practical Conference*. Ed. by N.S. Kirabaev, M.M. Mchedlova, Yu.M. Pochta, D.B. Kazarinova. Moscow: RUDN; 2017: 168-180 (In Russ.).
- [14] Putin: Russia is a Secular State and Will Remain so. *TASS*. 15.06.2017. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/4339083>. Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).
- [15] Gurov Y. Thanks for the Square to Yekaterinburg? *Sibirsk Courier*. 21.06.2019. 25 (4499). Available from: <http://sibirsk.pro/News/17039>. Accessed: 15.09.2019 (In Russ.).

- [16] Malashenko A. Russian Muslims in the International Context. *Russia in Global Politics*. 2014; 6. Available from: <https://globalaffairs.ru/number/Rossiiskie-musulmane-v-mezhdunarodnom-kontekste---17204>. Accessed: 15.09.2019 (in Russ.).

Article history:

The article was submitted on 25.09.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Почта Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-9600-2665) (e-mail: pochta_yum@pfur.ru).

Information about the author:

Yuriy M. Pochta – Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-9600-2665) (e-mail: pochta_yum@pfur.ru).

Для цитирования:

Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620–632. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632

For citation:

Pochta Yu.M. Religion and Politics in the Post-Soviet Russia (Example of Islam). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 620–632. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632



ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭФИОПИИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-633-641

Научная статья

Проблема внутренне перемещенных лиц в Эфиопии в контексте парламентских выборов 2020 года

В.Г. Иванов, В.М. Кассае Ныгусие

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В 2019 г. премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед получил Нобелевскую премию мира, возглавляемое им правительство хвалят за освобождение политических заключенных, частичное открытие политического пространства Эфиопии для оппозиции и заключение мира с соседней Эритреей. В то же время в последние годы в Эфиопии почти 3 млн человек покинули свои дома, главным образом из-за этнического насилия, а правозащитные организации обвиняют власти этой страны в том, что они заставляют людей возвращаться в свои дома, где многие все еще не чувствуют себя в безопасности. Только в 2018 и 2019 гг. более миллиона эфиопов были вынуждены покинуть свои дома в результате этнического насилия. В настоящее время Эфиопия занимает первое место в мире по количеству внутренне перемещенных лиц. Авторы анализируют противоречивую социально-политическую ситуацию в Эфиопии в контексте приближающихся парламентских выборов 2020 г.

Ключевые слова: Эфиопия, беженцы, перемещенные лица, выборы, РДФЭН, Нобелевская премия мира.

Введение

Нобелевская премия мира за 2019 г. была присуждена премьер-министру Эфиопии Абию Ахмеду Али за урегулирование конфликта с Эритреей. За последние 20 лет латентного состояния данного конфликта этническая напряженность между Эфиопией и Эритреей заметно снизилась, учитывая тот фактор, что этническая группа Тиграй, преобладающая в Эритрее, также является одной из народностей Эфиопии и у многих граждан возникло желание посетить соседнюю страну. РДФЭН – правящая партия в Эфиопии,

© Иванов В.Г., Кассае Ныгусие В.М., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

осознает экономические и политические выгоды от восстановления отношений между двумя странами. В связи с этим после избрания премьер-министром Абия Ахмеда Али, который заявил, что не поддерживает внешнеполитическую доктрину прошлого правительства во главе с Хайлемариамом Десаленем и является выходцем из народности оромо (этническая группа, которая не имеет никаких претензий к приграничным территориям и народам, проживающим в Эритрее), встает вопрос о восстановлении дипломатических отношений между государствами.

В июле 2018 г. премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед Али и президент Эритреи Исаяс Афеворки подписали декларацию о мире и дружбе, в которой говорилось о прекращении состояния войны между странами и готовности сотрудничать в экономической и социальной сферах. Подписание данного соглашения стало возможным благодаря тому, что Эфиопия признала Алжирское соглашение, по которому спорная территория с центром в городе Бадме отходила к Эритрее. Как известно, предыдущее правительство Эфиопии отказалось принять данное соглашение. Таким образом, именно позиция эфиопского премьер-министра и его инициатива проведения мирных переговоров с Эритреей сыграла ключевую роль в подписании соглашения.

Следует отметить, что окончание многолетнего конфликта знаменует начало нового этапа не только в отношениях двух государств, но также и в более широком региональном контексте – между странами северо-восточного региона Африки. Многие европейские эксперты утверждают, что Абий Ахмед намерен положить конец авторитаризму в стране, а также улучшить репутацию Эфиопии на международной арене, в связи с чем ему присудили Нобелевскую премию мира. Однако в Эфиопии продолжают обостряться межэтнические конфликты и даже было совершено покушение на лидера страны.

Необходимо подчеркнуть, что, возглавив правительство, Абий Ахмед взял курс на тотальное политическое и экономическое обновление страны (при сохранении ключевой политической роли Революционно-демократического фронта эфиопских народов). Он отменил чрезвычайное положение, провел серьезные кадровые перестановки в силовых структурах, освободил ряд политзаключенных, в том числе видных членов оппозиции. С самого начала своей деятельности на посту в качестве премьер-министра он стал много ездить по стране, встречаться с жителями разных регионов. За первые 100 дней пребывания у власти он успел заручиться поддержкой и завоевать уважение многих эфиопских народов не только в самой Эфиопии, но и среди диаспоры. На значимые посты в стране стали назначать женщин, доля которых в эфиопском руководстве резко возросла. Обращают на себя внимание и сравнительно высокие темпы экономического роста в стране.

Однако современная Эфиопия столкнулась с серьезными гуманитарными проблемами, обусловленными обострением межэтнических конфликтов.

В последние годы в Эфиопии 3 миллиона человек были вынуждены покинуть свои дома¹, в настоящее время страна занимает первое место в мире по количеству внутренне перемещенных лиц. Данная ситуация не только представляет серьезный вызов для правительства Эфиопии, а также общественных и международных организаций, но и чревата рисками политической дестабилизации страны.

Проблема перемещенных лиц в Эфиопии

Согласно данным Матрицы отслеживания перемещений (МОП) (Displacement Tracking Matrix (DTM) Ethiopia), перемещение большей части зарегистрированного населения произошло в течение 2017–2018 гг.² Матрица отслеживания перемещений (DTM) – это система для отслеживания перемещений и мобильности населения, предназначенная для регулярного и систематического сбора, обработки и распространения информации с целью лучшего понимания вынужденных перемещений и меняющихся потребностей перемещенных лиц, находящихся уже на месте, т.е. в лагерях или в пути. Система была запущена «Международной организацией по миграции» в 2004 г. для Ирака.

Как уже отмечалось, в Эфиопии на данный момент находится около двух миллионов перемещенных лиц. Эта цифра включает лишь тех, кто находится в лагерях для беженцев. Если включить всех перемещенных лиц, по некоторым оценкам, их численность составит более 3 миллионов человек.

Основными причинами для перемещения населения являются межэтнические конфликты в стране и климатические факторы. По данным Матрицы отслеживания перемещений, межэтнический конфликт являлся основной движущей силой перемещения – около 1 773 482 человек³.

Межэтнические конфликты происходят по всей стране, и остановить их уже практически невозможно для руководства страны, так как ситуация во многом провоцируется федеративной системой Эфиопии, разделившей население по этническому признаку. Тяжелая ситуация, с которой сталкиваются миллионы людей, вынужденных покинуть свои дома в результате межэтнических конфликтов, и подход политического режима к их тяжелому положению в настоящее время вызывают скептический отклик со стороны ряда международных наблюдателей.

¹ См.: Ethiopia's Crisis of Internally Displaced Persons // DW News. 27.06.2019. Режим доступа: <https://www.dw.com/en/ethiopias-crisis-of-internally-displaced-persons/av-49384151>. Дата обращения: 17.10.2019.

² Displacement Tracking Matrix (DTM) Ethiopia Round 14: November to December 2018. Режим доступа: <https://displacement.iom.int/system/tdf/reports/IOM%20-%20DTM%20Ethiopia%202018%20Methodology%20%281%29.pdf?file=1&type=node&id=3609>. Дата обращения: 17.10.2019.

³ Ethiopia – Displacement Report 15 (January – February 2019). Режим доступа: <https://www.globaldtm.info/ethiopia-displacement-report-15-january-february-2019/>. Дата обращения: 17.10.2019.

Как известно, Эфиопия еще не ратифицировала Конвенцию Африканского союза 2009 г. о защите и помощи внутренне перемещенных лиц в Африке, также известную как Кампальская конвенция⁴. Таким образом, правительство не обязано соблюдать региональные стандарты защиты внутренне перемещенных лиц. Ратификация Кампальской конвенции могла бы обеспечить доступ внутренне перемещенных лиц к правовой базе их защиты, которая уже широко распространена на континенте.

Попытка правительства исправить ситуацию путем реализации Стратегического плана по борьбе с внутренним перемещением населения в Эфиопии на 2019 г.⁵ оказалась неэффективной. Бюджет на восстановление и реабилитацию частично финансируется донорами и международными агентствами. Общая цель плана – обеспечить добровольное, безопасное, достойное и устойчивое возвращение или переселение перемещенных лиц в результате конфликтов в районы Тиграй, Амхара, Оромия, Сомали, Южных наций, народностей и народов, Бенишангул Гумуз и Харари, а также город Дире-Дава [1].

Интересным изобретением эфиопского правительства для решения проблемы перемещенных лиц стало создание Министерства мира [2]. Министерство сотрудничает с учреждениями Организации Объединенных Наций в целях запуска национального процесса разработки всеобъемлющей стратегии миростроительства. Одна из его целей будет заключаться в содействии согласованному сосуществованию перемещенных лиц и принимающих общин посредством межрегионального и межобщинного диалога. Некоторые аналитики подвергли критике состав нового органа, заявив, что в нем преобладают политические назначенцы, в основном представители службы безопасности, и отсутствуют представители гражданского общества.

Климатические или экологические факторы являются второй основной причиной миграции. По данным «Международной организации по миграции», количество внутренне перемещенных по этой причине лиц составляет около 500 000 человек. Эти цифры включают только тех, кто находится в лагерях. При этом количество перемещенных лиц, вызванное экологическими факторами, такими как сезонные наводнения, оползни и особенно засуха, стремительно растет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что экологические факторы являются дополнительными причинами межэтнических конфликтов в Эфиопии.

Может ли Эфиопия сегодня в одиночку преодолеть эти трудности? К сожалению, это невозможно без всесторонней помощи мирового сообще-

⁴ African Union Convention for the protection and assistance of internally displaced persons in Africa (Kampala convention). Режим доступа: https://au.int/sites/default/files/treaties/36846-treaty-0039_-_kampala_convention_african_union_convention_for_the_protection_and_assistance_of_internally_displaced_persons_in_africa_e.pdf. Дата обращения: 17.10.2019.

⁵ ETHIOPIA IDP Situation Report 2019. Режим доступа: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/idp_situation_report_june_13_2019_final.pdf. Дата обращения: 17.10.2019.

ства. Но для того чтобы получить финансовую и иные виды помощи извне, правительство должно решительно бороться с межэтническими конфликтами, которые дестабилизируют страну.

Правительство Эфиопии должно предпринять решительные шаги по восстановлению правопорядка в преддверии выборов в законодательные органы, намеченные на май 2020 г. Оппозиционные политики уже предупреждают о возможном переносе выборов. Это частично подтверждается заявлением избирательной комиссии Эфиопии, предупредившей, что отсутствие безопасности в регионах может привести к отсрочке выборов [3].

Кроме того, проблемы границы между регионами вновь неожиданно стали главными темами для внутривнутриполитического обсуждения. В том случае, если правительство не сможет разрешить сложившиеся противоречия, это может привести уже к межштатным конфликтам.

Перспективы победы РДФЭН на парламентских выборах 2020 г.

Как известно, основой политической системы Эфиопии является устойчивая система доминирования одной коалиционной партии – Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН), получившей власть по итогам гражданской войны в стране. После окончания периода военного правления в 1991 г. контроль над государством захватила РДФЭН, включающая Народный фронт освобождения Тиграй (НФОТ), Национально-демократическое движение амхара (НДДА), Народно-демократическую организацию оромо (НДОО) и Южноэфиопское народно-демократическое движение (ЮЭНДД) [4].

С момента прихода к власти в 1991 г. РДФЭН является правящей политической партией, и, несмотря на определенную демократизацию и регулярно проводимые в стране выборы, она одерживает на них победы практически с абсолютным результатом. Так, на парламентских выборах 2010 г. РДФЭН получил 499 из 536 мест в парламенте, на следующих выборах 2015 г. правящая партия получила 500 из 547 мест. Союзники РДФЭН получили оставшиеся места, исключив возможности любого присутствия в парламенте страны оппозиции. Таким образом, правящая партия давно монополизировала политическое пространство и продолжает эффективно удерживать его на протяжении почти тридцати лет [4].

В истории доминирования РДФЭН был один «провальный» электоральный цикл 2005 г., когда партия получила «всего» 59% голосов. Выборы сопровождались масштабными нарушениями, скандалами, массовыми протестами и вспышками насилия, в ходе которого погибло 200 человек. Правящая партия последовательно сопротивлялась появлению сильной оппозиции, однако на этот раз оппозиционные партии неожиданно смогли увеличить свои электоральные показатели почти в 20 раз (!). Последовавшие

массовые протесты были во многом вызваны межэтническими противоречиями и поддерживались разочаровавшейся молодежью Эфиопии, страдающей от высокого уровня безработицы.

В истории Африки немало примеров длительного однопартийного правления, однако случай современной Эфиопии во многом уникален: во-первых, РДФЭН находится у власти около трех десятилетий, а ее политическая поддержка (если смотреть на результаты выборов) не снижается, а растет, во-вторых, в стране регулярно проводятся выборы и они открыты для международных наблюдателей. Наконец, Эфиопия – крайне разнообразная по этническому и конфессиональному составу страна со 108-миллионным населением и высокими темпами демографического роста, что само по себе затрудняет консолидацию власти в руках одного партийного блока [4]. На рис. 1 представлено распределение мест в парламенте между представителями разных народностей страны.

Таким образом, Эфиопия по меркам континента представляет собой пример сравнительно высокой политической стабильности политической системы и правящей партии. Однако каковы шансы, что эта конфигурация сохранится после парламентских выборов 2020 г.?

Оценивая факторы, способствующие устойчивости доминирования РДФЭН, важно отметить институциональную роль избирательной системы простого большинства и системы парламентского правления в Эфиопии. Эти принципы были закреплены в Конституции Эфиопии 1995 г. и, по мнению ряда политологов, эффективно дополняют друг друга, играя на руку правящей партии. Политическая оппозиция в Эфиопии локализована в разных регионах страны и недостаточно сильна, чтобы конкурировать с РДФЭН и проводить избирательные кампании по всей территории страны.

Таким образом, институциональная «настройка» политической и избирательной систем Эфиопии, слабость и разобщенность оппозиции не позволят на следующих выборах повториться сценарию 2005 г. Тогда результаты оппозиционных партий были во многом обусловлены созданием успешных коалиций, однако сегодня РДФЭН противодействует этому процессу.

Несомненно, в Эфиопии остро стоит проблема внутренне перемещенных лиц. В стране меняется межконфессиональный и межэтнический баланс. С этими вызовами РДФЭН столкнется на будущих выборах. Однако в ближайшей перспективе не видна альтернатива правящей партии РДФЭН и созданной ею «под себя» политической системе.

Поэтому есть серьезные основания полагать, что на следующих выборах 2020 г. РДФЭН снова одержит убедительную победу. Тем не менее существуют высокие риски того, что в отдельных регионах страны выборы будут сопровождаться вспышками насилия.



Рис. 1. Национальное федеративное деление Эфиопии и представленность народов в парламенте /

Fig. 1. National Federal division of Ethiopia and representation of peoples in the Parliament

Источник / Source: International Anticrisis Center. 20.09.2019. Режим доступа: <http://u0803407.isp.reg.ru/hosting.ru/2019/09/20/nacionalnoe-federativnoe-delenie-efiopii-i-predstavlennost-narodov-v-parlamente/?lang=ru>. Дата обращения: 17.10.2019.

Выводы

В современной Эфиопии не сложились традиции конкурентной межпартийной борьбы за избирателя. Вместе с тем обеспечение политической стабильности, создание сильной партии большинства и регулярное проведение мирных выборов тоже являются значимым политическим достижением. Будущие электоральные перспективы РДФЭН зависят от того, сможет ли он представлять собой сравнительно эффективный механизм согласования интересов различных народов и конфессий страны, обеспечения безопасности, баланса и политической стабильности.

Библиографический список

- [1] Humanitarian Bulletin Ethiopia. 2019. № 7. 1-14 April. Режим доступа: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/humanitarian_bulletin_1_-_14_april_2019.pdf. Дата обращения: 17.10.2019.
- [2] Maasho A. UPDATE 4-Ethiopia Creates 'Peace Ministry' to Tackle Violence in Sweeping Reshuffle // Reuters. 16.10.2018. Режим доступа: <https://af.reuters.com/article/africaTech/idAFL8N1WW1M8>. Дата обращения: 17.10.2019.

- [3] *Endeshaw D.* Ethiopia Opposition See Dangers if 2020 Vote Delayed // Reuters. 21.06.2019. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-ethiopia-election/ethiopia-opposition-see-dangers-if-2020-vote-delayed-idUSKCN1TM23N>. Дата обращения: 17.10.2019.
- [4] *Ivanov V.G.* Ethiopia: 2020 Elections and the Prospects of EPRDF's New Victory // International Anticrisis Center. 30.01.2019. Режим доступа: <https://iaccenters.com/2019/01/30/ethiopia-2020-elections-and-the-prospects-of-eprdf-s-new-victory/>. Дата обращения: 17.10.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 18.10.2019.

Статья принята к публикации 07.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-633-641

Research article

The Problem of Internally Displaced Persons in Ethiopia in the Context of 2020 Parliamentary Elections

V.G. Ivanov, V.M. Kassae Nigusie

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. In 2019, Ethiopian Prime Minister Abiyah Ahmed won the Nobel peace prize. His government is praised for releasing political prisoners, partially opening Ethiopia's political space to the opposition, and making peace with neighboring Eritrea. At the same time, in recent years nearly 3 million people have fled their homes in Ethiopia, mainly because of ethnic violence. Human rights organizations accuse the country's authorities of forcing people to return to their homes, where many still do not feel safe. In 2018 and 2019 alone, more than a million Ethiopians were forced from their homes by ethnic violence. Ethiopia currently ranks first in the world in the number of internally displaced persons. The authors analyze the controversial socio-political situation in Ethiopia in the context of the upcoming parliamentary elections in 2020.

Keywords: Ethiopia, refugees, internally displaced people (IDPs), election, EPRDF, the Nobel peace prize.

References

- [1] *Humanitarian Bulletin Ethiopia*. 2019; 7; 1-14 April. Available from: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/humanitarian_bulletin_1_-_14_april_2019.pdf. Accessed: 17.10.2019.
- [2] Maasho A. UPDATE 4-Ethiopia Creates 'Peace Ministry' to Tackle Violence in Sweeping Reshuffle. *Reuters*. 16.10.2018. Available from: <https://af.reuters.com/article/africaTech/idAFL8N1WW1M8>. Accessed: 17.10.2019.
- [3] Endeshaw D. Ethiopia Opposition See Dangers if 2020 Vote Delayed. *Reuters*. 21.06.2019. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-ethiopia-election/ethiopia-opposition-see-dangers-if-2020-vote-delayed-idUSKCN1TM23N>. Accessed: 17.10.2019.
- [4] Ivanov V.G. Ethiopia: 2020 Elections and the Prospects of EPRDF's New Victory. *International Anticrisis Center*. 30.01.2019. Available from: <https://iaccenters.com/2019/01/30/ethiopia-2020-elections-and-the-prospects-of-eprdf-s-new-victory/>. Accessed: 17.10.2019.

Article history:

The article was submitted on 18.10.2019.

The article was accepted on 07.11.2019.

Информация об авторах:

Иванов Владимир Геннадьевич – доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Кассае Ныгусие В. Микаэль – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-2792-6634) (e-mail: kassae-nv@rudn.ru).

Information about the authors:

Vladimir G. Ivanov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Kassae Nigusie Mikael V. – Doctor of History, Full Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2792-6634) (e-mail: kassae-nv@rudn.ru).

Для цитирования:

Иванов В.Г., Кассае Ныгусие В.М. Проблема внутренне перемещенных лиц в Эфиопии в контексте парламентских выборов 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 633–641. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-633-641

For citation:

Ivanov V.G., Kassae Nigusie V.M. The Problem of Internally Displaced Persons in Ethiopia in the Context of 2020 Parliamentary Elections. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 633–641. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-633-641



DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-642-660

Research article

Developmental State of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing Economic Growth as a Governance Criterion

E. Bayeh

Ambo University
19, Ambo, Ethiopia

Abstract. The paper examines the achievements and losses of the Ethiopian state following the introduction of the developmental state model. In his research, the author relies mostly on secondary sources, upon a thorough analysis of which he draws the following conclusion: Even though the developmental state model has led to a remarkable economic growth and made the country one of the fastest growing economies in the world, it has also caused several detrimental effects, including eroding the value of pluralism, compromising human rights, and consolidating a single-party authoritarian rule, which spurred a rampant corruption and intensified arbitrary intervention in the citizens' lives. The author suggests that economic growth and political transformation (democratization) should be valued equally and pursued side-by-side, which requires a genuinely patriotic, determined, and civic-minded leader.

Keywords: developmental state, authoritarian rule, Ethiopia, economic growth.

The Notion of developmental state

As there is an ongoing academic debate in regards to the concept of a “developmental state”, it has no precise definition. So far, the literature in the area has been leaning more towards associating the term with the proactive role of the state in the country's economic development. A “developmental state” has been interpreted as a state which strives to achieve economic development by creating and regulating economic and political relations that can support sustainable industrialization [1]. Chalmers Johnson defines a developmental state as a state whose foremost and single-minded priority is economic development, defined in terms of growth, productivity, and competitiveness [2]. It is still described as “a state that is and seeks to be a strong player in the economy of a nation with a view to enhancing economic development” [3]. Hence, the concept is closely associated

© Bayeh E., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

with the rapid advancement of industrialization and socio-economic transformation by way of strong governmental involvement in the economy. Developmental state was practiced in the 19th century in Bismarck's Prussia and Meiji's Japan [4; 5; 1]. However, the most successful application of this concept resulting in a major socio-economic transformation took place in East Asian states between the 1960s and 1980s [6]. The introduction of the developmental state model brought about an astounding advance in the countries' economy and helped free them from abject poverty [7; 8]. Consequently, in academic circles the developmental state theory is used mainly to explain rapid industrialization and economic growth in East Asian states, often referred to as the Asian Tigers [4; 8; 9].

Ideologically, the developmental state is neither a capitalist nor a socialist system. Rather, it lies somewhere between a capitalist free market system and a centrally-planned command economy [4; 8]. It borrows certain features from both of these diametrically opposite politico-economic arrangements. Although it maintains the capitalist economic ideas, the developmental state ideology encourages state intervention in the economy. As Johnson observes [5], a developmental state sets far-reaching social and economic goals. Some authors refer to it as to “an emphatic state, a hard state, relatively autonomous/independent, with a decidedly interventionist bent on seeking not only to regulate, guide, and shape, but also to monitor and control, the economy” [3]. However, adopting this system does not entail replacing the free market with the socialist system of planning and control [10]. Also, the developmental state is not identical to social democracy, which represents a blend of capitalist and socialist systems. In a developmental state economic progress is possible due to the state intervention in the economy, while in a social democracy state intervention presupposes guarantee of equality, social justice, and support to those at a disadvantageous position [10]. A developmental state is, thus, an interventionist state which is targeted at a fast economic development and plays a central role in it.

Basic features of a developmental state

As follows from literature on the subject, a developmental state is characterized by, but not limited to, the following basic features. Firstly, the overriding objective of a developmental state is achieving fast socio-economic development via the process of industrialization [4]. In so doing, it is necessary to make a certain change in the industrialization process: transition from an import-substituting system to an export-oriented economy [11]. East Asian states have achieved a rapid economic growth since technocratic bureaucrats made economic development their top priority and a long term goal [8].

Secondly, a developmental state needs a competent meritocratic autonomous bureaucracy. In a developmental state, public servants are authoritative professionals, who are protected from the influence of elected politicians [3; 4; 12]. They facilitate the socio-economic transformation of a state by enjoying a high degree of political autonomy [4; 8; 13]. Thus, while politicians “reign”, the bu-

reaucrats “rule” [2; 13], in a developmental state, public servants hold the real power, therefore, meritocratic recruitment of such autonomous, capable bureaucrats plays a key part in East Asian states’ impressive skyrocketing economic performance [14].

Thirdly, a developmental state, in its essence, is an interventionist state. The state actively intervenes in the economy by regulating, guiding and controlling it. Its intervention is single-mindedly aimed at promoting industrial growth and economic development [10].

Fourthly, a developmental state has a capitalist economic environment, where private sectors participate in macroeconomic planning [2; 4]. In other words, there is a public-private partnership. However, not all private sectors enjoy this partnership; rather, it is for selected strong enterprises that have the benefit of government subsidies. Besides, such a public-private cooperation does not result from voluntary compliance of private business elites; however, it is instigated by the coercive influence of bureaucrats [2].

The phenomenon of a developmental state is now spreading beyond East Asia, across various countries of the world. Many nations are rushing to adopt the East Asian model of development, with certain necessary alterations for some of them. Ethiopia, which is the main focus of the current research, is no exception to this trend. Concerns regarding whether the developmental state model is applicable in Ethiopia have taken center stage in the recent literature [3; 15; 16]. This article contributes to the existing discourse on the subject, as it examines the actual and potential gains and losses (a relatively less discussed aspect) following the adoption of the developmental state model in Ethiopia. The article follows up on the ideas set forth in the author’s thesis, in particular that the Ethiopian government has been using economic growth as a guide for governance and that it has applied (and potentially will continue to apply) the developmental state model at the cost of some basic democratic precepts to ensure its long-lasting power. Accordingly, in his research the author tries to achieve the following main objectives:

- To investigate the patterns of change in the ideological orientation of Ethiopia during the last three successive regimes;
- To reveal actual and potential positive effects brought about by the developmental state model in Ethiopia;
- To examine actual and potential adverse effects brought about by the developmental state model in Ethiopia.

The study uses a qualitative approach, which attempts to interpret phenomena in terms of the meanings people attach to them. Qualitative research involves analyzing data, suggesting an interpretation and arriving at conclusions about the data analyzed [17]. The article offers qualitative interpretation and analysis of the secondary data, collected through a thorough study of books, journal articles, reports, and credible internet sources.

Results and discussion

Patterns of Change in the Ideological Orientation of Ethiopia. Historically, Ethiopia has experienced various forms of politico-economic orientation during different regimes. Different ideological tendencies at different times were mostly inconsistent and erratic. The age-old feudal system had been practiced in the country until the collapse of the Imperial regime after a popular revolt in 1974. Feudalism is characterized by traditional social structure, where the critical means of production is land. Hence, agriculture was the engine of the country's economic development throughout the Imperial period. Socially, the feudal system was based on the production relations as well, dividing the society into two fundamental classes: the peasantry and the landlords [18; 19]. Accordingly, the social relations were based on exploitation, as the role of peasants was reduced to that of tenants, subordinated by landowners. The political system was also highly centralized under a despotic monarchy, which allocated land solely to those who kept their allegiance to the government and supported the autocratic regime. Naturally, there was no room for alternative political forces that could represent people's interests. Eventually, the politico-economic tensions led to the above mentioned popular uprising (involving peasants, drivers, teachers, soldiers, and students) in 1974, which resulted in toppling Emperor Haile Selassie and terminating the monarchical rule in Ethiopia. As Alemayehu notes [18], economic performance in Ethiopia parallels the political processes (and conflicts) that accompany it; hence, the Imperial regime's GDP growth averaged 4 % in 1960–1974.

Following the uprising, the Military regime (Derg) acceded to power with a completely different ideology – socialism. Ethiopia became part of the Eastern bloc and switched from the feudal system to a command economic system, making the tillers' land public property. However, the period of this militaristic rule, later called “lost decades”, was far from productive because of economic stagnation [20]. Between 1974–75 and 1989–90, the average GDP growth decelerated to 2.3% [18]. This slowdown was attributed to the economy's reliance on agriculture, which, in its turn is dependent on the vagaries of nature. Besides, the obligatory military service along with the institution of centralized planning and the nationalization of land, among other factors, contributed to the inability of agriculture to support the industry. Moreover, given the militaristic nature of the rule and the prevailing recurrent political turmoil, precedence was given to the defense industry and therefore capital investment was geared towards defense needs, which were mostly met by the Soviet Union and its allies [20]. Eventually, the regime was deposed, as its ideology was bringing neither economic nor political development, mainly because of the political setbacks.

After the failure of the centrally-planned command economic system and the fall of the Derg regime in 1991, the subsequent government, again, turned to the western liberal ideology [21; 22]. After the cessation of the Cold War, which ended with a triumphant victory of the Western bloc led by the US, adopting a politico-economic model differing from the western standard was unreasonable, as lib-

eral capitalism became the world's dominant ideology. According to Francis Fukuyama, this was the time that marked the end of man's ideological evolution [23]. Most importantly, it was the US that contributed immensely to bringing the Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (EPRDF) into power. Thus, to show its allegiance to US and have the privilege of western support in the course of consolidating its power, EPRDF had no choice but jump on the bandwagon and advocate liberal ideology. Without a doubt, subscribing to the western creed has helped the regime to shore up its position; however, the country has not been able to adjust the western beliefs to Ethiopian reality, and as a result, neither a true liberal electoral democracy nor economic development have been achieved.

After promulgating the free market economy for about ten years, the government officially declared the introduction of the developmental state model, explaining that the free market system cannot function in Ethiopian conditions without selective state intervention [22]. The conclusion was based on the fact that the country's economy was significantly limited and the factors of production were highly constrained, making it impossible for Ethiopia to compete in the global market unless the government gets involved in the process [24]. Consequently, the state has established control over the country's entire economy, playing the role of a guide and choosing not to make micro-scale investments. This change coincided with the rise of Asian countries with an alternative economic model, and eventually the country's exclusive dependence on the West has started to wane. The formal introduction of the idea of a developmental state in Ethiopia is, therefore, a relatively recent event. Concerns regarding whether a developmental state model is applicable in Ethiopia have taken center stage in the recent discussion among the nation's prominent researchers, politicians, and academics. The sections below examine the model's positive and negative effects (which possibly will continue in the future) on Ethiopian reality.

Highlighting the economic progress. One cannot argue that Ethiopia witnessed certain progress in a number of areas following the adoption of the developmental state model. This is especially true in regard to the country's economic performance. The introduction of the new model almost coincided with the formal launch of *Sustainable Development and Poverty Reduction Program (SDPRP)* in 2003, which focused on agriculture, education, and development of infrastructure [25]. The program boosted the GDP growth rate from 2.3% to 5.9%, although it failed to do much about the poverty the majority of population was facing. Building on the positive achievements of the program in GDP, in 2005, *Plan for Accelerated and Sustained Development to End Poverty (PASDEP)* was launched. The plan put attention on urban development, which was overlooked in the previous program [25]. With this initiative, the country managed to achieve a noticeable economic growth (11%) and reduce the poverty level.

Most importantly, the developmental state orientation has been buttressed with the *Growth and Transformation Plan I* and *II*. With the conviction that the increasing economic performance attained by the aforementioned programs could not be sustained without focusing on the manufacturing sector, in 2010–11,

the government introduced the *Growth and Transformation Plan I*, which authorized the state to assume a key leadership role in economic planning [26]. Currently, Plan I has been completed and replaced by Plan II. The achievements of the programs are undeniable: the country is vigorously working on its industrial development, with numerous new industries growing like mushrooms. Two of the recent examples, among numerous other ongoing projects, are the Hawassa Industrial Park (a textile and apparel production base) and Bole Lemi Industrial Park (an industrial hub for export-oriented manufacturers), which have recently become operational¹. There is hope that these new industrial projects will help boost the country's economy and do away with the debilitating poverty. There is, however, also fear that in an attempt to reduce poverty these mega projects rely exclusively on trickle-down benefits of economic growth. The concern is that the benefits of these grand projects will not be enjoyed anytime soon and that they are mostly aimed at the distant future.

The aforementioned successive development initiatives, as part of the broader developmental state model, produced a persistently increasing economic development in the country [27; 28]. The percentage of growth rate varies from source to source. For instance, according to Clapham [27], by the year 2015, the country's GDP growth rate was 9.6%, making it the highest in Africa and second highest in the world. Based on the World Bank's report, Ethiopia scored annual growth rates of 10.4% in 2015, 7.6% in 2016, and 10.2% in 2017 [29]. The report also asserts that the country achieved a remarkable economic growth averaging 10.3% a year from 2006–07 to 2016–17, compared to a regional average of 5.4% [30]. According the UNDP sources, the real GDP growth in Ethiopia shot up from 8.0 percent in 2015–16 (due to the drought) to 10.9 percent in 2016–17 [31]. The industrial sector, especially its construction sub-sector, was the major contributor to the growth in 2016–17, as it took over the services sector, following the guidelines of the GTP I&II and their focus on manufacturing. Despite the minor numeric variations, the country's economic progress has been acknowledged and confirmed by all authorities without hesitation. The soaring economic growth ranked Ethiopia among the world's fastest-growing economies in 2018 [32]. Furthermore, the share of population living below the national poverty line decreased from 30% in 2011 to 24% in 2016 [30] and dropped from 27% in 2016 to 24% in 2018 [32] by international poverty line standards. It is therefore undeniable that the introduction of the developmental state model has led to impressive changes in terms of economic growth and industrialization.

To stimulate and sustain the industrialization process in particular and economic transformation in general, the government has been paying special attention

¹ Follow the link. To see more on the additional projects in several parts of the country, such as Mekelle, Dire Dawa, Kombolcha, Adama. URL: <http://www.investethiopia.gov.et/investment-opportunities/strategic-sectors/industry-zone-development>.

to infrastructural development, allocating a significant share of its national budget to infrastructural needs. The expansion of roads, railways, air transportation, national grid, and telecommunications is the evidence of the government's focus on organizational facilities. In this respect, admirable progress has been achieved, which is crucial in making the country more appealing for foreign investment.

The above mentioned unprecedented economic growth, however, comes with a price of certain downsides. There is a colossal gap between the rich and the poor, by far greater than in neighboring free market Kenya [33]. While some Ethiopians lead an exorbitantly rich lifestyle, their fellow countrymen find themselves stuck in the poverty quagmire. Since the economic growth could not significantly ameliorate the uneven distribution of wealth among various society groups, its viability remains rather questionable [34]. For instance, according to Oxford Poverty and Human Development Initiative [35], the percentage of the population living in severe poverty in Somali (81.9%) is much higher than in Harari (36.6%) and Dire Dawa (38.5%). Similarly, the level of poverty reduction is not equal in urban and rural areas; the percentage of the rural population living in dire poverty is almost quadruple that of the impoverished urban population (82.1% and 21.0% respectively) [32] also supports this assessment, observing that poverty reduction is more successful in urban areas than in the countryside. This difference can be attributed to the fact that the government (frequently accused of corruption and illicit financial flows) favors major cities over rural areas [36].

Some detrimental effects

Notwithstanding the undeniable economic progress, the way the developmental state model has been applied is hardly flawless. Although the Ethiopian government claims it has been pursuing a *democratic* model, so far, it has worked mainly on its economic aspect, sidelining the political transformation. As a matter of fact, the continuous economic growth has served as a criterion for successful administration, justifying political malpractices and legitimizing increasing authoritarian tendencies [24; 37; 38]. It is noteworthy that the developmental state model *per se* did not create the problem; however, the government's manipulation of the system's natural tendency to authoritarianism in an attempt to sustain power and reinforce control has significantly contributed to the system's malfunction. For a developmental state to function properly, a committed and civic-minded leadership, which Ethiopia is presently lacking, is a crucial condition. The democratic form of governance has remained but an aspiration for the citizens: simply put, Ethiopia is a democratic developmental state in name and an authoritarian developmental state in reality. Consequently, as a result of the developmental state model orientation, certain problems have occurred and possibly will continue to occur. Importantly, these detrimental effects are not mutually exclusive; they are interrelated and reciprocally aggravating.

Eroding the value of pluralism

For a better realization of the developmental state theory, a state needs to insulate itself from the demands of diverse social classes [39; 11; 6; 3; 8; 41]. This assertion is based on the conviction that conflicting interests of smaller social groups can detract from the capacity of a state to achieve a better overall economic performance [40; 39; 9]. Concurrently, Onis [2] asserts that the developmental state model is “inconsistent with the vision of a pluralistic form of democracy, in which a multitude of small-scale interest groups enjoy broadly equal and unrestricted access to the state.” Therefore, according to some opinions, a developmental state neglects demands of smaller social groups that may divert it from its main developmental priority [2].

Ethiopia is a multi-ethnic country with various religious and cultural groups. Different, and in some cases conflicting, interests of these groups can be a potential bottleneck in implementing the developmental state model, as they impede the consensus required for its successful functioning. However, it is equally impossible to disregard the interests of these diverse groups. One is under the impression that in order to smooth over the cross-ethnic contradictions, the state intentionally added the attributive *democratic* to the developmental state model [22]. However, public disaffection regarding the distribution of power, resources, and social opportunities is hard to ignore [3]. As the government operates relying on the policies and agendas set by the ruling party, ignoring the interests of the diverse local communities and sans their approval, the discontent keeps growing. The problems and concerns of the locals remain discounted, while their knowledge and possible input are not being taken advantage of, even though a multi-national community, *ipso facto*, requires people’s involvement in the country’s affairs. The single leading political party makes decisions for the whole society as it deems it knows what is in the people’s best interests. This situation contradicts the cardinal principle of pluralistic democracy which presupposes popular participation. Unfortunately, according to the assessment by Freedom House, Ethiopia has ranked lowest, scoring 0 out of 16 in ‘political pluralism and participation’, due to the exclusion of the public from any genuine and autonomous political participation [41]. The resulting political demonstrations which sprung up across the country were all quashed by government law enforcement agents. The country’s leaders have turned a deaf ear to peoples’ needs, ideas, and opinions deeming them to be obstacle in the government’s way to ensuring economic development.

The government’s neglect of people’s interests can partly be contributed to the mixing of developmental state theory with the philosophy of *democratic centralism*, borrowed from Leninist ideology that forefronted a tightly disciplined and centrally organized vanguard party [10], as well as the ideas of *revolutionary democracy* that naturally allows for the political stage to be occupied by a number of politicians substituting the opinion of the majority [42]. On this account, Fantini [38] writes “development policies, targets and programs are designed at the centre, authorizing regional and local authorities little room for maneuver, in a cen-

tralistic and top-down logic”. Despite the formally decentralized federal structure, there has been “little recognition for local knowledge or the autonomous aspirations of groups and individuals”, which compromises the value of pluralism in the country. Differently put, a small cluster at the top (the ruling party) makes “one size fits all” decisions for the heterogeneous Ethiopian society. It would therefore be naïve to expect pluralism to flourish in a society where a dominant ruling-party is strictly committed to democratic centralism [37].

It is the author’s conviction is that if the state continues to insulate itself from local communities’ needs and opinions just to achieve national developmental goals, the existing occasional discontent can intensify and further lead to severe inter-group conflicts and resentment in the country. This, in turn, dims a chance for peaceful coexistence and depreciates the value of pluralism propagated by the government. Therefore, the natural emphasis of a developmental state on economic performance, together with the weak commitment of the government of Ethiopia to pay due attention to local problems, can aggravate the existing dissatisfaction of the deeply divided “democratic” society. The inter-ethnic conflicts would, in their turn, backfire and impede the country’s economic growth. Hence, the best possible effort should be made towards unifying the dissenting society and ensuring consensus-oriented governance.

Jeopardizing human rights

It is true that the developmental state model requires a strong interventionist state. However, this does not mean that the developmental state theory is compatible only with authoritarian states, as one can adduce the cases of Brazil, India, South Africa, Mauritius and Botswana, where democratization and developmental processes occur simultaneously [6]. However, in view of the developmental state’s primary focus on economic development, repression of certain rights and freedoms is more than likely to happen. In this respect, Bolesta [4] comments that “it seems justifiable to claim that a developmental state would be difficult to sustain in a fully democratic system in which people enjoy extensive rights”. Consequently, a developmental state can be practiced only at the cost of compromising human rights.

Ethiopia has an abysmal human rights violation record over the past few successive regimes, in spite of the country’s commitment to abide by various national, regional and international human rights and freedoms [43]. The current regime (EPRDF) is notorious for extensive abuse of human rights, especially civil and political rights. It is evident that the regime’s adherence to the developmental state model has served as a cover for further violation of the rights of citizens. While giving priority to economic development, Meles Zenawi, the late prime minister of Ethiopia and the mastermind behind the introduction of the model in the country, plainly asserted that “development and a strong state were prerequisites for human rights, and Ethiopia needed to establish these first” [44]. He boldly and implicitly stated that “We must have growth, growth, growth... we can’t have

democracy with an empty belly” [24]. As can be inferred from this argument, it is acceptable to neglect democracy in general and human rights in particular to achieve a necessary degree of economic development and state strength. Some even question applicability of the model in the country, suspecting Ethiopia of following the eastern way because of its disinterest in respecting human rights and abiding by democratic principles [22].

The bottom-line is that economic development has been used, and will potentially continue to be used, as a legitimate excuse for violation of people’s rights. This issue may become a matter of concern for the global community, which continues to keep track of domestic human rights infringement records [34]. It is the author’s conviction that economic growth and human rights should be pursued simultaneously, and not in succession, as was articulated by Meles; the freedoms of citizens must not be suppressed under the cover of economic growth. What is more important, growth achieved at the expense of human freedoms is not going to be sustainable as it leads to instability and inevitably stirs up public discontent. The recent political unrest and people’s protests prove the author’s assumption. Human rights are not to be “thrown under the bus” of the top priority of economic growth, but they are equally vital for the country’s overall development.

Entrenching a single party authoritarian rule

Though the developmental state model has been adopted in both democratic and undemocratic states, numerous scholars observe that in a democratic political environment its efficiency is challenged [3; 4; 6; 13]. This assumption is based on the crux of democracy, which seeks to decentralize power and make the state less autonomous and more geared towards societal demands [6]. This nature of democracy is inconsistent with the requisites of a developmental state, as the latter gives priority to economic development over political reform. Therefore, advancing the democratization process in a developmental state is a rather challenging task: such states pursue the establishment of a strong and stable government that muffles any undertakings contradicting their developmental goals, justifying and legitimizing their actions on account of developmental achievements and ignoring people’s interests [4; 9]. Various scholars call attention to the tendency of a developmental state to become authoritarian and to fear the replication of the East Asian state model in other regions [3].

Ethiopia’s fragile democracy is yet more proof that a developmental state has a tendency to become authoritarian. The country’s political administration is characterized by a highly centralized single-party rule (EPRDF). The EPRDF-dominated Ethiopian government is in its turn controlled by the Tigray People’s Liberation Front (TPLF) [45]. There are opinions that the *raison d’être* of the developmental state in Ethiopia is to ensure the continued authoritarian single-party dominance [15]. This argument is reasonable in the light of Meles Zenawi’s assertion about the importance, *inter alia*, of maintaining the government’s policy for an extended period of time to guarantee the success of the developmental state

model [44]. This idea contradicts the essence of electoral democracy, which is characterized by frequent government changes and, at times, discontinuity of policy [21]. Moreover, Meles even declared that ‘there is no reason to believe that democratization is a precondition of economic development’ [34] and alluded to economic developments under dictatorships [28].

The actual state of things is in congruence with these ideas, and the ruling-party has an iron grip on political power. With the entire political space and state authority being completely controlled by the EPRDF, the country is undergoing a democratic deficit. The government has further expanded its control and entrenched its dictatorship, in particular after the historic election in 2005, when it took off the scene anything that represented a possible challenge: opposition parties, civil society organizations and the media. The late prime minister expressed his negative stance on all these “agents of democratization”, fearing that they could “easily become patronage mechanisms” in the Ethiopian context [34]. Meles took measures to achieve their complete elimination and thus warranted the ruling-party’s political hegemony. All successive elections, as well as the multi-party system in Ethiopia, are but democratic camouflages used to consolidate the ruling-party’s inclusive authority.

In this context, certain authorities remarked that Ethiopia is following an ‘authoritarian developmental state’ model [46] and labeled the Ethiopian system of governance “developmental authoritarianism”, i.e. a public administration system where the state leadership controls virtually every aspect of the society [47]. Ethiopians have been forced to live in the conditions of heavy-handed single-party authoritarianism, which has been covering up the leading party’s strive for absolute power under the pretext of effective realization of the developmental state model.

Rampant corruption as a consequence

The developmental state model is vulnerable in terms of its susceptibility to corruption, although the flaw exists in other ideological models as well. Unless the model is correctly implemented, the state’s intervention in the economy can pave a way for misuse of state power and embezzlement of public assets. Some experts remark that “in the process of enriching the nation, the state might prefer to enrich itself and not the people” [4]. The close relationship between economic bureaucrats and the business sector can lead to collusion or monopoly, as it has been witnessed in a series of corruption scandals in Japan and South Korea [7].

It is also worth mentioning that adopting and enforcing a developmental state model in an already corrupted bureaucratic system is quite reckless. According to some opinions in the UN, “African states are too corrupt and predatory, and ruled by rent-seeking or just plain kleptocratic officials who prioritize their private interests over those of the state, and use rents to fund patronage for their constituents” [9]. Ethiopia is no exception, as corruption prevails in different development sectors. The author believes that the country’s adherence to the developmental state model has aggravated the existing problem by giving officials a better oppor-

tunity for exploiting the core economic sectors. The facts on the ground serve as a proof: for example, the recently spotlighted scandals in Sugar Corporation, Grand Ethiopian Renaissance Dam, Ethiopian Shipping and Logistics Services Enterprise, Ethiopian Civil Aviation, Yayu Fertilizer Factory [48], among others, demonstrate the degree of corruption of the key economic sectors by top government officials. Those in power have been taking advantage of their interventionist role and familiarity with the business sector and massively capitalized on the country's resources, while the majority of Ethiopians have been living below poverty line. Meanwhile, the government is looking for humanitarian aid and loans from overseas.

The developmental state system requires a true patriotic, determined, and insightful leader; however, in reality the system remains corrupt though and through, while the actual leadership, greedy for gain, uses it as a cover for its selfish interests. Corruption has established a strong foothold in the Ethiopian political system and developed as an independent structure with a clear chain of interaction among officials at various levels of the government. During his speech on the national anti-corruption day, the current prime minister referred to the corruption scheme as to 'the fifth government', alluding to its immense power and influence.

The Ethiopian government cleared all potential obstacles (the media, civil society organizations, opposition groups, and activists) on its way to absolute power, which created a fertile environment for kleptocracy. If the eliminated groups were present and active, they could hold government officials accountable by exposing their wrongdoings; however, currently the government is the only game in town in the Ethiopian political environment [43].

Corruption not only creates unjustifiable income inequality among citizens, but also causes conflicts and instability that, in a never-ending circle, produce a breeding ground for corruption. One can witness this "catch-22" situation in Somalia, Syria, South Sudan and Yemen, which experience perpetual political turmoil and are notoriously the most corrupted countries in the world [49]. The problems discussed in this paper, namely depreciation of pluralism, egregious violation of human rights, pervasive single-party authoritarianism, and arbitrary intervention in the lives of citizens are all potential causes of violence and instability, as well as a hotbed for corrupt practices. All these negative repercussions considered, the improper application of the developmental state model puts the country in a vicious cycle of bad governance.

Recently, efforts have been made to arrest suspected criminals. As a result, certain senior officials are now leaving office, as they have been discredited for corruption, bankruptcy and advancing outside interests [24]. Nevertheless, whether the new office holders are truly committed to represent national interests and capable to resist corruption still remains to be seen. At the same time, effective anti-corruption legal and institutional mechanisms have not yet been firmly established.

Intensifying arbitrary intervention

State intervention in the country's economy is a core feature of the developmental state model. However, the intervention should be done selectively, in a way that facilitates the overall economic performance of a state. In case with Ethiopia, however, the intervention of the state has been unlimited, to the extent of making the country "market unfriendly" [15]. The state's arbitrary and unrestricted interference in the economy has resulted in such negative developments as inflation and shortage of access to some basic commodities, which contradicts the principle of capitalist economic environment within the developmental state model [4].

It appears that land ownership in Ethiopia has been affected by state intervention in the most detrimental way. Land for Ethiopians is an object of strong sentimental attachment, as it has been the crucial source of livelihood for centuries. The 1995 FDRE constitution explicitly confers the ownership of urban and rural land to the state and its people (Art. 40). At the same time, it authorizes the state to displace citizens from their settled lands when it is for the purpose of development or public interest, as long as a commensurate compensation is provided (Art. 44). In the great scheme of things, several development programs were carried out by the interventionist state completely within a legal framework, at times with some serious consequences for citizens. The government displaced families, oftentimes liberally and extensively interpreting *public interest*. The displacements in Gambella and other southern parts of the country as part of the Integrated Master Plan (IMP) for enlarging the capital city into the Oromo region can serve as a vivid example of such underhanded actions by the government [47]. The situation worsens in Addis Ababa, where large numbers of people are being displaced from the center to the suburbs in the name of public interest. According to multiple complaints, neither the displaced families get enough compensation to resume their lives at the new location, nor are the government projects fully implemented to serve public interests.

Such state of affairs creates resentment, conflict and instability. In addition, the authority of the government to relocate citizens at its will inevitably discourages people from participating in any productive developmental projects [15]. The author finds it unreasonable to suggest that the government refrains from uprooting people altogether but insists that "public interest" must not be construed broadly to serve vested interests and the displaced should get adequate compensation. He further contends that people's relocation should only be allowed if it benefits the people and not because it serves the developmental state's objectives. The author is convinced that the government abuses its interventionist role and wrongly applies the developmental state model, which aggravates existing social problems.

Recent changes: Too little too early

After Abiy Ahmed's recent ascendancy to prime minister, certain progress in Ethiopian federalism-based system has been achieved. Within less than a year, the

new government has been able to encourage optimism in people. It has started disestablishing some long-standing political structures, programs, and institutions that were ineffective and dictatorial, while striving to liberalize the political space for various competing forces. Exiled opposition political parties were invited to come back, and almost all are now operating domestically side-by-side with the ruling party, which used to be the only option. The political horizon has also opened up for the media: they are enjoying more freedom these days, giving publicity to several political issues, including ones that challenge the government, which was impossible under the former administration. Moreover, the government is revising the Charities and Societies proclamation that has for long kept civil society organizations away from political activities, especially after the 2005 election.

The new prime minister has also launched a number of institutional reforms in different spheres, including security, which are targeted at improving the government's legitimacy. Furthermore, the new office has started to place a greater focus on people's interests and concerns, which had been disregarded by the previous administration, effectively discrediting the government. Abiy began his office by conducting a public discussion in several parts of the country, allowing people to voice their most pressing issues. As Melisew and Cochrane [34] note, the incumbent prime minister has made a good start with his reforms and set the stage for the correct implementation of the developmental state model.

In addition, the government is working on bringing human rights transgressors to justice in the courts of law. Several top government officials have already been summoned to appear before court in regards to grave corruption scandals. It is obvious that the new administration has entered an active struggle against corruption.

Despite the obvious positive changes, the Ethiopian government is still faced with various challenges. One of the major challenges these days is that the government lacks internal coherence, as the parties constituting the ruling coalition have no common understanding of the ongoing reforms, future programs and visions of the development. There has been certain fissures between the coalition's former preponderant component, the Tigray People's Liberation Front (TPLF) and the rest of the members. Dissatisfied with the reforms, TPLF is operating virtually independently and, as a way of opposing the actions taken by the new leadership, it has shielded a number of indictable top officials who were involved in corruption scandals and human rights violations. By the look of things, the government is not exercising effective control over the entire territory of the state. On top of all, the coalition fragmentation has led to an internal political power shift, stripping the government of their monopoly on the legitimate use of force and thus facilitating a spiral of ethnically motivated violence in various parts of the country [50]. To complicate the matter, some opposition factions that recently reentered the country, are also conflicting with the government and igniting the increasing ethnic unrest. As a consequence, the country's long-standing problems have been exacerbated by more lawlessness, insecurity, and distrust.

As far the country's possible transition to democracy is concerned, there are still ambivalent sentiments. As was eloquently put by Solomon, Ethiopia is experiencing a 'spring of hope and winter of despair' [51]. Despite the reforms that have been launched, it is difficult to assure that the changes brought by the new administration will continue and bring the long-awaited genuine political change in the country. In the same respect, there are even further concerns that the new leadership will use the media for propaganda in regards to its outlook on the current issues without previously establishing and putting to practice new solid institutional tools. Besides, some of the recent changes have created discontent and resentment on the part of certain ethnic groups.

Moreover, there is still a reasonable doubt that the country's former authoritarian way of governance may prove to have a lingering effect. Currently, with the country being at transitional crossroads, it is difficult to arrive at a clear-cut conclusion about the real benefits of the aforementioned progress made by the new government. The changes witnessed so far are not enough to make a definite optimistic prediction about the future of the political system of the country in general and the developmental state model in particular. Furthermore, it is uncertain whether Abiy will continue to implement the federalism-based system or give up on it in the future. The prime minister did not make any public comment in regards to his intention to proceed with the developmental state orientation of the country, being more concerned about the spiraling political turmoil in the country.

Conclusion

After decades of rule based on the western liberal model, the new Ethiopian government has adopted the concept of a developmental state within the federalism-based political system. Following the rise of an alternative politico-economic model in the East, the government resorted to the aforementioned system, believing that the western free market economy cannot function in Ethiopian reality without a selective state intervention. The developmental state model has brought an exponential economic growth, which has been attested to by various researchers and international multilateral financial institutions. However, the political aspect of a developmental state has not received equal attention. The government has used the increasing economic growth as a criterion for administrative decisions and thus prioritized economic advancement and put democratic development on the back burner. The natural drift of the model towards authoritarianism coupled with the inherent interest of the ruling-party to sustain its power and strengthen control caused an improper application of the model and plagued the country with growing autocracy. Very recently, following the appointment of the new prime minister, certain important political changes have been made; however, it is too early to make any conclusions about whether the government is properly applying the model or if the country is entering into a genuine democratization process.

References

- [1] Chang D. *Capitalist Development in Korea: Labour, Capital and the Myth of the Developmental State*. London: Routledge; 2009. 216 p.
- [2] Öniş Z. The Logic of the Developmental State. *Comparative Politics*. 1991; 24 (1): 109-126.
- [3] Sehen B., Tsegaye R. Democratization in a Developmental State: The Case of Ethiopia, Issues, Challenges, and Prospects. *UNDP Ethiopia*. 2012; 1. 24 p.
- [4] Bolesta A. China as a Developmental State. *Montenegrin Journal of Economics*. 2007; 5: 105-111.
- [5] Johnson C. *MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industry Policy, 1925-1975*. California: Stanford University Press; 1982. 412 p.
- [6] Fritz V., Menocal A.R. Developmental States in the New Millennium: Concepts and Challenges for a New Aid Agenda. *Development Policy Review*. 2007; 25 (5): 531-552.
- [7] Kim W. Rethinking Colonialism and the Origins of the Developmental State in East Asia. *Journal of Contemporary Asia*. 2009; 39 (3): 382–399.
- [8] Boyd R., Ngo T.-W. Emancipating the Political Economy of Asia from the Growth Paradigm. *Asian States: Beyond the Developmental Perspective*. Boyd R., Ngo T.W. (eds). New York: Routledge Curzon; 2005: 11-18.
- [9] *Economic Development in Africa: Reclaiming Policy Space: Domestic Resource Mobilization and Developmental States*. United Nations: New York and Geneva; 2007. 122 p. DOI: 10.18356/fcb9b895-en.
- [10] Heywood A. *Politics*, fourth edition. UK: Palgrave Macmillan; 2013. 496 p.
- [11] Kim W. Rethinking Colonialism and the Origins of the Developmental State in East Asia. *Journal of Contemporary Asia*. 2009; 39 (3): 382–399.
- [12] Asayehgn D. The Continuing Saga of Globalism: Comparing Ethiopia’s Developmental State Strategies to those of Malaysia. *International Journal of Management Sciences and Business Research*. 2012; 1 (11): 87-103.
- [13] Haggard S. *Developmental States: Elements in the Politics of Development*. UK: Cambridge University Press; 2018. 120 p. DOI: 10.1017/9781108552738.
- [14] Edigheji O. *Constructing a Democratic Developmental State in South Africa: Potentials and Challenges*. South Africa: Human Sciences Research Council; 2010. 336 p.
- [15] Ayenachew A. *Indicia of the Developmental State Concept in the Ethiopian Higher Education*. Unpublished MA Thesis, University of Tampere, Finland; 2014.
- [16] Mesgna G. *The Challenges and Prospects of Building a Developmental State in Africa: A Comparative Study of Botswana and Ethiopia*. Unpublished MA Thesis, Addis Ababa University, Addis Ababa; 2015.
- [17] Creswell J. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*, 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, Inc; 2003. 26 p.
- [18] Addis H. From Autocracy to Bourgeois Dictatorship. *Review of African Political Economy*. 1975; 1: 1-94.
- [19] Alemayehu G. The Political Economy of Growth in Ethiopia. *The Political Economy of Economic Growth in Africa, 1960-2000*. Ed. by B. Ndulu, S. O’Connell, R. Bates, P. Collier, Ch. Soludo. Cambridge University Press: Cambridge African Economic History Series; 2007: 348-390. DOI: 10.1017/CBO9780511492648.011.
- [20] Oqubay A. Industrial Policy and Late Industrialization in Ethiopia. *African Development Bank Working Paper Series N° 303*. Abidjan, Côte d’Ivoire; 2018. 26 p.
- [21] Tsehai A. The Ethiopian Developmental State: Requirements and Perquisites. *Journal of Business & Economics Research*. 2009; 7 (8): 11-18.

- [22] Müller F. Model Transfer in the Making: Changing Development Strategies and Expectations Towards the State in Ethiopia and Ghana. *Working Papers Series*. 2015; 15.
- [23] Fukuyama F. The End of History? *The National Interest*. 1989; 16: 3-18.
- [24] De Waal A. The Future of Ethiopia: Developmental State or Political Marketplace? *World Peace Foundation*. 20.08.2018. 19 p.
- [25] Understanding African Experiences in Formulating and Implementing Plans for Emergence: A Case Study of Growing Manufacturing Industry in Ethiopia. *UNDP*. 2017. 50 p.
- [26] Planel S., Bridonneau M. Glocal Ethiopia: Scales and Power Shifts. *EchoGéo*. 2015; 31: 1-19. DOI : 10.4000/echogeo.14219.
- [27] Clapham Ch. The Ethiopian Developmental State. *Third World Quarterly*. 2017; 39 (6): 1151-1165.
- [28] Fesseha M., Abtewold M. Ethiopia: A Democratic Developmental State? *ILIRIA International Review*. 2017; 7 (2): 9-26.
- [29] Ethiopia, GDP Growth (Annual %). *World Bank*. 2018. Available from: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=ET&year_high_desc=true. Accessed: 10.02.2019.
- [30] Ethiopia: Overview. *World Bank*. 2018b. Available from: <https://www.worldbank.org/en/country/ethiopia/overview>. Accessed: 10.02.2019.
- [31] Quarterly Economic Brief: United Nations Development Programme Ethiopia. *UNDP*. 2018; I. Available from: <http://www.et.undp.org/content/dam/ethiopia/docs/Quarterly%20Economic%20brief%201st%20quarter%202018.pdf>. Accessed: 10.02.2019.
- [32] Ethiopia: Recent Developments. *World Bank*. 2018. Available from: <http://pubdocs.worldbank.org/en/471041492188157207/mpo-eth.pdf>. Accessed: 10.02.2019.
- [33] Jay S. Opinion: One More Question, Dr. Abiy. *Addis Standard*. 15.09.2019. Available from: <https://addisstandard.com/opinion-one-more-question-dr-abiy/>. Accessed: 16.02.2019.
- [34] Melisew D., Cochrane L. Ethiopia's Developmental State: A Building Stability Framework Assessment. *Development Policy Review*. 2019; 37 (2): 161-178. DOI: 10.1111/dpr.12414. DOI: 10.1111/dpr.12414.
- [35] OPHI Country Briefing 2017: Ethiopia. *Oxford Poverty and Human Development Initiative*. Oxford: University of Oxford; 2017.
- [36] East Africa and the Horn in 2022: An Outlook for Strategic Positioning in the Region. *Inter-Agency Research and Analysis Network (IRIS)*. 2017.
- [37] Gebremariam E. The Carrot and Stick of Ethiopian 'Democratic Developmentalism': Ideological, Legal and Policy Frameworks. *The Democratic Developmental State: North-South Perspectives*. Stuttgart: ibidem-Verlag / ibidem Press; 2018: 61-86.
- [38] Fantini E. Developmental State, Economic Transformation and Social Diversification in Ethiopia. *ISPI Analysis No. 163*. Milan: ISPI; 2013.
- [39] Minns J. *The Politics of Developmentalism: The Midas States of Mexico, South Korea and Taiwan*. New York: Palgrave Macmillan; 2006. 310 p. DOI: 10.1057/9780230625563.
- [40] Mkandawire T. Thinking about Developmental States in Africa. *Cambridge Journal of Economics*. 2001; 25: 289–313.
- [41] Freedom in the World 2018: Ethiopia Profile. *Freedom House*. Available from: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2018/ethiopia>. Accessed: 10.02.2019.
- [42] Lefort R. Free Market Economy, 'Developmental State' and Party-State Hegemony in Ethiopia: The Case of the 'Model Farmers'. *Journal of Modern African Studies*. 2012; 50 (4): 681-706.
- [43] Bayeh E. Incorporation of Human Rights into Legal Frameworks of the three Successive Regimes of Ethiopia and their Treatment: A Comparative Analysis. *European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2014; 32 (1): 1736-1751.

- [44] De Waal A. The Theory and Practice of Meles Zenawi. *African Affairs*. 2012; 112/446: 148–155.
- [45] Clapham Ch. Ethiopian Development: The Politics of Emulation. *Commonwealth & Comparative Politics*. 2006; 44 (1): 108–118.
- [46] Thakur M. Building on Progress? Chinese Engagement in Ethiopia. *SIIA Occasional Paper*. 2009; 38.
- [47] Matfess H. Rwanda and Ethiopia: Developmental Authoritarianism and the New Politics of African Strong Men. *African Studies Review*. 2015; 58 (2): 181–204.
- [48] Metec corruption exposed “documentary”. *Fana TV*. 2018. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=NRre1adxyCU&t=6s>. Accessed: 10.02.2019.
- [49] Corruption Perceptions Index 2018. *Transparency International*. 2018. Available from: <https://www.transparency.org/cpi2018>. Accessed: 10.02.2019.
- [50] Woldemariam M. Can Ethiopia’s Reforms Succeed? What Abiy’s Plans Mean for the Country and the Region. *Foreign Affairs Magazine*. 10.09.2018. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-africa/2018-09-10/can-ethiopias-reforms-succeed>. Accessed: 10.02.2019.
- [51] Solomon D. Ethiopia’s Spring of Hope and Winter of Despair. *solomondersso.wordpress.com*. 07.08.2018. Available from: <https://solomondersso.wordpress.com/2018/08/07/ethiopias-spring-of-hope-and-winter-of-despair/>. Accessed: 10.02.2019.

Article history:

The article was submitted on 20.02.2019.

The article was accepted on 07.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-642-660

Научная статья

Государство развития в Эфиопии: размышления об издержках рассмотрения экономического роста в качестве критерия государственного управления

Э. Байе

Университет Амбо
19, Амбо, Эфиопия

Аннотация. В статье рассматриваются достижения и потери эфиопского государства после внедрения модели государства развития. В своем исследовании автор опирается в основном на вторичные источники, на основе тщательного анализа которых он делает следующий вывод: несмотря на то что модель развивающегося государства привела к заметному экономическому росту и сделала Эфиопию одной из самых быстрорастущих экономик в мире, она также вызвала ряд пагубных последствий, включая подрыв ценности плюрализма, ущемление прав человека и укрепление однопартийного авторитарного правления, что привело к разгулу коррупции и усилению произвольного вмешательства в жизнь граждан. Автор полагает, что экономический рост и политические преобразования (демократизация) должны оцениваться одинаково и осуществляться параллельно, что требует подлинно патристического, решительного и ориентированного на общество политического лидера.

Ключевые слова: государство развития, авторитарное правление, Эфиопия, экономический рост.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 20.02.2019.

Статья принята к публикации 07.11.2019.

Информация об авторе:

Эндалкашью Байе – преподаватель департамента гражданственности и этических исследований Университета Амбо (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0003-4404-4737) (e-mail: endbayeh@gmail.com).

Information about the author:

Endalcachew Bayeh – Senior Lecturer of the Department of Civics and Ethical Studies, College of Social Sciences and Humanities, Ambo University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0003-4404-4737) (e-mail: endbayeh@gmail.com).

Для цитирования:

Bayeh E. Developmental State of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing Economic Growth as a Governance Criterion // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 642–660. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-642-660

For citation:

Bayeh E. Developmental State of Ethiopia: Reflections on the Costs of Viewing Economic Growth as a Governance Criterion. RUDN Journal of Political Science. 2019; 21 (4): 642–660. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-642-660



DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-661-672

Research article

The Pitfalls of Ethnolinguistic-Based Federal Experiment in Ethiopia

B.D. Gardachew, G.M. Kefale, G.A. Kumie

Bahir Dar University
Bahir Dar, Ethiopia

Abstract. In 1991, when Tigray People's Liberation Front (TPLF) became a leading party within the Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (EPRDF), Ethiopia introduced a system of ethnic-based federalism, which had never been practiced in the political history of the state before. The recognition of Ethiopian ethnic diversity became one of the country's fundamental principles, with the federal system largely consisting of ethnic-based territorial units. Since its inception, Ethiopia's ethnic federalism has been the subject of heated debate among various political organizations in the country, as well as among observers and scholars both in and outside the country. The key objective of this paper is to appraise the pitfalls of ethnic-based federalism in Ethiopia, which has been functioning in the country for more than two and half decades. The authors believe ethnic-based federalism to be a political arrangement that succeeds to maintain balance of centrifugal and centripetal forces. They see it as an appropriate and viable strategy for a sustainable nation-building effort in the context of Ethiopia's ethnic diversity. At the same time, the authors observe that in the case with ethnicity-based political arrangements, unless they are implemented with maximum care, the risk outweighs the benefit. When a state like Ethiopia, which had been highly centralized for many years, is trying to experiment with a seemingly federal arrangement, the equilibrium of diversity and unity should be maintained. If the political environment focuses primarily on diversity and ignores shared values and common identity, it leaves room for the elites to manipulate the differences and pursue their own parochial political interests, which would eventually serve against the public benefit. The pioneers of Ethiopia's ethnic federalism believe that the contemporary ethnolinguistic-based federal arrangement is a panacea for problems related to identity politics. However, the authors argue that, from a practical perspective, for the past two and half decades (probably in the future too, unless re-designed) ethnic federalism in Ethiopia has been highly politicized (manipulated by political dealers promoting their own selfish interests).

Keywords: ethnic federalism, pseudo-federalism, TPLF/EPRDF, politicization of ethnicity.

Background

The modern Ethiopian state was formed in the middle of 19th century (during the era of the “scramble” for Africa) through unification of the major areas of the

© Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

northern part and the expansion of territories to the south [1; 2; 3]. Since Tewodros II had initiated the policies of modernization and centralization, almost all of his successors (Yohannes IV, Menelik II and Haile Selassie) followed these policies, albeit with different levels of zeal and dynamism [4].

The military regime, replacing the imperial regime, is credited for its radical land reform, which restored land ownership to the peasants in the southern parts of the country, who had been subjugated during the empire's unification project. However, the regime did not affect the excessive centralization of the political system, and the dictatorship continued to marginalize the country's ethnic groups [5].

The 'national question', which was began to arise during the imperial period, continued to gain currency and subsequently became one of the key points on the country's political agenda. Though, the 'Derg' had attempted to answer the 'national question' on its own terms, none of the efforts had satisfied the demands of the groups whose organization was based on ethnic principles. In a short while, contrary to expectations of various scholars and students who stood at the origin of the revolution, the 'Derg' adopted a very harsh measure against any political dissent including ethno-regional movements [4; 6].

According to Kidane [5], as the military regime continued to use force to suppress rancour, ethnic rebellions intensified in many parts of the country. As is suggested by Semahegn [6] and Muhabie [4], the use of force and the complete closure of political space by the 'Derg' reinforced ethno-regional movements, namely the Tigrean People Liberation Front (TPLF), Eritrean People's Liberation Front (EPLF) and the Oromo Liberation Front (OLF). Finally, ethno-nationalist groups allied with other forces and overthrew the military regime replacing it with TPLF, which led to the formation of the Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (EPRDF) in 1991. EPLF took control of Eritrea, while TPLF controlled Ethiopia under the cover of EPRDF. After TPLF/EPRDF came to power in 1991, the so-called ethnic-based federalism was established and is still in practice in Ethiopia. Hence, the main objective of this paper is to critically appraise the failure and success of Ethiopia's ethnolinguistic-based federal structure. Qualitative approach is used as the main assessment method in the research. Qualitative method attempts to get an understanding of how things are in the social world, why they are that way, and why people act the way they do [7]. The data used in the research have been derived mostly from secondary sources (legal proclamations, articles, journals and publications), relevant to the subject matter. For each of the sources used, references have been provided.

The genesis of ethnic consciousness in Ethiopia

Despite occasional protests against the rule of Ethiopia's central government in different parts of the country, the 'national question' had never been at top of mind before, even in the first three decades of the imperial regime. According to Endalamaw [8], the understanding of nationality and ethnicity came into Ethiopian political vocabulary in the 1960s (see also the 1968 TPLF manifesto). The 'na-

tional question’ as such was introduced and brought into focus by the Ethiopian Student Movement (ESM), which at the time was actively disseminating the ideologies and principles of Marxism-Leninism within the country and abroad [9].

Van der Beken [10] also notes that although previous rebel movements in different parts of the country undoubtedly influenced the critical stance of the students, the impact of Marxist-Leninist ideas was crucial. The ‘issue of nationalities’ brought up by Marxist-Leninist ideology was applied to the realities of Ethiopian society. The Ethiopian student movement, along with other similarly-minded groups, was strongly convinced of the applicability of Marxist-Leninist ideas about nationality to Ethiopian reality. It was their belief that the Ethiopian problem could be addressed more effectively through the Marxist-Leninist framework.

In his publication, ‘Marxism and the National Question’, Stalin recognized the right to self-determination of nations, which he described as follows: *“that only the nation itself has the right to determine its destiny, that no one has the right to forcibly interfere in the life of the nation, destroy its schools and other institutions, violate its habits and customs, repress its language, or curtail its rights”*. Moreover, according to Stalin, as well as Lenin, the right to self-determination even involved the right to secession. Both stated that these ideas should be promoted and applied in regard to every nation [10]. Regrettably, at the time the Marxist-Leninist ideas, introduced from abroad, were not adopted to the Ethiopian socio-cultural realities of the time.

Following this, numerous groups, organized on the basis of ethnicity, ventilated a lot of identity-related issues. For instance, the 1968 TPLF Manifesto openly recognized the existence of national oppression. According to the Manifesto, the ‘oppressing’ nation (Amhara) politically and economically marginalized, as well as culturally and linguistically dominated various minority nationalities [8]. An article by Walleign Mekonnen, inspired by the Marxist-Leninist position of social justice and national and ethnic equality, poured oil on flames:

“Is it not simply Amhara and to a certain extent Amhara-Tigre supremacy? Ask anybody what Ethiopian culture is. Ask anybody what the Ethiopian language is. Ask anybody what Ethiopian religion is. Ask anybody what the national dress is. It is either Amhara-Amhara Tigray! To be a ‘genuine Ethiopian’ one has to speak Amharic, to listen to Amharic music, to accept the Amhara-Tigre religion, Orthodox Christianity, and to wear the Amhara-Tigre shemma in international conference. In the same case, to be an ‘Ethiopian’, you will even have to change your name. In short, to be an Ethiopian, you will have to wear an Amhara mask” [11].

The ideological antecedents of contemporary ethnic federalism can be traced back to Marxist-Leninist ideology and its conception of “the national question”. To an extent, the project was shaped after the example of the USSR and Yugoslavia. Once the ideology of Marxism-Leninism was introduced to Ethiopia by the Ethiopian Student Movement, the “national question” became a burning one. In 1991, when TPLF, in alliance with other Liberation Fronts, became a leading par-

ty within EPRDF, the doctrine of Marxism-Leninism constituted the basis for a new federal state structure. Thus, ideological orientation and political necessity relied on ethnic federalism as on a framework for resolving issues of ethnic and regional autonomy. Ethnic federalism was meant to guarantee the right to self-determination within the Ethiopian nation as a whole [12].

There are major similarities between the visions of the Ethiopian Students Movement of the time and the current state building strategy. In the present FDRE constitution, ethnic diversity is recognized and used as a founding element of nation building. Moreover, the constitution further supports ESM ideas by granting a right to secession to Ethiopia's 'nations' [10]. It is therefore fair to assert that there is a direct correlation between the approach towards the ethnic issue adopted by the Ethiopian students at the end of the 1960s and the modern state building strategy in Ethiopia, which is explicitly expressed in the present constitution.

Contradictory views on ethnic federalism in Ethiopia

Since the introduction of ethnic federalism in Ethiopia, it has been – and most likely will continue to be – a subject of heated debate in political discourse both inside and outside the country. Among academics, there is no consensus in regard to the current state arrangement in Ethiopia. In this section, we are going to examine the existing contradictory views on the relevance of ethnic federalism as a viable political system.

The pioneers and advocates of the new federal arrangement believe that the introduction of ethnic federalism in Ethiopia helped to embrace the country's diversity. The previous political regimes were highly centralized and focused on unity, not giving much attention to ethnic divergences. According to some scholars, ethnic federalism also contributes to state building and national consensus, as it promotes self-rule and shared rule, the sense of oneness amidst multiformity, and therefore the chance of conflict among ethnic groups is minimal [13–15].

Supporters of ethnic federalism point out that it has maintained the unity of the Ethiopian peoples and the territorial integrity of the state, while providing full recognition of the principle of ethnic equality. From this perspective, for Ethiopia, a country with an impressive ethnic diversity, a federal arrangement of this kind is an appropriate solution. Ethiopia's main problem for a long time had been national oppression, and according to the proponents of ethnic federalism, the current state structure is able to keep the nation's autocracy under control and manage inter-ethnic tensions within the country [14; 15].

According to Abbink [16], opponents of ethnic federalism assert that EPRDF opted for the current system for the purpose of "institutionalizing and facilitating 'divide and rule' and ensuring the ruling parties position". Scholars who view ethnic federalism with suspicion tend to believe that from the very outset, TPLF (which at the time represented only a tiny percentage of the population) was striving to design a mechanism to secure its position and power. One way of doing so

was to transfer the country into ethnically defined regional states and create ethnically defined parties under its control [17; 18].

Accordingly, the fundamental reason behind the establishment of ethnic federalism along ethnic lines is a strategy calculated by the ruling regime to consolidate the dominant party's rule. Therefore, the current ethnicity-based political arrangement may create conditions for its politicization and trigger a split-up in national consciousness, producing multiple ethnic groupings at the expense of collective sense of belonging, common purpose and shared identity.

One of the essential features of the Ethiopian ethnic federal system is that it allows secession for any ethnic unit as long as the constitutional requirements are met¹. However, according to Alem [12] and Endalamaw [8], the secession clause is one of the most controversial issues in public discourse in Ethiopia and its diaspora communities today. Opponents of ethnic federalism fear that it invites ethnic conflict and risks state disintegration. The Ethiopian state, they worry, may face the same fate as the USSR and Yugoslavia. Others, although being optimistic and supportive of the ethnic federal constitution per se, still doubt the government's real commitment to self-determination and claim that so far the underlying constitutional principles have not been seriously put into practice.

To many critics, the federal state is a de facto one-party state in which ethnic organizations are mere satellites of one ethnic organization, the TPLF, which is the leading unit in the ruling coalition, the EPRDF. Lastly, those who consider Ethiopia to be a colonial empire see the federal exercise as yet another colonial trick, and advocate "decolonization".

Many scholars express their concern that Ethiopia's constitutionalized version of ethnic federalism, with its focus on nations, nationalities, and peoples, its state-building along purely ethnic lines, and its use of ethnicity as the key component for political participation will lead to greater instability, more ethnic conflict, and the proliferation of secessionist movements. Ethnic federalism intentionally entrenches ethno-cultural differences and simultaneously creates and reinforces "primordial" ethnic divisions that may not be stable or may even pre-exist the labeling [17–21]. Consequently, the concretization of ethnic identities will likely hinder the ability of different groups to integrate or develop national identities, and may lead to ethnic conflict and the eventual dissolution of the nation.

Those who oppose ethnic federalism argue that the current Ethiopian Constitution does not solve but actually exacerbates the problem of tribalism [16]. The proponents of the current system, who believe in Ethiopia's strong national identity, still worry that this identity may erode, as individuals are encouraged to think of themselves as a member of a specific ethnic group or as Regional States, rather than an Ethiopian citizen [18; 20; 22].

¹ See the 1995 FDRE Constitution, article 39 (1), this secession clause gives unconditional right to ethnic groups to secede from the federation as long as the constitutional procedures are followed.

Stressing ethnic differences through the Constitution and political process instead of letting them fade “encourages aggressive ethnic identification and separatism and exacerbates ethnic distrust and social discord”. It also incentivizes each state to pursue its own parochial interests strictly defined by ethnic lines [14; 20; 22–24].

The pitfalls of ethnic federalism in Ethiopia

Politicization of Ethnicity. As stated in the introductory section, this purpose of this paper is to examine the shortcomings of Ethiopia’s ethnic-based federalism. To many scholars in and outside the country, one of the main drawbacks of the Ethiopian federal arrangement is the use of ethnicity for political purposes. According to Muhabie [4], since the adoption of the new political arrangement in 1991, ethnicity has become the primary means of political mobilization in Ethiopia. Most often political representation is organized on ethnic grounds, and consequently groups are encouraged to claim “ethnic rights” at the expense of others [25].

The constitutionally enshrined self-determination right incites political elites to control *kebeles*, districts and regions in order to have a share of resources channeled from the federal to the local level. Local politicians and party officials from all ethnic groups, both government and opposition, have at times coaxed their followers into initiating conflict with competing groups [8; 26]. It is therefore evident that political elites at different levels of administration have used ethnic identities to their advantage while pursuing their own self-serving interests, which is contrary to the fundamental principle of what the federal arrangement aspires to achieve.

In contemporary Ethiopia, the number of ethnic denominations and classifications has grown, inspired more by political, social and economic interests rather than primordial sentiments [8]. Although national, cultural and social formations are basic foundations for fostering solidarity and political invigoration, ethnic perception and mobilization have emerged due to social, economic and political reasons more so than before. This increased degree of “ethnic consciousness and ethnic mobilization” has been attributed to the activities of political elites, which have been manipulating the larger population’s ethnic affiliation to advance their self-interests [16; 27; 28]. Thus, ethnic federalism has become a fertile ground for political elites’ lucre-seeking endeavors.

According to Kidane [5], the contemporary Ethiopian ethnic essentialism has emerged due to political justification more than before. Lack of fair management of identity relations and moderation of inter-identity inequalities and an instrumental sense of ethnicity strengthens politicization of ethnicity in the Ethiopian politics. For Assefa [15] this political polarization can instigate organization of conscious ethnic groups at the expense of the community and hinder democratization for nation building.

According to Endalamaw [8] federating a diversified state, which Ethiopia is a typical example; by strict ethnic lines may not be practical or beneficial. What results is the utilization of ethnicity. If ethnicity is utilized as a source of resource and power, it has a prospective to create an opportunity to engage in a political polarization. The politicization of ethnicity for one's own advantage is also a clear violation of the very foundation of the constitution.

The 1995 FDRE Constitution under its preamble explicitly specifies that the common destiny of nations, nationalities and peoples of Ethiopia “can best be served by rectifying historically unjust relationships and by further promoting their shared interests”. However, according to Assefa [15] there is a huge gap between the promise of the constitution and the reality on the ground. From this, one can infer that political elites have been committed to politicization of ethnicity in the name of the so-called practice of ‘rectifying historically unjust relationships between ethnic groups’. This paper also argues that, the constitution itself has politicized ethnicity specifically in its preamble section.

Pseudo-federalism. The Ethiopian ethnic-based federal arrangement is criticized for its failure to decentralize genuine power to the federating units in a practical sense. In this regard, Kidane's empirical evidence [25] is helpful to understand whether Ethiopia's state structure is based on genuine decentralization of power or not. The scholar has conducted many studies on federalism and he came up with tangible data about the practical realities of the Ethiopian ethnic-based political arrangement.

According to Kidane [25], there are a number of facts demonstrating that the Ethiopian government has failed to devolve real power to the regions and bring about genuine decentralization. The main indicator of the failure is the extreme financial dependence of the regional governments (with the exception of Addis Ababa's municipal administration) on the central government, which monopolized most of the revenue-generating resources and assumed a strong redistributive role (see also [29]). As Kidane fairly notes, the excessive financial reliance of regional states on the central government undermines the goal of political decentralization; and more importantly, it deprives the regional governments of the ability to control their development process.

Many scholars concur that, for a long time, the Ethiopian political system has been dominated by TPLF, one of the founding members of the Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (see for example, [4; 8; 10; 12; 25; 30; 31; 32]). Kidane [25] believes that in a multiethnic country, especially in a country with antagonistic relations between the state and ethnic groups, a successful strategy of state-building requires genuine decentralization and ethnic neutrality of the state at its center, both in essence and in appearance. The scholar questions the neutrality of the TPLF/EPRDF leadership and recommends a different political arrangement in the form of an ethnically neutral state.

Nowadays, TPLF officials occupy key decision-making positions in the Ethiopian government. As correctly stated by Kidane, such disproportionate political

influence has made the government neither truly neutral nor representative of all ethnic groups in the country. The current state of affairs in Ethiopian politics has come down to a situation where the founding members of EPRDF, such as OPDO and ANDM, are complaining about the political dominance of TPLF². In numerous public rallies organized against the ruling regime (TPLF/EPRDF), the protesters cried out against TPLF's political and economic supremacy³.

According to Keller [33], major policies and implementation strategies in Ethiopia are currently highly centralized, with regional states replicating the central administrative decisions. Similarly, for Teshome and Záhork [34], administration in Ethiopia is federal only in a structural sense. Siraw [31] supports their argument, stating that the federal system is nominal, with central control and top-down rule precluding local initiative and autonomy.

In concurrence with the above-mentioned authors, Frank [35] confirms that the Ethiopian federal government has been exercising increasing control over the autonomous regions, thus excluding locals from political participation. Such extensive control, according to Frank, may have been necessary for state security; however, it is further eroding the trust in the government and alienating local people from politics. Hence, it is fair to argue that a federation cannot be genuine if it is a result of coercion from above (the center). Such type of power hierarchy raises doubts about the credibility of the central government.

Another popular political rhetoric states that Ethiopia's political system remains highly centralized and dominated by a single ethnic identity, while the government uses the system in order to "divide and rule" rather than encourage the regional governments' self-authority [16; 36]. Kidane [5] argues that contemporary Ethiopia experiences a continued centralization by TPLF, which keeps creating ethnic-based satellite parties with the purpose of controlling the regional governments. Such ancillary parties have become puppets, with the help of which the EPRDF exercises an indirect rule over the whole country.

Concluding remarks

Since the beginning of Ethiopia's modern history and up until the downfall of the military regime, the state had pursued a centralized (close to unitary) type of political structure. With the fall of the the *Derg* rule, the victorious coalition TPLF/EPRDF assumed political power and adopted a new type of federal arrangement, novel and radical in its essence. The ideological basis of the contem-

² Out of four political parties that initially comprised EPRDF (ANDM, OPDO, SEPDM and TPLF), three parties were unable to exercise their political power at the federal level. The Tigrayan People's Liberation Front (TPLF), a political party that led the way in the creation of the EPRDF, has established a dominating position and is controlling the security apparatus of the state.

³ For example, on July 31, 2016 thousands of protesters, who demonstrated in Gondar, a major city in the Amhara region, and in neighboring localities, demanded an end to TPLF rule over Ethiopia.

porary ethnic federalism project can be traced back to the Marxist-Leninist doctrine. Ever since the adoption of the new federal system, scholars' opinions have been divided over its normative and practical significance for the state. The given paper advocates that, provided it is implemented in accordance with its initial ideas, the benefits of ethnical federalism outweigh its risks; however, maximum care should be taken to avoid manipulation by political entrepreneurs. The existing literature and data confirmed that multiple Ethiopian ethnicities have been used by political elites for selfish gains. As is fairly argued by Kidane [5], contemporary Ethiopian politics lacks genuine decentralization of power and experiences continued concentration of control by TPLF through its ethnic-based satellite parties. As is noted by Mohammed Hassen [36], regrettably, Ethiopia has once again missed a golden opportunity to realize a workable strategy of state building.

References

- [1] Pankhurst R. *Economic History of Ethiopia, 1800-1935*. Addis Ababa: Haile Sellassie I University Press; 1968. 772 p.
- [2] Teshale T. *The Making of Modern Ethiopia: 1896-1974*. The Red Sea Press; 1995. 246 p.
- [3] Bahiru Z. *A History of Modern Ethiopia, 1855-1974*. Ohio Univ Press; 1991. 244 p.
- [4] Muhabie M. Ethnic Federalism: A Means for Managing or a Triggering Factor for Ethnic Conflicts in Ethiopia. *Social Sciences*. 2015; 4 (4): 94-105.
- [5] Kidane M. Africa's Intrastate Conflicts: Relevance and Limitation of Diplomacy. *African Issues*. 2003; 32 (1): 25-39. DOI: 10.1017/S1548450500006594
- [6] Semahegn A. The dilemma of Adopting Ethnic Federal System in Africa in Light of the Perspectives from Ethiopian Experience. *Journal of African Studies and Development*. 2012; 4 (7): 168-175.
- [7] Marshall C., Rossman G.B. The "What" of the Study: Building the Conceptual Framework. *Designing Qualitative Research*. 1999; 3 (3): 21-54.
- [8] Endalamaw C. *Ethnic Federalism and Nation Building in Development: The Case of Ethiopia*. Doctoral dissertation. Addis Ababa University; 2015.
- [9] Merera G. Contradictory Interpretation of Ethiopian History. *Ethnic Federalism: The Ethiopian Experience in Comparative Perspective*. Addis Ababa: Addis Ababa University Press; 2006.
- [10] Van der Beken C. Federalism and the Accommodation of Ethnic Diversity: The Case of Ethiopia. *Third European Conference on African Studies*. 2009: 1-21.
- [11] Wallelign M. On the Question of Nationalities in Ethiopia. 17.11.1969. Available from: <https://www.marxists.org/history/erol/ethiopia/nationalities.pdf>. Accessed: 10.01.2019.
- [12] Alem H. *Ethnic Federalism in Ethiopia: Background, Present Conditions and Future Prospects*. Paper Submitted to the Second EAF International Symposium on Contemporary Development Issues in Ethiopia July 11-12, 2003. 33 p.
- [13] Watts R.L., Rovinsky D.J. Comparing Federal Systems in the 1990s. *The American Review of Canadian Studies*. 1999; 29 (2): 367.
- [14] Alemante G.S. Ethnic Federalism: Its Promise and Pitfalls for Africa. *Yale Journal of International Law*. 2003; 28: 51-107.
- [15] Assefa F. Ethiopia's Experiment in Accommodating Diversity: 20 Years' Balance Sheet. *Regional & Federal Studies*. 2012; 22 (4): 435-473.
- [16] Abbink J. Ethnicity and Constitutionalism in Contemporary Ethiopia. *Journal of African Law*. 1997; 41 (2): 159-174.

- [17] Abbink J. Ethnicity and Conflict Generation in Ethiopia: Some Problems and Prospects of Ethno-regional Federalism. *Journal of Contemporary African Studies*. 2006; 24 (3): 389-413.
- [18] Legesse T. Ethnic Federalism and Conflict in Ethiopia: What Lessons Can Other Jurisdictions Draw? *African Journal of International and Comparative Law*. 2015; 23 (3): 462-475.
- [19] Ehrlich Ch.E. Ethnicity and Constitutional Reform the Case of Ethiopia. *ILSA Journal of International & Comparative Law*. 1999; 6: 51-71.
- [20] Aalen L. Ethnic Federalism and Self-determination for Nationalities in a Semi-authoritarian State: The Case of Ethiopia. *International Journal on Minority and Group Rights*. 2006; 13 (2-3): 243-261.
- [21] Abebe D. *Ethnic Federalism in Ethiopia: A Means to an End*. 2017. Available from: https://www.law.uchicago.edu/files/Session%20VI_Abebe.pdf. Accessed: 11.01.2019.
- [22] Legesse T. Federalism as an Instrument for Unity and the Protection of Minorities: A Comparative Overview: Ethiopia, India and the US. *Mizan Law Review*. 2016; 10 (2): 265-295.
- [23] Minasse H. The New Ethiopian Constitution: Its Impact upon Unity, Human Rights and Development. *Suffolk Transnational Law Review*. 1996; 20: 1.
- [24] Bereket H. Self-determination in Principle and Practice: The Ethiopian-Eritrean Experience. *Columbian Human Rights Law Review*. 1997; 29: 91.
- [25] Kidane M. Ethiopia's Ethnic-based Federalism: 10 Years After. *African Issues*. 2001; 29 (1-2): 20-25.
- [26] Engineering Ethnic Conflict: The Toll of Ethiopia's Plantation Development on Suri People. *The Oakland Institute*. 2014.
- [27] Berhanu G. Restructuring State and Society: Ethnic Federalism in Ethiopia. *SPIRIT Doctoral Programme Series*, Thesis No. 8. Denmark: Aalborg University; 2007.
- [28] Bekalu T. Ethnic Federalism and Conflict in Ethiopia. *African Journal on Conflict Resolution*. 2017; 17 (2): 41-66.
- [29] *World Bank, Ethiopia: Review of Public Finances*. Vol. 1. Report No. 18369-ET. 30.12.1998.
- [30] Vaughan S. *Ethnicity and Power in Ethiopia*. PhD Thesis. The University of Edinburgh; 2003. 322 p.
- [31] Siraw M. Weaknesses of Ethnic Federalism in Ethiopia. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. 2015; 4 (11): 49-54.
- [32] Temesgen T. Ethnic Federal System in Ethiopia: Origin, Ideology and Paradoxes. *International Journal of Political Science and Development*. 2016; 4 (1): 1-15. DOI: 10.14662/IJPSD2016.004.
- [33] Keller E.J. Ethnic Federalism and Democratization in Ethiopia. *Horn of Africa*. 2003; 21: 30-43.
- [34] Teshome W., Záhořík J. Federalism in Africa: The case of Ethnic-based Federalism in Ethiopia. *International Journal of Human Sciences*. 2008; 5 (2). Available from: <https://www.j-humansciences.com/ojs/index.php/IJHS/article/view/506/311>. Accessed: 10.01.2019.
- [35] Frank M. Effects of Ethnic Federalism in Ethiopia. Holding Together or Splitting Apart? *University of Toronto/University of Frieburg, Summer Institute Guadalajara*. 2009.
- [36] Ottaway M. *Democratization and Ethnic Nationalism: African and Eastern European Experiences*. Washington DC: Overseas Development Council; 1994. 85 p.
- [37] Hassen M. Ethiopia: Missed Opportunities for Peaceful Democratic Process. *State Building and Democratization in Africa: Faith, Hope, and Realities*. Ed. by K. Mengisteab and C. Daddieh. Westport and London: Praeger; 1999: 233-260.

Article history:

The article was submitted on 15.07.2019.

The article was accepted on 07.11.2019.

Подводные камни этнолингвистического федерального эксперимента в Эфиопии

Б.Д. Гардашью, Г.М. Кефале, Г.А. Кумие

Университет Бахр-Дар
Бахр-Дар, Эфиопия

Аннотация. В 1991 г., когда Народный фронт освобождения Тыграй (НФОТ) стал ведущей партией в составе Революционно-демократического фронта эфиопских народов (РДФЭН), Эфиопия ввела систему этнического федерализма, которая никогда ранее не практиковалась в политической истории государства. Признание этнического многообразия Эфиопии стало одним из основополагающих принципов для страны, поскольку федеративная система в значительной степени состоит из этнических территориальных единиц. С момента своего создания этнический федерализм Эфиопии был предметом горячих дебатов среди различных политических организаций, наблюдателей и ученых как внутри страны, так и за ее пределами. Основная цель статьи – оценить «подводные камни» модели этнического федерализма в Эфиопии, которая действует уже более двух с половиной десятилетий. Авторы полагают, что этнический федерализм является политическим устройством, которое успешно поддерживает баланс центробежных и центростремительных сил в стране. Они рассматривают его как надлежащую и жизнеспособную стратегию для устойчивого национального строительства в контексте этнического разнообразия Эфиопии. В то же время авторы отмечают, что в случае, если политические договоренности на этнической основе не осуществляются с максимальной осторожностью, сопряженный с ними риск перевешивает выгоду. Если такое государство, как Эфиопия, которое в течение многих лет было сильно централизовано, пытается экспериментировать с федеративным устройством, то в стране должно поддерживаться равновесие разнообразия и единства. Если политическая среда фокусируется главным образом на разнообразии и игнорирует общие ценности и общую идентичность, она оставляет возможности для того, чтобы элиты манипулировали этническими различиями и преследовали свои собственные партикулярные политические интересы, что в итоге будет работать против общества. Основатели эфиопского этнического федерализма считают, что современное этнолингвистическое федеративное устройство является панацеей от проблем, связанных с политикой идентичности. Однако авторы статьи утверждают, что с практической точки зрения в течение последних двух с половиной десятилетий (вероятно, это продолжится и в будущем) этнический федерализм в Эфиопии был слишком политизирован силами, продвигающими собственные интересы.

Ключевые слова: этнический федерализм, псевдофедерализм, РДФЭН, политизация этничности.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.07.2019.

Статья принята к публикации 07.11.2019.

Информация об авторах:

Гардашью Бевукету Дирес – преподаватель и исследователь департамента политологии и международных исследований университета Бахр-Дар (Эфиопия) (e-mail: bewuket23@gmail.com).

Кефале Гебезу Менгеша – преподаватель и исследователь департамента социальной антропологии университета Бахр-Дар (Эфиопия) (e-mail: bduinfo@bdu.edu.et).

Кумие Гетахун Антигегн – преподаватель и исследователь департамента политологии и международных исследований университета Бахр-Дар (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Information about the authors:

Bewuketu Dires Gardachew – Lecturer and Researcher of the Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University (Ethiopia) (e-mail: bewuket23@gmail.com).

Gebeyehu Mengesha Kefale – Lecturer and Researcher of the Department of Social Anthropology, Bahir Dar University (Ethiopia) (e-mail: bduinfo@bdu.edu.et).

Getahun Kumie Antigegn – Lecturer and Researcher of the Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Для цитирования:

Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A. The Pitfalls of Ethnolinguistic-Based Federal Experiment in Ethiopia // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 661–672. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-661-672

For citation:

Gardachew B.D., Kefale G.M., Kumie G.A. The Pitfalls of Ethnolinguistic-Based Federal Experiment in Ethiopia. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 661–672. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-661-672



ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686

Научная статья

Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая

А.Ю. Варшавский

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Аннотация. В статье анализируются институциональные аспекты появления и функционирования фракций основных партий Уругвая и их влияние на поддержание стабильности президентства. Уругвайские партии исторически характеризуются фрагментированностью и состоят из множества идеологически разнородных движений, что позволяет рассматривать их в качестве коалиций. Конкурирующие между собой за влияние на политическую повестку фракции в конечном итоге формируют общую стратегию партии. Коалиционность внутри партий во многом определяется сложившейся в Уругвае избирательной системой. Наделенный широкими полномочиями выбранный президент, представитель своей фракции, должен выстраивать коалиционные отношения с остальными фракциями своей партии, предоставляя им различные уступки в сфере исполнительной власти. На основе рассматриваемых факторов делается вывод о том, что электоральные особенности уругвайской политической системы создают необходимость формирования коалиций между партийными фракциями, которые влияют на устойчивость президентского режима.

Ключевые слова: президентство, политические партии, партийная система, партийные коалиции, фрагментированность партий, фракции, Уругвай.

Введение

За последние несколько десятилетий в политической науке значительно возросло количество работ, посвященных проблемам формирования партийных коалиций в президентских системах. Общепринятое мнение базиру-

© Варшавский А.Ю., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ется на труднодостижимости создания партийных коалиций в президентских демократиях [1; 2] и основывается на следующих позициях: 1) системы с широкими полномочиями президента негативно сказываются на демократическом процессе [3]; 2) стабильные президентские режимы сложно сочетаются с многопартийностью [4]; 3) институты в парламентских системах создают более благоприятные стимулы для коалиций, которые положительно сказываются на демократии [4; 5], 4) низкая степень партийной дисциплины затрудняет создание коалиций [4].

Однако проведенные исследования показали, что коалиции – как кабинетные, так и законодательные – не являются редким исключением в президентских системах.

Х.А. Чейбуб с соавт. [6] рассмотрели 218 случаев распределения мест в парламенте в 33 президентских демократиях с 1945 г. В 97 случаях (45%) ни одна партия не обладала парламентским большинством, а в 52% из них на протяжении всего или части периода были сформированы кабинетные коалиции. Результаты показали, что при отсутствии большинства в законодательном органе президенты, которые стремятся заручиться поддержкой, создают коалиции.

Ярким примером опровержения традиционных аргументов относительно формирования коалиций в президентских системах служит Восточная Республика Уругвай. Страна представляет собой одну из наиболее устойчивых президентских демократий в мире с развитой партийной системой, сложившейся с начала XIX в. На протяжении практически всей истории уругвайской государственности в стране существовали две крупные партии – Колорадо (*Partido Colorado*) и Национальная партия, она же – «Бланко» (*Partido Nacional, “Blanco”*). Во второй половине XX в. в стране образовалось новое крупное движение левых сил – Широкий Фронт (*Frente Amplio*), которое превратилось в полноправную политическую партию.

В то же время уругвайская демократия неразрывно связана с сильной фигурой президента. Наделенный правом оспаривания всех законодательных актов и единоличным правом формирования кабинета, при наличии меньшинства в парламенте глава государства склонен давать стимулы (*incentives*) представителям остальных фракций, предоставляя министерские посты, взамен заручаясь поддержкой в продвижении своей программы. В связи с этим эффективное функционирование политической системы во многом зависит от взаимодействия президента и партийных групп основных партий.

Наконец, партии отличаются повышенной фрагментированностью благодаря наличию множества групп и движений, которые формируют общее поведение партий. Несмотря на то что президентство не благоприятствует укреплению партийной дисциплины [7], ключевой момент, позволивший развитие в Уругвае устойчивых внутрипартийных коалиций, состоит в особенностях электоральной системы и прочной связи президента с фракциями представляемой им партии.

Статья структурирована следующим образом: в первом разделе анализируются особенности партийной системы Уругвая, затем рассматриваются основные черты избирательной системы и проводится разбор главных характеристик президентства. В заключительном разделе делается вывод о влиянии электоральной системы на консолидацию внутрипартийных институтов, за счет чего поддерживается устойчивость президентской системы.

Особенности партийной системы Уругвая

Партийная система Уругвая является одной из наиболее старых в современных демократиях и самой зрелой среди латиноамериканских стран [8]. Две крупнейшие партии Колорадо (*Partido Colorado*) и Национальная партия (*Partido Nacional*, “Blanco”)¹ сформировались в 1836 г. вскоре после того, как Уругвай стал независимым государством. С того времени они неоднократно были вовлечены в гражданские войны, по окончании которых достигали договоренности о распределении полномочий, что позволяло обеим партиям участвовать в политической жизни на национальном и местном уровнях. По завершении гражданской войны в 1904 г. партии заключили пакт о сотрудничестве, после чего в стране установилось эффективное правление большой коалиции [9].

На протяжении недолгого периода с 1952 по 1967 г. в Уругвае был проведен эксперимент с учреждением коллегиального органа исполнительной власти по швейцарскому примеру – Национальный Совет Правительства (*Consejo Nacional de Gobierno*), и политическая система напоминала консенсусную демократию, описанную А. Лейпхартом [10]. Поскольку Колорадо и Бланко получали вместе по 90% голосов избирателей на каждом выборах до начала 1970-х гг., им было относительно просто сотрудничать и вытеснять малых политических акторов.

Двухпартийная система начала претерпевать серьезные изменения, когда в середине 1960-х гг. уругвайская демократия вступила в кризисный период. Одной из основных причин стала стагнация экономики – с 1956 по 1972 г. ВВП страны упал на 12% [11. Р. 217]. На волне общественного недовольства экономической ситуацией постепенно начало набирать популярность левое движение. В 1971 г. был создан «Широкий Фронт» (*Frente Amplio*) – коалиция левых и левоцентристских партий, которая на всеобщих выборах в том же году завоевала 18,3% мест в парламенте [12].

Непривычный рост левых сил в Уругвае сопровождался активной деятельностью повстанцев движения «Тупамарос», вдохновленных опытом Кубинской революции и репрессиями со стороны полиции и военных. Угроза со стороны повстанцев была использована военными в качестве предлога для вмешательства в политику и установления в 1973 г. диктатуры, продлившейся до 1985 г. [13].

¹ Партии Колорадо и Бланко также называют «традиционными партиями». – *Прим. авт.*

Примечательно, что переговоры между армией и оппозицией в 1984 г., ознаменовавшие демократический транзит, проходили без сотрудничества «традиционных партий» – Колорадо и Бланко, а при взаимодействии Колорадо и Широкого Фронта. Традиционные партии вернулись к взаимодействию уже после восстановления демократии в 1985 г., однако не так тесно, как прежде [13]. С этого периода в Уругвае установилась прочная трехпартийная система.

Отличительной особенностью уругвайских партий всегда была сильная раздробленность на более мелкие политические группы/секторы (фракции; в англоязычной литературе – “factions”), которые складываются по идеологическому принципу или вследствие поддержки определенного лидера. Фракции представляют собой прямое следствие сложившейся в Уругвае избирательной системы и являются институционализированными политическими акторами [14], которые, как правило, возглавляются сенаторами или кандидатами в президенты [15]. Избиратели ассоциируют себя не только с партиями, но и с принадлежностью к определенному партийному сектору, более детально отражающему идеологические предпочтения граждан.

Раздробленность уругвайских партий на более мелкие группы и движения позволяет рассматривать каждую партию в качестве коалиции. Учитывая длинную историю организованных и полностью институциональных фракций в рамках партий, такие авторы, как Дж. Сартори [16. Р. 107], А. Солари [17] и Л.Е. Гонсалес [18] вступили в дискуссию о наличии в Уругвае многопартийной системы под маской «зонтичных партийных наименований». Подобная коалиционность самостоятельных политических групп внутри партий стала возможна во многом благодаря особенностям избирательной системы Уругвая, которая на протяжении десятилетий делала акцент на конкуренции фракций на всеобщих выборах [19].

Избирательная система Уругвая

Электоральное законодательство влияет не только на результат выборов, но и на формирование структуры партийной системы и соревновательность [20]. Ряд авторов подчеркивает, что избирательное законодательство является следствием предпочтений общества или, в некоторых случаях, элит [13; 16] и может способствовать возникновению партийных фракций [21].

Уругвайский кейс представляет собой пример того, как электоральный дизайн обуславливает формирование отдельных групп внутри партий. В начале XX в. в партиях Колорадо и Бланко наблюдалось сильное разделение на автономные фракции, и партийные лидеры всерьез опасались появления многопартийности [21]. Для предотвращения социально-политического раскола в 1910 г. был принят закон о введении системы «двойного одновременного голоса» (“double simultaneous vote”, DSV), которая соединяет в себе черты первичных и всеобщих выборов, позволяя избирателям голосовать отдельно за партийные фракции. Именно особенности этой системы, приме-

нявшейся в Уругвае до 1996 г., способствовали становлению сильных внутрипартийных фракций.

Основной принцип избирательной системы «двойного одновременного голоса» заключается в том, что каждая партия выставляет несколько кандидатов от различных фракций без проведения первичных выборов². Избиратели отдают свой голос за один из множества партийных списков, включающий кандидата в президенты, списка сенаторов и списка депутатов, принадлежащих к одной и той же партии. Выборы проходят в один тур. Другой отличительной особенностью данной избирательной системы является связанность голосов, отданных за фракцию и общих голосов, полученных партией. Победителем становится самый сильный кандидат от партии, набравшей больше всего голосов. Места в Сенате и Палате представителей³ распределяются пропорционально полученным голосам (например, фракция социалистов, получившая 20% от общего числа голосов, отданных за Широкий Фронт, будет иметь 20% мест в парламенте).

В силу своих особенностей уругвайская избирательная система формирует противоположные модели поведения фракций. С одной стороны, электоральная система побуждает фракции к сплоченности ради победы партии на выборах. С другой – поощряет соперничество друг с другом в ущерб партийному единству. Электоральная система сформировала иерархичную структуру фракций – кандидаты в нижнюю палату должны подчиняться кандидатам в Сенат, а они, в свою очередь, подчиняются кандидатам в президенты. Таким образом, только кандидаты в президенты и Сенат от определенной фракции имеют контроль над избирательным списком, оставляя за партиями право лишь формально проверять списки. Поскольку каждый кандидат, получающий голоса, вносит общий вклад в победу партии, приветствуется наличие кандидатов разных идеологических флангов [21].

С постепенным укреплением Широкого Фронта «традиционные партии» начали опасаться потенциальной победы левых, которые постоянно улучшали свои результаты на выборах (табл. 1). В связи с этим Колорадо и Бланко предложили провести конституционную реформу электорального законодательства, которая была одобрена в 1996 г. в результате референдума [22; 23].

Основным нововведением реформы стало проведение первичных выборов, в результате которых от каждой партии выдвигается только один кандидат на пост главы государства, а также проведение второго тура для двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов, при условии что ни один из них не получил абсолютного большинства в первом туре [13].

² На первых трех выборах после восстановления демократии в Уругвае «традиционные партии» выдвигали несколько кандидатов в президенты, а Широкий Фронт всегда представлял только одну кандидатуру. – *Прим. авт.*

³ Двухпалатный парламент Уругвая – *Генеральная Ассамблея* – состоит из верхней палаты (*Сенат*) с 30 членами и нижней (*Палата представителей*) с 99 депутатами. – *Прим. авт.*

**Результаты голосования на всеобщих выборах в Уругвае (1971–2014) /
The results of the vote in the General election in Uruguay (1971–2014)**

Партии / Parties	1971	1984	1989	1994	1999	2004	2009	2014
Колорадо / Colorado	40,9%	41,2%	30,3%	32,5%	32,8%	10,6%	17,2%	12,9%
Бланко / Blanco	40,2%	35%	38,9%	31,4%	22,3%	35,1%	29,7%	30,9%
Широкий Фронт / Broad Front	18,3%	21,3%	21,2%	30,8%	40,1%	51,7%	47,9%	47,8%
Остальные / Others	0,6%	2,5%	9,6%	5,3%	4,8%	2,5%	3,2%	5,9%

Источник / Source: данные Избирательного суда Уругвая [24]; база данных факультета социальных наук Университета Республики [12].

Кроме того, изменения коснулись и электорального цикла. Если система «двойного одновременного голоса» предусматривала единый день голосования для всех уровней власти, то начиная с 1999 г. – первого после введения реформы – был установлен цикл из четырех выборов: первичные выборы в июне, всеобщие выборы президента и членов Генеральной Ассамблеи в конце октября, второй тур выборов (при необходимости) в ноябре и выборы глав департаментов в мае следующего года.

Электоральная реформа сохранила все черты внутрипартийной коалиционности партий, которые были сформированы при системе «двойного одновременного голоса». Несмотря на то что партии теперь могут выставлять только одного кандидата в президенты, что положительно влияет на партийное единство, каждая фракция представляет свои списки кандидатов в верхнюю и нижнюю палаты, тем самым оставляя неизменным межфракционную соревновательность [25]. Лидеры фракций продолжают формировать списки кандидатов в Сенат и Палату представителей, в результате чего главным стимулом в работе парламентариев является поддержание репутации фракции, которую они представляют, а не партии в целом [26]. Эти особенности позволяют говорить о ключевой роли фракций в Генассамблее [19], а также об отсутствии контроля и дисциплины на партийном уровне [21]. Взаимодействие фракций в законодательном органе прямо влияет на деятельность президента [27].

Институциональные характеристики президентской системы Уругвая

В соответствии с конституционным дизайном Восточная Республика Уругвай представляет собой типичную президентскую систему с достаточно широкими полномочиями главы государства в сфере законодательства и исполнительной власти (ст. 168 Конституции) [28]:

- представление возражений или замечаний к законопроектам, направленных Президенту Парламентом, и отсрочка их промульгации либо отказ в ней в установленном порядке;
- предложение палатам законопроектов или изменений к ранее принятым законам;
- созыв Парламента на чрезвычайные сессии;
- инициирование законопроектов в области налогообложения и их ассигновании;
- подготовка законопроекта бюджета на будущий год и представление отчета о расходах по бюджету истекшего года;
- назначение и смещение министров.

Президент не имеет права единолично издавать указы, а по Конституции, Генеральная Ассамблея может распустить правительство. Для преодоления президентского вето необходимо набрать 3/5 голосов членов нижней и верхней палат по отдельности. В отдельных случаях президент уполномочен распускать Генеральную Ассамблею.

Кроме того, президент обладает рядом ресурсных полномочий, позволяющих ему привлекать и сохранять законодательную поддержку, правом назначать глав государственных корпораций, автономных обществ и национальных комиссий. Как правило, на эти должности могут назначаться политики и общественные деятели из фракций, отличных от президентской, за счет чего эти фракции будут поддерживать президентскую повестку в парламенте [29].

Несмотря на широкие конституционные полномочия главы государства, в действительности уругвайские президенты ограничены в политическом смысле [30].

Во-первых, президент избирается на пять лет с возможностью повторного переизбрания только по истечении пятилетнего периода с момента окончания первого срока, в то время как сенаторы и депутаты могут оставаться в парламенте на протяжении нескольких сроков.

Во-вторых, появление многопартийной системы в связи с укреплением позиций Широкого Фронта после диктатуры заставило президентов обсуждать сделки по коалиционному правительству с оппозиционными партиями и фракциями.

В-третьих, наличие самостоятельных партийных фракций повышает количество сторон, с которыми президент должен заключать сделки относительно проведения своей политической программы [15].

В-четвертых, президентские фракции и партии, от которых они избирались, практически никогда не имеют большинства в Генеральной Ассамблее, что стимулирует их искать компромиссы с остальными фракциями.

Отчетливо видно, какую слабую поддержку в законодательном органе имеют партии президента и его фракции (табл. 2). На общем фоне выделяет-

ся только Широкий Фронт, впервые пришедший к власти после выборов 2004 г. и нарушивший привычную сменяемость традиционных партий Бланко и Колорадо. Низкий процент мест президентских фракций можно объяснить тем, что в Широким Фронте представлен крупный спектр левых и левоцентристских движений – от коммунистов до социал-демократов, которые в той или иной степени представлены в Генассамблее и фактически формируют между собой большую коалицию.

Таблица 2 / Table 2

**Распределение мест в Генассамблее у победивших партий /
Distribution of seats of the winning parties in the General Assembly**

Срок / Term	Президент (партия) / The President (party)	% мест у партии Президента / % of seats of the President's party		% мест у фракции Президента / % of seats in the President's faction	
		Депутаты / Deputies	Сенаторы / Senators	Депутаты / Deputies	Сенаторы / Senators
1985- 1990	Х.М. Сангинетти (Колорадо) / H.M. Sanguinetti (Colorado)	41	45	34	32
1990- 1995	Л.А. Лакалье (Бланко) / L.A. Lacalle (Blanco)	39	42	25	19
1995- 2000	Х.М. Сангинетти (Колорадо) / H. M. Sanguinetti (Colorado)	32	35	25	23
2000- 2005	Х. Батлье (Колорадо) / X. Batlle (Colorado)	33	33	15	17
2005- 2010	Т. Васкес (Широкий Фронт) / T. Vasquez (Broad Front)	53	53	10	3
2010- 2015	Х. Мухика (Широкий Фронт) / H. Mujica (Broad Front)	51	53	25	16
2015- 2020	Т. Васкес (Широкий Фронт) / T. Vasquez (Broad Front)	51	50	4	6

Источник / Source: данные Избирательного суда Уругвая [24; 25].

На взаимодействие президента и партийных фракций значительно влияет электоральный цикл и связь президента с конкретной фракцией [23]. В самом начале президентского срока фракции в президентской партии ожидают получение компенсаций (payoffs) за вклад их голосов в общую победу партии. Президент в начале своего срока находится в самой удобной позиции, чтобы предоставить фракциям своей партии награды в виде министерских постов или уступок при формировании бюджета. Так создается единство партии, что помогает президенту реализовывать свою повестку. Но поскольку президент не может быть переизбран сразу, к концу его срока каждая фракция из правящей партии озабочена поиском нового лидера, с которым партия снова сможет победить на выборах, чем нарушается пар-

тийное единство. В целом фракции в партии власти всегда в той или иной степени находятся в состоянии конкуренции. Причина заключается в том, что лидеры фракций контролируют только свои политические группы, а механизмы обязать все фракции поддерживать политику избранного президента отсутствуют⁴. Избранный президент при этом не перестает быть лидером своей фракции, определяя ее *modus operandi* [31].

Что касается оппозиционных партий, в отсутствии контроля над президентом они не могут стимулировать свои фракции держаться сплоченно. Однако по мере приближения выборов у фракций оппозиционных партий появляется больше мотивов для сотрудничества, что, в свою очередь, повышает сплоченность всей партии и шансы на победу [32].

Таким образом, особенности партийной системы в значительной степени обуславливают поведение президента в законодательной сфере и фактической реализации своей программы. Наличие сильных и вполне автономных фракций в качестве основных игроков политической системы Уругвая заставляет президента искать компромиссы со всеми политическими группами своей партии (а в некоторых случаях – и с оппозиционными партиями) путем предоставления их членам административного ресурса в исполнительной власти. Несмотря на то что на выборах президент представляет всю партию (после реформы 1996 г.), достигнуть поддержки ему удастся только при успешном диалоге со всеми фракциями, что, по сути, подразумевает выстраивание коалиций.

Выводы

В данной статье на примере Уругвая детально рассматривается опыт построения особой разновидности внутрипартийных коалиций – фракций, представляющих собой полноценных независимых акторов и оказывающих принципиальное влияние на функционирование президентской системы.

Возникшая в Уругвае в начале XIX в. двухпартийная система в лице Бланко и Колорадо характеризовалась сильной раздробленностью, которая породила формирование внутри своих партий политических групп (фракций) с сильной организационной структурой, играющих важную роль на выборах и в законодательной деятельности. Такая «рыхлая» структура партий позволяет рассматривать их в качестве коалиций отдельных внутрипартийных фракций. В середине прошлого столетия вследствие экономического кризиса образовалась партия Широкий Фронт, представляющая коалицию движений и партий левого толка, что еще больше укрепило роль фракций в системе государственной политической структуры.

⁴ До конституционной реформы электорального законодательства 1996 г. партии не имели иерархического руководства в лице председателя и т.д. [8].

На сильную роль фракций оказали влияние особенности электоральной системы «двойного одновременного голоса», позволившей каждой фракции выставлять своего кандидата в президенты вместе со списком сенаторов и депутатов. Проведенная в 1996 г. конституционная реформа избирательной системы также сохранила основные принципы соревновательности фракций.

Наличие автономных партийных фракций оказывает значительное влияние на работу президента. С одной стороны, президент является лидером своей фракции, контролирует ее дисциплину и поведение, с другой – представляет интересы партии, от которой был выдвинут кандидатом. В этих условиях президент должен выстроить правильное взаимодействие со всеми партийными фракциями, предоставляя пропорциональное представительство каждой из них в кабинете или государственных организациях исполнительной власти. Кейс Уругвая показывает, что даже при широких формальных полномочиях президента глава государства выстраивает работу исходя из необходимости учета мнений фракций своей партии, которые в конечном итоге значительно воздействуют на проводимый политический курс и поддерживают эффективное функционирование демократических институтов.

Библиографический список

- [1] *Linz J.J.* Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference? New Haven: Yale University Press, 1985. 19 p.
- [2] *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe, Baltimore: Johns Hopkins, 1994. 504 p.
- [3] *Shugart M.S., Carey J.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 332 p.
- [4] *Mainwaring S.* Presidentialism, Multipartyism, and Democracy: The Difficult Combination // *Comparative Political Studies*. 1993. Vol. 26. № 2. P. 198-228.
- [5] *Mainwaring S.* Presidentialism in Latin America // *Latin American Research Review*. 1990. Vol. 25. P. 157-179.
- [6] *Cheibub J.A., Przeworski A., Saiegh S.M.* Government Coalitions and Legislative Success under Presidentialism and Parliamentarism // *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34. P. 565-587.
- [7] *Харитонова О.Г.* Президентство и демократия: состояние дискуссии // *Политическая наука*. 2012. № 3. С 199-213.
- [8] *Mainwaring S., Scully T.R.* Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. Stanford: Stanford University Press, 1995. 600 p.
- [9] *Peeler J.* Building Democracy in Latin America. Boulder: Lynne Rienner, 2008. 275 p.
- [10] *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999. 348 p.
- [11] *Buchanan P.* State, Labor, Capital: Democratizing Class Relations in the Southern Cone. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. 395 p.
- [12] Resultados por fórmula presidencial (1971-2009) // Facultad de Ciencias Políticas de la Universidad de la República. Режим доступа: <http://cienciassociales.edu.uy/bancosdedatos/elecciones-presidenciales-2/>. Дата обращения: 14.09.2019.
- [13] *Cason J.* Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay // *Latin American Politics and Society*. 2002. Vol. 44. № 3. P. 89-109.

- [14] *Panizza F., Ramos Larraburu C., Shrelis G.* Unpacking Patronage: The Politics in Patronage Appointments in Argentina's and Uruguay's Central Public Administrations // *The Journal of Politics in Latin America*. 2018. Vol. 10. № 3. P. 59-98.
- [15] *Bergara M., Pereyra A., Tansini R., Garce A., Chasquetti D., Buquet D., Moraes J.A.* Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes: The Case of Uruguay // *IDB Working Paper*. 2006. № 205. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1814759. Дата обращения: 29.08.2019. P. 1-66.
- [16] *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 368 p.
- [17] *Solari A.* Uruguay: Partidos Políticos y Sistema Electoral'. Montevideo: Fundación de Cultura, 1991. 253 p.
- [18] *Gonzalez L.E.* Political Structures and Democracy in Uruguay. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 1991. 201 p.
- [19] *Moraes J.A.* Why Factions: Candidate Selection and Legislative Politics in Uruguay // P. Siavelis and S. Morgenstern (ed.) *Pathways to Power: Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America*. Philadelphia, PA: Penn State University Press, 2008. 496 p.
- [20] *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2018. 544 с.
- [21] *Morgenstern S.* Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay // *Party Politics*. 2001. Vol. 7. № 2. P. 235-256.
- [22] *Correa Freitas R., Vázquez C.* La reforma constitucional de 1997: análisis constitucional y administrativo". Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1997. 197 p.
- [23] *Semino M.* Panorama del nuevo sistema electoral // Mata Prates C. (ed.) *Reflexiones sobre la reforma constitucional de 1996*. Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1998. 150 p.
- [24] Elecciones Nacionales 2014 // Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay. Режим доступа: https://www.corteelectoral.gub.uy/estadisticas/nacionales/elecciones_nacionales2014. Дата обращения: 14.09.2019.
- [25] *Mağar E., Moraes J.A.* Of Coalition and Speed: Passage and Duration of Statutes in Uruguay's Parliament, 1985-2000 // *IBEI Working Papers*. 2008. P. 1-33.
- [26] *Mağar E., Moraes J.A.* Factions with Clout: Presidential Cabinet Coalition and Policy in the Uruguayan Parliament // *Party Politics*. 2009. Vol. 18. № 3. P. 427-451.
- [27] *Buquet D., Chasquetti D., Moraes J.A.* Fragmentación política y gobierno en Uruguay: ¿un enfermo imaginario?". Montevideo: Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, 1998. 130 p.
- [28] Constitución de la República // Parlamento del Uruguay. Режим доступа: <https://parlamento.gub.uy/documentosyleyes/constitucion>. Дата обращения: 05.09.2019.
- [29] *Zucco Jr.C.* Legislative Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay // *Latin American Politics and Society*. 2013. Vol. 55. № 1. P. 96-118.
- [30] *Milanesi A.* Desarrollo Institucional y Caracterización del Centro de Gobierno en Uruguay // *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 2017. Vol. 26. № 2. P. 103-125.
- [31] *Chasquetti D.* Compartiendo el Gobierno: Multipartidismo y Coaliciones en el Uruguay (1971-1997) // *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 1999. Vol. 10. № 1. P. 25-45.
- [32] *Altman D.* The Politics of Coalition Formation and Survival in Multi-Party Presidential Democracies: The Case of Uruguay, 1989-1999 // *Party Politics*. 2000. Vol. 6. № 3. P. 259-283.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 16.09.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

Institutional Foundations of Intraparty Coalitions in Presidential Systems: Case of Uruguay

A.Y. Varshavsky

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Av., Moscow, Russian Federation, 119454

Abstract. The article analyzes the institutional foundations of the emergence and functioning of the major party factions in Uruguay and their influence on maintaining the stability of the presidential regime. The Uruguayan parties are historically characterized by fragmentation and consist of many ideologically diverse movements, which allows us to view them as coalitions. The factions competing among themselves for the influence on the political agenda ultimately form the party's common strategy. Coalition tendency within parties is largely determined by the peculiarities of the electoral system established in Uruguay. The elected president with a broad mandate, being a representative of his faction, must build coalition relations with other factions of his party, giving them various concessions in the executive branch. Based on the factors considered, the author concludes that the electoral characteristics of the Uruguayan political system create the necessity for coalitions among party factions, thus affecting the stability of presidential rule.

Keywords: presidentialism, political parties, party systems, party coalitions, party fragmentation, factions, Uruguay.

References

- [1] Linz J.J. *Presidential or Parliamentary Democracy: Does it Make a Difference?* New Haven: Yale University Press; 1985. 19 p.
- [2] Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins; 1994. 504 p.
- [3] Shugart M.S., Carey J. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. 332 p.
- [4] Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination. *Comparative Political Studies*. 1993; 26 (2): 198-228.
- [5] Mainwaring S. Presidentialism in Latin America. *Latin American Research Review*. 1990; 25: 157-179.
- [6] Cheibub J.A., Przeworski A., Saiegh S.M. Government Coalitions and Legislative Success under Presidentialism and Parliamentarism. *British Journal of Political Science*. 2004; 34: 565-587.
- [7] Kharitonova O.G. Presidency and Democracy: State of the Debate. *Politicheskaya nauka*. 2012; 3: 199-213 (In Russ.).
- [8] Mainwaring S., Scully T.R. *Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America*. Stanford: Stanford University Press; 1995. 600 p.
- [9] Peeler J. *Building Democracy in Latin America*. Boulder: Lynne Rienner; 2008. 275 p.
- [10] Lijphart A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press; 1999. 348 p.
- [11] Buchanan P. *State, Labor, Capital: Democratizing Class Relations in the Southern Cone*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press; 1995. 395 p.
- [12] Resultados por fórmula presidencial (1971-2009). *Facultad de Ciencias Políticas de la Universidad de la República*. Available from: <http://cienciassociales.edu.uy/bancosdedatos/elecciones-presidenciales-2/>. Accessed: 14.09.2019 (In Span.).

- [13] Cason J. Electoral Reform, Institutional Change, and Party Adaptation in Uruguay. *Latin American Politics and Society*. 2002; 44 (3): 89-109.
- [14] Panizza F., Ramos Larraburu C., Shrelis G. Unpacking Patronage: The Politics in Patronage Appointments in Argentina's and Uruguay's Central Public Administrations. *The Journal of Politics in Latin America*. 2018; 10 (3): 59-98.
- [15] Bergara M., Pereyra A., Tansini R., Garce A., Chasquetti D., Buquet D., Moraes J.A. Political Institutions, Policymaking Processes, and Policy Outcomes: The Case of Uruguay. *IDB Working Paper*. 2006; 205: 1-66. Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1814759. Accessed: 29.08.2019.
- [16] Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press; 1976. 368 p.
- [17] Solari A. *Uruguay: Partidos Políticos y Sistema Electoral*. Montevideo: Fundación de Cultura; 1991. 253 p. (In Span.).
- [18] Gonzalez L.E. *Political Structures and Democracy in Uruguay*. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press; 1991. 201 p.
- [19] Moraes J.A. Why Factions: Candidate Selection and Legislative Politics in Uruguay. *Pathways to Power: Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America*. Ed. by P. Siavelis, S. Morgenstern. Philadelphia, PA: Penn State University Press; 2008. 496 p.
- [20] Duverger M. *Political Parties*. Moscow: Akademicheskij proekt; 2018. 544 p. (In Russ.).
- [21] Morgenstern S. Organized Factions and Disorganized Parties: Electoral Incentives in Uruguay. *Party Politics*. 2001; 7 (2): 235-256.
- [22] Correa Freitas R., Vázquez C. *La reforma constitucional de 1997: análisis constitucional y administrativo*. Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria, 1997 (In Span.).
- [23] Semino M. Panorama del nuevo sistema electoral. *Reflexiones sobre la reforma constitucional de 1996*. Mata Prates C. (ed.). Montevideo: Fundación de Cultura Universitaria; 1998. 150 p. (In Span.).
- [24] Elecciones Nacionales 2014. *Corte Electoral de la República Oriental del Uruguay*. Available from: https://www.corteelectoral.gub.uy/estadisticas/nacionales/elecciones_nacionales2014. Accessed: 14.09.2019. (In Span.).
- [25] Magar E., Moraes J.A. Of Coalition and Speed: Passage and Duration of Statutes in Uruguay's Parliament, 1985-2000. *IBEI Working Papers*. 2008: 1-33.
- [26] Magar E., Moraes J.A. Factions with Clout: Presidential Cabinet Coalition and Policy in the Uruguayan Parliament. *Party Politics*. 2009; 18 (3): 427-451.
- [27] Buquet D., Chasquetti D., Moraes J.A. *Fragmentación política y gobierno en Uruguay: ¿un enfermo imaginario?* Montevideo: Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, 1998. 130 p. (In Span.).
- [28] Constitución de la República. *Parlamento del Uruguay*. Available from: <https://parlamento.gub.uy/documentosyleyes/constitucion>. Accessed: 15.09.2019. (In Span.).
- [29] Zucco Jr.C. Legislative Coalitions in Presidential Systems: The Case of Uruguay. *Latin American Politics and Society*. 2013; 55 (1): 96-118.
- [30] Milanese A. Desarrollo Institucional y Caracterización del Centro de Gobierno en Uruguay. *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 2017; 26 (2): 103-125 (In Span.).
- [31] Chasquetti D. Compartiendo el Gobierno: Multipartidismo y Coaliciones en el Uruguay (1971-1997). *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. 1999; 10 (1): 25-45 (In Span.).
- [32] Altman D. The Politics of Coalition Formation and Survival in Multi-Party Presidential Democracies: The Case of Uruguay, 1989-1999. *Party Politics*. 2000; 6; 3: 259-283.

Article history:

The article was submitted on 16.09.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Варшавский Арсений Юрьевич – соискатель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных

дел Российской Федерации, атташе Посольства России в Никарагуа (e-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com).

Information about the author:

Arseny Y. Varshavsky – PhD candidate of Comparative Politics Department, MGIMO University, Attaché at the Russian Embassy in Nicaragua (Russian Federation) (e-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com).

Для цитирования:

Варшавский А.Ю. Институциональные основы внутривыборных коалиций в президентских системах: пример Уругвая // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 673–686. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686

For citation:

Varshavsky A.Y. Institutional Foundations of Intraparty Coalitions in Presidential Systems: Case of Uruguay. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 673–686. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686



DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-687-705

Научная статья

О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии

Н.У. Ханалиев

Министерство иностранных дел РФ
Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, Россия, 119200

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить некоторые, на взгляд автора, в отечественной политической науке в должной мере не освещенные аспекты и особенности эволюции форм, тактики, основных направлений деятельности «исламистских» экстремистских, террористических организаций и группировок на примере ИГИЛ, чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Главное внимание сосредоточено на обосновании тезиса, согласно которому, потерпев поражение в Ираке и Сирии, эта организация оказалась перед необходимостью поисков территорий размещения для своего выживания и продолжения террористической деятельности. В качестве одного из таких регионов в силу известных причин был выбран Афганистан как страна, откуда предполагалось развернуть террористические акты против России и стран Центральной Азии. Как показано в статье, с этой целью было объявлено о создании так называемого «халифата» под названием «Вилаят Хорасан», который наряду с территориями Афганистана, Пакистана, Ирана и др. включает также Центральную Азию. Значительное место уделено вопросу о тесной взаимосвязи и даже единстве центрально-азиатских государств и Российской Федерации как возможных объектов террористических атак. Проанализировав основные идеолого-политические ориентиры и практические действия ИГИЛ, а также ряда других террористических организаций, сделан вывод о кризисе и в то же время их живучести, особенно касательно идеологии и вероисповедных их ценностей как прикрытия истинных своих целей.

Ключевые слова: ИГИЛ, ислам, исламизм, экстремизм, терроризм, Российская Федерация, Большой Ближний Восток, Центральная Азия, Афганистан, регион, государство.

В результате поражений и потерь, понесенных в Сирии и Ираке, ИГИЛ (деятельность запрещена на территории РФ)¹ и другие террористические организации существенно меняют как тактику своей деятельности, так и географию оседания. Как правило, до так называемой «Арабской весны», с точ-

© Ханалиев Н.У., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (Ред. от 06.06.2019) «О средствах массовой информации». Статья 4. Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации.

ки зрения территорий охвата, она в некоторой степени ограничивалась Большим Ближним Востоком и постсоветским пространством. Безусловно, из этого правила были исключения, но все же, хотя наиболее горячие головы претендовали на распространение исламской революции на весь мир, имелись в виду прежде всего, названные регионы. Вытесненные из Ирака и Сирии члены террористических организации отдельными семьями и группировками ищут места дислокации как в соседних странах, так и дальних регионах мира. Наиболее удобным для дислокации ИГИЛ и других террористических группировок оказалась Иордания, которая граничит с Сирией. По некоторым данным, в этой стране уже обосновались несколько тысяч боевиков, покинувших территорию Сирии в результате поражения. Плацдармом ИГИЛ становится раздираемая противоречиями и конфликтами и находящаяся в постреволюционном хаосе богатая нефтью Ливия. Можно назвать целый ряд стран Юго-Восточной Азии – Малайзия, Индонезия, Мьянма, Бангладеш, где, по оценкам некоторых политологов, сосредоточено 62% всех мусульман современного мира. Можно назвать также ряд государств Восточной Азии, такие как Филиппины и Бруней.

Новую географию расселения игиловцев отразил в своем описании хронологии терактов английский аналитик В. Маллет: «...охотящиеся за иностранцами вооруженные люди убивают японского специалиста по сельскому хозяйству на севере Бангладеш и итальянского сотрудника организации помощи в столице Дакке. 24 мусульманина-шиита становятся жертвами взрыва бомбы в Пакистане. В Индонезии в торговом центре Джакарты в ходе нападения на кафе Starbucks расстреляны восемь человек. В популярном индуистском храме в Бангкоке срабатывает взрывное устройство, в результате чего гибнут 20 человек, в том числе пятеро китайских туристов» [1].

В Китае в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где проживают 10 млн мусульман-уйгуров, действует группировка «Исламское движение Восточного Туркестана»; в Пакистане – организации «Лашкар-е-Джангви», «Джаиш-е-Мухаммад», «Техрик-е Талибан Пакистан»; в Афганистане – «Талибан», «Сеть Хаккани», «Исламское движение Узбекистана»; в Индии – «Индийские муджахеддины»; в Бангладеш – «Джамаат уль-Муджахеддин», «Ансарулла Бангла Тим»; в Таиланде – «Национальный революционный фронт»; в Индонезии – «Джемаа Исламия», «Моджахеды Восточной Индонезии»; в Малайзии – «Катиба Нусантара»; на Филиппинах – «Абу Сайяф», «Исламский фронт освобождения моро» и т.д. Впрочем, в обоснование тезиса о глобализации терроризма можно привести множество примеров по различным регионам современного мира.

У ряда авторов вызывает обоснованные сомнения интерес ИГИЛ к Юго-Восточной Азии, а также, в свою очередь, интерес индонезийцев, индусов и других народов к ИГИЛ. В связи с этим интерес вызывает тот факт, что из 170 миллионов мусульман Индии на войну в Сирии отправились лишь не-

сколько десятков человек. Это свидетельствует лишь о многогранности терроризма, а не просто о приверженности граждан стран Юго-Восточной Азии конкретно «ИГИЛ», «Аль-Кайде», «Джебхат ан-Нусре» и т.д.

Разумеется, для нас интерес представляют постсоветские государства Центральной Азии, прежде всего Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан, трое из которых граничат с Афганистаном. К ним непосредственно примыкает Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, населенный мусульманами-уйгурами. Естественно, «исламистские» организации и группировки предпринимают попытки социальной и политической дестабилизации в этом регионе. Поэтому естественно, что Пекин внимательно следит за политической и религиозной ситуацией в постсоветских мусульманских государствах Центральной Азии, Афганистане, Пакистане, Иране, монархиях Персидского залива.

В июле 2015 г. Государственный комитет национальной безопасности Киргизии провел операцию по ликвидации боевиков «Исламского государства», которые пытались подготовить нападение на российскую военную базу в Канте. Летом того же года в подмосковной Балашихе было задержано несколько десятков сторонников ИГИЛ из среды мигрантов из государств Центральной Азии, которые готовили террористические акты на территории России. По данным турецкого эксперта Э. Огуза, двое из троих террористов, которые 29 июня 2016 г. «обагрили кровью аэропорт имени Ататюрка в Стамбуле», были выходцами из Центральной Азии, а третий – уроженцем Кавказа [2].

Оценивая значимость этих и множества подобных фактов, эксперты, занимающиеся данным кругом проблем, совершенно обоснованно ставят вопрос о взаимозависимости постсоветских государств, особенно России и Центральной Азии с точки зрения единства общего пространства деятельности международных экстремистских террористических организаций и группировок.

Проблема состоит в том, что немало террористов-выходцев из государств Центральной Азии, воевавших на стороне «Исламского государства» в Ираке и Сирии, были завербованы на территории России. В этой связи обращает на себя внимание то, что имеет место тенденция к расширению пространства распространения террористической, особенно вербовочной деятельности. Так, в последние годы российские правоохранительные органы раскрыли так называемые «спящие ячейки» экстремистов, заявляющих о своей принадлежности к ИГИЛ и другим террористическим группировкам не только в национальных республиках Северного Кавказа, Татарстане, Башкирии, но также в Крыму, Ленинградской, Тюменской, Московской, Томской, Тюменской областях и целом ряде других чисто русских субъектов Российской Федерации. 16 июня 2015 г. в ходе заседания Национального антитеррористического комитета глава ФСБ А. Бортников отметил факты вербовки российских граждан в ряды «Исламского государства»

на территории Приволжского федерального округа. По его данным, в Сирии и Ираке на стороне исламистов принимали участие более 200 жителей Поволжья [3].

Численность граждан Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, работающих и просто находящихся на территории Российской Федерации, насчитывает миллионы человек, причем большая их часть сконцентрирована в крупных городах, где осуществление эффективного контроля над ними весьма трудная задача. Тем более, не просто выявить среди них лиц и группировок, пребывающих в России с преступными целями.

На основе смыкания, установления устойчивых связей внутрироссийских и зарубежных составляющих экстремистского подполья формируется своего рода «исламистско»-террористический интернационал.

Данные о точном числе граждан Российской Федерации и новых независимых государств Центральной Азии, перешедших на сторону ИГИЛ и других террористических организаций, весьма осложнено в силу целого комплекса причин. Одним из основных источников информации о численности перебежчиков являются данные, предоставляемые самим ИГИЛ и другими террористическими группировками. Зачастую таким данным трудно поверить, поскольку они могут быть существенно преувеличены в пропагандистских целях. Как правило, это разрозненные сведения, добытые журналистами и иными заинтересованными лицами из разных источников, которые не всегда и не обязательно могут быть достоверными. Немаловажное значение имеют подсчеты правоохранительных органов и спецслужб соответствующих государств рассматриваемых регионов. К сожалению, эта категория данных в силу своей закрытости не всегда доступна для общественности. Тем не менее, на основе анализа данных, извлекаемых из разных источников, можно составить приблизительную численность граждан разных государств, участвующих в войне против законных властей Ирака, Сирии и других государств Большого Ближнего Востока.

В марте 2016 г. неправительственная аналитическая компания «The Soufan Group» (SG), занимающаяся сбором и анализом стратегической разведывательной информации по вопросам глобальной безопасности, опубликовала данные о численности граждан иностранных государств, участвовавших в тот период в рядах вооруженных формирований ИГИЛ². По данным доклада, представленного этой компанией в июне 2014 г., в Сирии в боевых действиях против властей Дамаска в составе ИГИЛ участвовали 12 тыс. граждан 81 страны. В течение последующих полутора лет их число в Сирии увеличилось более чем в два раза. По другим данным, представленным ЦРУ США, в сентябре 2015 г. число боевиков из более чем 100 стран превышало 30 тыс. чел. [4] Как утверждает в докладе, из пяти государств Цен-

² Штаб-квартира компании «The Soufan Group» располагается в Нью-Йорке, региональные офисы – в Чикаго, Лондоне, Дохе и Сингапуре.

тральной Азии – Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана в ИГИЛ в совокупности участвуют около 2 тыс. боевиков [4]. В общей сложности на каждую из этих стран приходится в среднем по 400 чел.

Так, в ноябре 2014 г. глава разведки Казахстана заявил, что в рядах ИГИЛ в Сирии воюет порядка 300 граждан Казахстана, половину из которых составляют женщины. Согласно заявлениям официальных лиц Узбекистана, относящихся к 2014 г., в составе ИГИЛ в Сирии воевали 300 граждан этой страны, входящих в состав группировки «Имам Бухари Джамаат», возглавляемой неким Шейхом Салахудином [2].

По одним данным, относящимся к середине лета 2015 г., в Ираке и Сирии в военных действиях ИГИЛ участвовали около 1400 граждан – выходцев из постсоветских государств Центральной Азии, в то время как общая численность вооруженных сил этой организации составляла от 11 до 200 тыс. чел. [5] Согласно данным доклада о выходцах из стран Центральной Азии, участвующих в боевых действиях на стороне террористов, подготовленного под руководством директора Казахстанского института стратегических исследований Е. Карина, первое место по их количеству в 2015 г. занимал Узбекистан, на который приходилось около 500 человек. За ним шел Туркменистан – примерно 360 чел., Таджикистан – 200 чел., Казахстан – более 150 чел. [5]. По другим данным, в 2016 г. в рядах ИГИЛ в Сирии воевали около 500 граждан Киргизии [2]. По утверждению директора ФСБ Российской Федерации А. Бортникова, в 2016 г. в Ираке и Сирии в общей сложности воевали 1,7 тысячи граждан Российской Федерации³.

Согласно данным, которые приводятся в исследовании, результаты которого опубликованы в марте 2016 г., в ИГИЛ участвовали, если приводить по убывающей, 6500 граждан Туниса, 2500 – Саудовской Аравии, 2400 – России, 2250 – Иордании, 2100 – Турции, 1700 – Франции, 1350 – Марокко, 900 – Ливана, 800 – Египта, 769 – Германии [6]. Очевидно, что эти данные не идут ни в какое сравнение с теми, данными, которые мы имеем по странам Центральной Азии.

С этой точки зрения, еще больший интерес представляют данные о соотношении числа боевиков, посягнувших ИГИЛ, к численности населения соответствующих государств. Так, по данным исследования, проведенного Radio Free Europe/Radio Liberty, опубликованным в 2015 г. на 1 млн жителей приходилось 315 граждан Иордании, 280 – Туниса, 107 – Саудовской Аравии, 92 – Боснии и Герцеговины, 83 – Косово, 72 – Туркменистана, 46 – Албании, 46 – Бельгии, 33 – Узбекистана, 32 – Швеции, 28 – Палестины, 27 – Дании, 24 – Таджикистана, 18 – Франции, 17 – Австрии, 13 – Финляндии, 12 – России, 8 –

³ Рекруты на джихад: Средняя Азия и Россия становятся единым пространством для транзита исламистов // Lenta.ru. 27.07.2015. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/07/27/isisasia/>. Дата обращения: 10.06.2019.

Казахстана, 6 – Турции, 5 – Кыргызстана и др.⁴ Таким образом, число таких лиц на миллион человек приходилось: 72 – на Туркменистан, 24 – на Таджикистан, 12 – на Россию, 8 – на Казахстан, 5 – на Кыргызстан. При этом важно учесть и тот факт, что большая часть чеченцев и представителей других северокавказских народов, участвующих в террористических группировках на Большом Ближнем Востоке, это лица, рекрутирующиеся из диаспор этих народов на Западе. Из 170 миллионов мусульман Индии, как отмечалось ранее, в Сирию отправились лишь несколько десятков человек.

Одним из косвенных показателей серьезного присутствия граждан Российской Федерации и постсоветских государств, в том числе Центральной Азии может служить то, что русский служит вторым языком общения между боевиками.

Вместе с тем на основе этих данных напрашивается вывод, что в ряды ИГИЛ вступают выходцы из стран Ближнего Востока, например, Иордании и Туниса, Балканского полуострова (Босния, Косово, Албания) и даже Европы больше, чем из стран Центральной Азии. При этом имеет место тенденция, как в России, так и в ряде зарубежных стран, в соответствии с которой, непропорционально большее значение придается именно выходцам из стран Центральной Азии. Этот кажущийся парадокс, возможно, объясняется отчасти тем, что сами руководители соответствующих центрально-азиатских стран преувеличивают значимость тамошних террористических организаций. Представляя себя главными борцами против «исламистского» экстремизма и терроризма, они тем самым как бы приводят дополнительные аргументы в легитимность своей власти. Поэтому, признавая реальность угроз, исходящих от террористических организаций и группировок, с определенной осторожностью следует воспринимать аргументы и доводы о том, что Центральная Азия стала новым центром террористов ИГИЛ и других «исламистских» организаций и группировок.

Как показывают так называемые «цветные», «майданные» и иные революции, феномен «арабской весны» и другие связанные с ними события и процессы, главным источником угроз социальной и политической стабильности этих стран представляют, прежде всего, внутренние факторы. Об обоснованности данного тезиса свидетельствует полный провал стратегии экспорта демократической революции, начатой Западом во главе с Вашингтоном. Главная причина ее провала состояла именно в том, что народы государств Большого Ближнего Востока оказались не готовы к принятию ценностей, принципов, установок, отношений, институтов демократии, во всяком случае в их западном понимании. Большей частью тот хаос, который стал результатом стратегии экспорта «демократической» революции, в целом ряде стран был преодолен благодаря установлению жестких автори-

⁴ Foreign Fighters in Iraq & Syria: Where do they come from? // Radio Free Europe/Radio Liberty. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/foreign-fighters-syria-iraq-is-isis-isil-infographic/26584940.html>. Дата обращения: 10.06.2019.

тарных (если не сказать, диктаторских) режимов, наглядным примером чего стал Египет.

Что касается постсоветских государств Центральной Азии, то здесь, по мнению местных экспертов-политологов, именно благодаря жесткой политике в отношении всякого инакомыслия, тем более радикализма и экстремизма во всех их проявлениях, практически удалось искоренить если не полностью, то значительно ослабить протестные движения. Организации и группировки, которые в 90-х гг. прошлого века фактически развязали гражданские войны в Таджикистане, в меньшей степени в Узбекистане и Киргизии, оказались разгромлены или вынуждены продолжить свою деятельность в Афганистане или иных государствах Большого Ближнего Востока. Наглядное представление об этом можно составить на примере «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), сформировавшегося в начале 90-х гг. прошлого века и ставшего одним из катализаторов гражданской войны в Таджикистане 1992–1997 гг. После поражения в 1997 г. эта организация переместилась на территорию Афганистана и расположилась в городе Кундуз.

Разумеется, опасности, исходящие от террористического подполья, ни на минуту не должны выпадать из поля зрения руководства и силовых и внешнеполитических ведомств как Российской Федерации, так и центрально-азиатских государств. С приближением окончания войны в Сирии ожидается возвращение в Россию, прежде всего в национальные республики, граждан страны – боевиков, которые принимали и продолжают принимать участие в войнах и террористической деятельности на Ближнем Востоке. В оставшейся последним оплотом боевиков провинции Сирии Идлибе сосредоточено несколько десятков тысяч боевиков, среди которых множество выходцев из России и стран Центральной Азии. По данным, которые приводит член Совета при главе Чечни по правам человека Х. Саратова, на подконтрольных террористам территориях стран Ближнего Востока остается не менее семи тысяч вдов и жен боевиков, из которых примерно половину составляют выходцы с Северного Кавказа.

Очевидно, что граждане, которые могут вернуться из регионов боевых действий на родину, представляют угрозу социальной и политической стабильности Российской Федерации и соответствующих государств Центральной Азии. В ФСБ Российской Федерации высказывают обоснованные опасения о возможности использования вдов боевиков или так называемых «черных вдов», возвращаемых из регионов, охваченных конфликтами, войнами, террористической деятельностью, в экстремистских целях. Как утверждал директор ФСБ А. Бортников, жены и вдовы боевиков могут быть использованы «главарями террористов в качестве вербовщиков, террористов-смертников либо исполнителей терактов, а также связников»⁵.

⁵ Война из Сирии идет на Кавказ // Портал «Свободная пресса». 18.11.2018. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/middleeast/41287452-voyna-iz-sirii-idet-na-kavkaz>. Дата обращения: 10.06.2019.

В связи со сложными вопросами возвращения в Россию с Ближнего Востока несовершеннолетних российских детей и их матерей, в 2017 г. при Уполномоченном при Президенте России по правам ребенка образована межведомственная Комиссия по вопросу оказания содействия возвращению детей, находящихся в зоне боевых действий, и рабочая группа Комиссии. Совместно с МИД, Минобороны, МЧС, МВД, Минздравом России и другими заинтересованными ведомствами предварительно и согласованно вырабатывается соответствующий алгоритм действий.

При этом необходимо отметить, выполняя поручение Президента России В.В. Путина, глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров успешно проводит работу по возвращению россиян из Сирии и Ирака. Под непосредственным руководством Р.А. Кадырова «с лета 2017 года вывезли из Сирии и Ирака 158 человек. Среди них 137 детей и 21 женщина. Это жители Дагестана, Чечни, Ингушетии, Тверской, Тюменской, Пензенской, Ярославской, Брянской, Волгоградской областей, Москвы, Нижневартовска, Владивостока, Башкортостана, Казахстана, Узбекистана. Из этого числа только 37 детей и 10 женщин являются жителями Чечни»⁶. На большой пресс-конференции в 2017 г. Президент России В.В. Путин положительно оценил деятельность Р.А. Кадырова по возвращению детей из зоны конфликта на Ближнем Востоке. «Эта работа правильная, она важна, и никаких сомнений здесь быть не может. То, что Кадыров делает, – это очень благородное и верное дело. Дети, когда их вывозили в зоны конфликтов, не принимали решение туда ехать, и мы не имеем право их там бросить. Так что Рамзан все правильно делает, пусть продолжает, мы будем ему помогать»⁷.

Нельзя не учитывать еще одно обстоятельство. Когда придет конец открытым, более или менее масштабным военным действиям в странах Большого Ближнего Востока, члены «спящих ячеек», располагающихся различных субъектах Российской Федерации, а также центрально-азиатских государствах, лишаются стимулов выезжать за рубеж и могут активизировать свою деятельность в местах проживания. Ведь нельзя отрицать тот очевидный факт, что ослабление террористической деятельности на территории Российской Федерации центрально-азиатских государствах за последние годы во многом объясняется выездом значительных контингентов приверженцев и «симпатантов» идеологии и практики терроризма за пределы страны.

Многие аналитики утверждают, что по мере приближения конца сирийского конфликта наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к использованию боевиками все более изощренных форм и методов террористических акций от атак с использованием транспортных средств для наезда на скопления людей, нападений с ножами на мирных граждан до «кибе-

⁶ Instagram, za_kadyrova_95eng.

⁷ Большая пресс-конференция В.В. Путина – 2017. 14.12.2017. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/4813044/>. Дата обращения: 10.06.2019.

ратак» на те или иные стратегические объекты. Как отмечает главный редактор журнала «Мусульманский мир», эксперт Института национальной стратегии Р. Сулейманов в интервью portalу «Свободная пресса», эволюционируя, терроризм «движется по пути сочетания как совершенно примитивных методов террора (наезд автомобилем на толпу прохожих или нападение одиночки с пистолетом на молящихся в церкви), так и более сложных – выведение из строя компьютерной системы госучреждений, каких-нибудь военных объектов, атомных станций»⁸.

В то же время важно учесть, что при всех трансформациях, которые претерпевают ИГИЛ и другие террористические организации и формирования в результате понесенных им поражений, основным полем их деятельности и активности остается пространство Большого Ближнего Востока. Было бы не совсем корректно считать такую оценку преуменьшением их угрозы для внутренней стабильности в Российской Федерации и соответствующих государствах Центральной Азии. Одной из главных задач тамошних подразделений террористического подполья рассматриваются рекрутирование новых отрядов боевиков и сбор финансовых средств для организации и осуществления боевых действий, прежде всего, в самих государствах Большого Ближнего Востока, например, против подразделений сирийской армии, курдских и шиитских ополченцев, вооруженных сил России и Турции и т.д. Что касается террористических актов вне этих пределов, то они призваны не только посеять страх среди народов остального мира, но и продемонстрировать им свою мощь и волю на пути к экспорту «исламской» революции и распространения халифата на новые регионы.

Следует признать, что в центрально-азиатских государствах к настоящему времени действует отлаженная и достаточно эффективно функционирующая правоохранительная система, хотя «исламисты» демонстрируют способность более или менее успешно приспосабливаться к новым условиям. Они во все возрастающей степени осваивают навыки использования высокоскоростного Интернета, который становится доступным в самых отдаленных регионах.

Для совершенствования борьбы с террористическим подпольем центрально-азиатские государства периодически проводят антитеррористические учения как с Россией, так и с Китаем. В 2018 г. в Кыргызстане прошли антитеррористические учения СНГ «Иссык-Куль – Антитеррор-2018». В мае 2019 г. на горном полигоне «Фориш» в Джизакской области Узбекистана проходили узбекско-китайские антитеррористические учения «Сотрудничество-2019». Они осуществлялись в соответствии с соглашением о сотрудничестве, подписанным между Национальной гвардией Узбекистана и Народной вооруженной милицией КНР. Целью учений было объявлено уничтожение

⁸ Война из Сирии идет на Кавказ // Портал «Свободная пресса». 18.11.2018. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/middleeast/41287452-voyna-iz-sirii-idet-na-kavkaz>. Дата обращения: 10.06.2019.

условных террористов. На том же полигоне 22–27 апреля прошли тактико-специальные учения с участием военнослужащих вооруженных сил Пакистана и Турции.

При этом, оценивая возможные угрозы социальной и политической стабильности от террористических актов, следует учесть социально-экономические, этнонациональные, территориальные, конфессиональные, политические и иные факторы, которые способствуют радикализации недовольных слоев населения центрально-азиатских государств. Важное значение, с данной точки зрения, имеет то, что Узбекистан, Таджикистан и Туркмения имеют общую границу с северными провинциями Афганистана. На сегодняшний день эту границу невозможно сколько-нибудь надежно контролировать, в силу чего террористические организации без особого труда могут проникнуть как физически, так и виртуально на территории постсоветских государств Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского округа Китая и Российской Федерации. Об актуальности этой проблемы свидетельствует то, что в сентябре 2015 г. «Талибан» захватил город Кундуз на севере Афганистана – одного из важнейших в стратегическом отношении населенных пунктов, расположенных неподалеку от границы с Таджикистаном. Его стратегическое значение во многом определяется тем, что территории, граничащие с тремя центрально-азиатскими государствами, населены узбеками, таджиками, туркменами и киргизами. Именно на этих территориях особенно сильны позиции ИГИЛ.

Среди государственных деятелей, интеллектуальной и политической элиты центральноазиатских государств бытует мнение, согласно которому внешние факторы, прежде всего положение дел в Афганистане, не оказывают сколько-нибудь значимое отрицательное влияние на политическую ситуацию в Центральной Азии. Угрозы экстремизма и радикального «исламизма» для Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана считаются преувеличенными. Они зачастую, как бы закрывая глаза на возможные угрозы террористических актов, поддерживают с Афганистаном торгово-экономические и иные, например, культурные и гуманитарные связи. Естественно, такая позиция затрудняет эффективный контроль над границей, тем более полную ее блокировку. В этом плане интерес представляет рассуждение заместителя директора Казахстанского института стратегических исследований С. Кушкумбаева, который пишет: «Ташкент стремится решить проблемы не путем блокирования границы с афганской территорией. Наоборот, власти стараются их открыть, чтобы углубить экономические и торговые связи с беспокойным соседом, развивают инфраструктурные объекты. Суть в том, что в решении афганских проблем Узбекистан переориентировался на экономические инструменты»⁹.

⁹ ИГ строит халифат в Центральной Азии. Москва бьет тревогу // РИА Новости. 26.09.2018. Режим доступа: <https://ria.ru/20180926/1529330093.html>. Дата обращения: 10.06.2019.

Со всех точек зрения, самым слабым звеном в этом регионе является Туркмения, которая, по большому счету, не защищена от угрозы проникновения радикальных исламистских формирований с территории Афганистана. Об этом свидетельствуют постоянные вылазки различных террористических группировок на афгано-туркменской границе. Не вдаваясь глубоко в историю, представляется достаточным привести лишь несколько примеров. В 2014 г. талибы совершили целый ряд нападений на пограничные патрули Туркмении. В феврале того же года боевики Талибана совершили такое нападение на пограничную заставу на реке Мургаб в провинции Бадгис, в результате которого были убиты три туркменских пограничника, а также начальник специального подразделения полиции по борьбе с терроризмом М. Несим.

В марте 2015 г. экстремисты попытались проникнуть в Туркменистан, что вызвало серьезное беспокойство в Ашхабаде и Ташкенте. Власти Узбекистана заявили о своей готовности оказать Туркменистану помощь и отправили воинские подразделения на афгано-туркменскую границу. Военную помощь оказала и Россия. В результате террористы были нейтрализованы. Весной 2015 г. произошли боевые столкновения на афганско-туркменской границе, в которых участвовали боевики ИГИЛ, обосновавшиеся в северо-западных провинциях Афганистана Герат, Бадгис и Фарьяб, населенных преимущественно туркменами. По имеющимся данным, в результате нападения боевиков с территории Афганистана летом 2018 г. погиб целый батальон туркменских пограничников¹⁰.

Разумеется, руководство Туркмении принимает необходимые меры для укрепления обороноспособности страны. Однако положение Туркменистана усугубляется тем, что руководство этой страны придерживается статуса нейтралитета, существенно ограничивает свое участие в союзнических отношениях с Российской Федерацией и соседними постсоветскими государствами Центральной Азии. С точки зрения обеспечения национальной безопасности немаловажное значение имеет и то, что сравнительно небольшие по численности вооруженные силы Туркмении не отличаются высокой боеготовностью.

Как известно, в 2014 г. аль-Багдади объявил о создании «халифата», одним из главных врагов, которого в отместку за Сирию была объявлена Россия. Естественно, в результате поражения ИГИЛ сначала в Ираке, а вслед за ним в Сирии этот проект оказался фикцией. Но сама мифология халифата никуда не исчезла. Сохраняются попытки главарей ИГИЛ создать новые центры и вилайеты «халифата» на Северном Кавказе и в Центральной Азии.

¹⁰ На туркменско-афганской границе погиб почти взвод туркменских пограничников // Алекс-новости. 06.07.2018. Режим доступа: <https://alex-news.ru/afghanistan-4/>. Дата обращения: 10.06.2019.

В этом направлении следует рассматривать новый проект халифата под названием «Виляят Хорасан» или «Великий Хорасан», который известный российский востоковед В. Наумкин совершенно справедливо оценил как «блеф». Он задуман как аналог средневекового халифата, включавшего нынешние территории Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и некоторые регионы Ирана. Летом 2017 г. боевики «Виляята» объявили «джихад» России в качестве ответа за Сирию, заявив, что проведут теракты в российских городах. По имеющимся данным, это образование, в котором главную роль играют пуштунские племена, на сегодняшний день действует исключительно на территории Афганистана, хотя декларировалось, что главным полем его деятельности станут государства Центральной Азии. Большая часть пуштунов поддерживала «Талибан», но многие из них, не согласившись с его руководством идти на переговоры с властями Кабула, перешли на сторону ИГИЛ.

В государствах Центральной Азии и на Северном Кавказе ИГИЛ и ряд других террористических организаций и группировок, воюющих на Большом Ближнем Востоке, воспринимаются не просто как некие внешние для них феномены, а как органическая часть внутреннего террористического подполья. Экстремистские и террористические организации и группировки, сформировавшиеся и активно участвующие в террористической деятельности вне пределов Центральной Азии и Северного Кавказа, успешно конкурируют с местными, казалось бы, укоренившимися организациями и группировками и подминают их под себя.

Особую значимость в глазах претендентов на участие в террористических группировках приобретает то, что в них, прежде всего в ИГИЛ, участвуют известные личности, добившиеся определенного статуса в тех или иных сферах общественной жизни. К примеру, к боевикам, воюющим против официальных властей Сирии, примкнул казахстанский футболист – капитан футбольного клуба «Акжайык» Айбек Губайдуллин. Или же тот же путь выбрал высокопоставленный сотрудник командир отряда специального назначения МВД Таджикистана, полковник Гулмурод Халимов. Благодаря средствам массовой информации в глазах определенных кругов молодежи популярность и симпатии могут приобретать те или иные личности, пытающиеся примкнуть к террористическим организациям и потерпевшие на этом пути неудачу. Наглядное представление об этом можно получить на примере казуса бывшей студентки философского факультета МГУ Варвары Карауловой, которая пыталась примкнуть к ИГИЛ в Сирии, но была задержана на турецко-сирийской границе.

Популярности «Исламского» государства на Северном Кавказе в значительной степени способствует наличие в его руководящей верхушке авторитетных боевиков-представителей соответствующих народов региона. Так, Абу Умар аль-Шишани (Тархан Батирашвили), которого французские журналисты И. Мандро и М. Зерруки назвали «Иконой сирийского исламиз-

ма»¹¹, стал одним из членов руководства ИГИЛ. Довольно влиятельные позиции в этой организации занимал воевавший в Чечне Ахмед Чатаев – активный участник двух чеченских войн, ликвидированный в 2017 г.

Важно учесть, что в глазах многих радикалистски ориентированных людей ИГИЛ стал нечто вроде фирменного знака, и, соответственно, клятва в верности ему оценивается как путь к повышению статуса в шкале рангов экстремистских организаций. Поэтому естественно, что ему присягнули афганские и пакистанские террористические группировки. Их возглавил Хафиз Саид Хан, который до этого считался главарем пакистанских талибов. На верность главарю ИГИЛ Абу Бакру аль-Багдади весной 2015 г. эмир Исламского Движения Узбекистана (ИДУ), базирующегося на Северном Афганистане, Усман Гази принес клятву верности ИГИЛ. В июле того же года он объявил, что эта организация в полном составе вошла в ИГИЛ.

«Имарат Кавказ», основанный в 2007 г., считался близким союзником «Аль-Кайды». Однако в конце 2014 – начале 2015 г. значительная часть приверженцев этой организации перешла на сторону ИГИЛ. Эта тенденция еще более усилилась после объявления в июне 2014 г. аль-Багдади о создании всемирного исламского халифата. В апреле 2015 г. правоохранительные органы России провели успешную операцию по ликвидации главы «Имарата Кавказ» Эмира Али Абу Мухаммада аль-Дагестани (Алиасхаб Кебеков), что в конечном счете еще более ослабило позиции этой организации.

Фактором, в той или иной мере препятствующим достижению сплоченности различных экстремистских «исламистских» организаций и группировок, да и внутри самих этих последних, а также распространению их за пределами Большого Ближнего Востока являются этнические, религиозные и иные различия между арабами, составляющими костяк «ИГИЛ», «Аль-Кайды», «Джебхат ан-Нусры», и гражданами государств Центральной Азии, Афганистана и других регионов исламского мира, тем более немусульманских государств других регионов.

У ИГИЛовских группировок нет единой территориальной базы, как это было в Ираке и некоторых регионах Сирии. «Аль-Каида», ИГИЛ и другие террористические организации и группировки во все большей степени теряют привязанность к определенному государству и конкретной территории

¹¹ О нем Мандро и Зеруки писали: «В рядах ИГ Умар аш-Шишани быстро проявил себя среди военачальников. В конце 2013 г. его назначили военным эмиром северного региона ИГ и сделали членом Меджлис аш-Шура, центрального комитета и руководящего органа исламистской организации. Во время масштабного наступления ИГ у Мосула и на всем севере Ирака летом 2014 г. он вышел в первые ряды организации, возглавив войска, которые заняли и взорвали иракские и сирийские посты на границе двух стран. При этом сделано это было отнюдь не случайно: аш-Шишани символически уничтожил границу, которую очертили европейские колониальные державы после Первой мировой войны по тайному франко-британскому соглашению Сайкса-Пико. В результате он стал иконой транснациональной исламистской утопии» [7].

и приобретают экстерриториальный характер. Несмотря на привязанность ИГИЛ к Ираку и Сирии, в последнее время многие группировки, которые присягают ему и называют себя его филиалами, распространились на огромные регионы от Нигерии до Индонезии. Многие подразделения ИГИЛ разбросаны по разным странам и регионам, при этом выступая в противоречия и конфликты с их официальными властями. К примеру, в Афганистане им приходится конфликтовать и воевать не только с регулярной армией Кабула, но также с «Аль-Кайдой» и особенно с талибами, которые рассматривают его в качестве главных своих конкурентов и врагов, нередко вступая с ним в вооруженные конфликты.

У различных подразделений ИГИЛ нет единого координируемого, более руководящего центра. Что касается Аль-Багдади или какого-нибудь иной конкретной личности, претендующей на такой статус, то их реальная власть над различными разбросанными по многим регионам группировкам скорее эфемерная, нежели реальная. Например, не имеет особого значения, существует реально Аль-Багдади или нет. Впрочем, много раз распространялись слухи о его ранении и даже гибели. Он важен как мифологический феномен виртуального пространства, воплощающий собой определенный комплекс идеологических клише, вроде халифата, исламской революции и т.д.

Главная цель «Талибана» не страны Центральной Азии, а, прежде всего, свержение официальных властей Кабула и возвращение утраченных позиций, восстановление своего контроля над территорией страны. Для экстремистских организаций и группировок Афганистана страны Центральной Азии интересны скорее как промежуточные звенья в наркотрафике в Россию и Европу, нежели объекты террористических атак. Показательно, что в Афганистане ИГИЛ обосновался в тех пограничных провинциях, по которым идут основные маршруты наркотрафика.

В последние годы руководители «Талибана» идут на контакты с Россией, которая пытается организовать межафганский диалог этой организации с официальными властями Кабула. Со своей стороны «Талибан», хотя он запрещен в России как террористическая организация, проявляет склонность делать России знаки о своей готовности нормализовать с ней отношения. Так, 30 мая 2019 г. его официальный представитель в Катаре Мухаммад Сохаил Шахин, комментируя итоги межафганских переговоров в Москве, заявил, что территория его страны не будет использоваться против России и соседних стран. При этом он положительно оценил роль России в урегулировании положения в Афганистане. Как отмечал Шахин, «роль России очень велика, и поэтому мы участвовали в переговорах в Москве не один раз. Мы благодарны правительству РФ за содействие таким встречам с афганцами. Мы должны работать вместе для установления мира в Афганистане, который окажет положительное влияние на весь регион»¹².

¹² Запрещенные в России талибы пообещали России не нападать на Россию // Lenta.ru. 30.05.2019. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/05/30/taliban/>. Дата обращения: 10.06.2019.

Обращает на себя внимание и то, что разные группировки, которые придерживаются весьма близких друг другу или даже во многом одних и тех же «исламистских», салафитских, ваххабитских идей и установок, конфликтуют и даже воюют между собой. Например, в Афганистане ИГИЛ борется за влияние с «Талибаном», «Аль-Каидой» и другими «исламистскими» экстремистскими группировками. Очевидно, что зачастую речь идет не столько об идеологии или о каких-либо высших духовных и иных интересах, а о власти, влиянии, деньгах и т.д.

Было бы заблуждением преуменьшить место, роль и значение самого феномена «исламистского» экстремизма, радикализма и терроризма как одного из важнейших факторов, оказывающих серьезное влияние на основные направления и перспективы геополитического развития современного мира. Отдельные отряды, подразделения, организации, группировки террористов, будь то ИГИЛ, «Аль-Кайды», «Джебхат ан-Нусры» и др., могут потерпеть поражение в тех или иных конфликтах, даже исчезнуть с политической арены, но сам этот феномен и лежащая в его основе система ценностей, идеология, вероисповедные установки, как показывает опыт современности, надолго сохраняют свою притягательность, возможно, для многих людей представителей разных народов, недовольных процессами и тенденциями не во всем идеальных демократий современного мира.

Подводя итог, необходимо отметить, что мир сталкивается с современными международными вызовами и угрозами. Особую тревогу вызывает всплеск так называемого гибридного международного терроризма. Несмотря на значительные успехи в борьбе с ИГИЛ, другими группировками, террористы по-прежнему представляют самую серьезную угрозу для всех без исключения стран. Они адаптируются к меняющимся реалиям, диверсифицируют источники и каналы получения финансовой и материально-технической поддержки своей деятельности, в том числе посредством укрепления связей с наркобизнесом и организованной преступностью. Конечно, в настоящее время финансовые возможности бандформирований в Сирии и Ираке серьезно подорваны. Тем не менее, сопротивление террористов в этом регионе сломлено не до конца. И причиной является именно их материальная подпитка.

Как призвал В.В. Путин на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, руководствуясь общими ценностями и общими интересами на основе международного права, необходимо объединить усилия и сформировать универсальный фронт противодействия глобальному злу¹³. Однако наладить такие коллективные и скоординированные действия США со своими союзниками

¹³ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Официальный сайт Президента России. 28.09.2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>. Дата обращения: 10.06.2019.

по-прежнему мешают их геополитические амбиции, порой «двойные стандарты», а зачастую – стремление использовать радикалов для решения собственных корыстных задач на международной арене.

Как подчеркивалось в статье, потерпев военное поражение в Сирии, террористические группировки создают новые плацдармы, вербовочные сети, «спящие ячейки» в других регионах. Они продолжают пользоваться как сохраняющейся разобщенностью международного сообщества, так и тем, что не все государства предприняли необходимые законодательные и правоохранительные меры на национальном уровне противодействия терроризму и экстремизму.

Примером одного из опасных последствий такой политики могут служить массово возвращающиеся террористы в страны происхождения либо в третьи государства, где законодательство и правоприменительная практика затрудняют их уголовное преследование. Данная угроза современности требует комплексного решения, в том числе международно-правового. Важно обеспечить неотвратимость наказания тех, кто вовлечен в террористическую деятельность.

Однако существует проблема международного взаимодействия по вопросам правовой помощи, информирования о передвижениях и миграции причастных к терроризму лиц, а также в решении проблем их экстрадиции. На международной арене только Россия обладает уникальным и успешным опытом противодействия терроризму и экстремизму. Она в одиночку на собственной территории свела к минимуму эти угрозы, в том числе подпитку их извне. Закрепили достигнутое принятием комплекса законодательных, политических, социально-экономических мер, уделяя внимание упрочнению межнационального, межконфессионального общественного согласия с привлечением институтов гражданского и религиозного общества.

Для достижения положительных результатов необходимо наладить честное и эффективное взаимодействие на антитеррористическом и антиэкстремистском направлении между всеми странами-участницами.

Некоторые западные эксперты предпочитают не замечать развитие нынешнего разгула терроризма в регионе Большого Ближнего Востока, одной из причин которого стала позиция именно ряда стран Запада и их региональных единомышленников на вмешательство во внутренние дела государств региона, проведение там своего рода экспериментов в политической системе и смене «неудобных» им режимов, «заигрывание» с террористами и экстремистами в своих интересах. Из-за подобной высокомерной политики в Сирии, Ливии, Ираке и других странах террористическая обстановка продолжает ухудшаться, причем не только на Ближнем Востоке, но и в Северной Африке, Афганистане и других странах региона.

Сегодня ни США, ни Европа, ни Азия и тем более постсоветские государства не защищены от глобальной террористической угрозы, так как терроризм – это общая проблема, о чем, в частности, свидетельствует печальная тенденция роста количества терактов в мире, включая западные страны.

Также следует отметить, что боевики действительно начинают массово перебираться в другие регионы мира для продолжения террористической деятельности. Все более опасным источником террористических угроз становится деградирующая военно-политическая ситуация в Афганистане. Пользуясь удобной для себя обстановкой хронической нестабильности в этой стране, сюда в значительном количестве перемещаются террористы-боевики, вытесняемые из региона Ближнего Востока, прежде всего из Сирии. В Афганистане формируется одна из следующих опорных баз «террористического интернационала» – под «брэндом» ИГИЛ или под иным «брэндом». Лидеры «ИГИЛ» не скрывают своих планов захвата территорий государств Центральной Азии, а потом и России.

Осознавая существующие риски для национальной безопасности России, СНГ, в частности с центральноазиатскими партнерами, наше государство стремится к плотной координации и продвижению совместных усилий по всем приоритетным аспектам международного антитеррористического сотрудничества, прежде всего на многосторонней площадке ООН, а также по линии региональных структур ШОС, ОДКБ и СНГ.

Пока все государства не начнут соблюдать международное право, Устав ООН, не откажутся от практики использовать террористические и экстремистские формирования в своих политических интересах, признавать лидирующую роль государств и их компетентных органов в борьбе со злом терроризма и экстремизма на всех уровнях, – «метастазы» этого феномена будут доминировать в умах человечества.

Библиографический список

- [1] *Mallet V.* Terror: The Globalization of Extremism // *Financial Times*. 01.02.2016.
- [2] *Oğuz E.* Kafkasya ve Orta Asya cumhuriyetlerinde IŞİD tehlikesi // *Habertürk*. 07.07.2016.
- [3] *Петров И.* Директор ФСБ назвал число воюющих за «ИГ» жителей Поволжья // *Российская газета*. 16.06.2015.
- [4] Сколько террористов и из каких стран воюет в рядах ДАИШ: отчет The Soufan Group // *EurAsia Daily*. 26.03.2016. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakih-stran-vouet-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group>. Дата обращения: 10.06.2019.
- [5] Глава ФСБ России: В рядах «Исламского государства» воюют граждане более 100 стран // *InfoRos*. 29.07.2015. Режим доступа: <https://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=42314>. Дата обращения: 10.06.2019.
- [6] *Kirk A.* Iraq and Syria: How Many Foreign Fighters are Fighting for ISIL? // *The Telegraph*. 12.08.2015.
- [7] *Mandraud I., Zerrouky M.* Omar Al-Chichani, l'icône djihadiste touchée par une frappe américaine // *Le Monde*. 10.03.2016.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 24.06.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

Terrorist Threat in the Former Soviet Union in the Face of ISIL's Defeat in Iraq and Syria

N.U. Khanaliyev

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Smolenskaya-Sennaya Sq., 32/34, Moscow, Russian Federation, 119200

Abstract. The article attempts to identify how methods, strategies and primary activities of Islamist extremist and terrorist organizations have recently evolved. According to the author, this subject has not received adequate coverage in Russian political science. The author uses ISIL as an example of such groups and seeks to prove his thesis, according to which, after being defeated in Iraq and Syria, the organization was forced to search for areas of refuge in order to survive and carry on its terrorist activities. As was expected, ISIL chose Afghanistan as their hideout territory with the purpose of launching terrorist acts against Russia and the countries of Central Asia. For this purpose, the so-called “Caliphate”, or “Vilayet Khorasan”, was created: a branch of ISIL, which operates on the territories of Afghanistan, Pakistan and Iran, as well as in Central Asia. The article also highlights the similarities between the Central Asian states and the Russian Federation as potential targets of terrorist attacks. After analyzing the main ideological and political guidelines and practical actions of ISIL, as well as several other terrorist groups, the author comes to the conclusion that the organizations in question have been experiencing crisis, but, at the same time, are characterized by vitality, especially with regard to ideology and religious values.

Keywords: ISIL, Islam, Islamism, extremism, terrorism, Russian Federation, Greater Middle East, Central Asia, Afghanistan, region, state.

References

- [1] Mallet V. Terror: The Globalization of Extremism. *Financial Times*. 01.02.2016.
- [2] Oğuz E. Kafkasya ve Orta Asya cumhuriyetlerinde IŞİD tehlikesi. *Habertürk*. 07.07.2016 (In Turk.).
- [3] Petrov I. Director of the FSB Called the Number of Inhabitants of the Volga Region Fighting for “IS”. *Rossiyskaya Gazeta*. 16.06.2015 (In Russ.).
- [4] How many Terrorists and from which Countries are Fighting in the Ranks of Daesh: The Soufan Group Report. *EurAsia Daily*. 26.03.2016. Available from: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/26/skolko-terroristov-i-iz-kakih-stran-voyuet-v-ryadah-daish-otchet-the-soufan-group>. Accessed: 10.06.2019 (In Russ.).
- [5] Head of the FSB of Russia: Citizens of more than 100 Countries are Fighting in the Ranks of the “Islamic State”. *InfoRos*. 29.07.2015. Available from: <https://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=42314>. Accessed: 10.06.2019 (In Russ.).
- [6] Kirk A. Iraq and Syria: How Many Foreign Fighters are Fighting for ISIL? *The Telegraph*. 12.08.2015.
- [7] Mandraud I., Zerrouky M. Omar Al-Chichani, l'icône djihadiste touchée par une frappe américaine. *Le Monde*. 10.03.2016 (In Fr.).

Article history:

The article was submitted on 24.06.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел РФ (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Information about the author:

Nuradin U. Khanaliyev – PhD in Political Science, First Secretary of the Department for new Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Для цитирования:

Ханалиев Н.У. О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2019. Т. 21. № 4. С. 687–705. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-687-705

For citation:

Khanaliyev N.U. Terrorist Threat in the Former Soviet Union in the Face of ISIL's Defeat in Iraq and Syria. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 687–705. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-687-705

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-706-717

Research article

Procurement Mechanism of Goods and Regional Government Services in Accordance with the Principle of Good Governance in Banjarbaru

A.T. Sompa

Lambung Mangkurat University
219, Banjarmasin, Indonesia

Abstract. The procurement of goods and services by the regional government is part of the principle of regional autonomy implementation. However, one should be aware that the practice of regional autonomy is vulnerable to abuse of authority. Thus, it is necessary to implement the principle of *Good Governance* in order to establish the limits of authority. The article aims at describing the mechanism of procurement of goods and services by local governments in accordance with the standards of good governance. A qualitative approach is used in the research. Data collection is conducted in three steps, namely: observation, interview, and documentation. The Miles and Huberman model of data analysis is used in order to achieve accuracy of information in the presentation of narrative texts. The author carries out the data validity test by means of careful and continuous observation, as well as triangulation. The research shows that the regional government in the face of the Banjarbaru City Procurement Services Unit (ULP) has generally been abiding by the principle of *Good Governance* in terms of transparency, accountability, efficiency and effectiveness (stipulated in Presidential Regulation No. 54 of 2010 and its amendments). However, several obstacles still exist, the main ones being: 1) human resources, which greatly affect the work of the state system, representing the largest risk; 2) the dependence on information technology in the implementation of goods and services procurement, which is carried out using online features (*e-procurement*); 3) the deficiency of budget, needed to guarantee network quality and internet security in Banjarbaru City ULP, 4) incomplete procurement proposal documents.

Keywords: Goods/services procurement, regional autonomy, good governance.

Introduction

The decentralized government system, better known as regional autonomy, is a form of extension of the central government through conferring certain powers to regional authorities. Public organizations, acting as government *stakeholders*, should ideally be sensitive to public interests [1]. Administrative institutions, in turn, should implement their duties and functions without exceeding the limits of

© Sompa A.T., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

authority, which will create an efficient and effective, transparent and accountable form of public service [2].

The research “*Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges*”, defines *Good Governance* as the implementation of state power with an accountable and clean government providing *good public services*. *Good governance* is committed to effective cooperation between all parties in order to achieve integrity, professionalism and high standards of working ethics. The public service based on the concept of *good governance* is believed to be able to maintain people’s trust and prevent the government from exceeding the limits of its power [3]. Properly implemented *good governance* is the main prerequisite for achieving the goals and aspirations of the nation and state. *Good Governance*, carried out jointly by a trustworthy and transparent government and public organizations, emphasizes equality between state institutions at the central and regional levels, the private sector, and civil society [4].

As far as legal framework goes, the principles of *Good Governance* in regards to national procurement policy are outlined in Presidential Decree No. 80 of 2003 (which formulates Guidelines for the Implementation of Goods / Services Procurement (PBJ) of the Government), the updated Presidential Regulation No. 95 of 2007 (with the revised seventh amendment), the renewed Presidential Regulation No. 54 of 2010 (including Guidelines for Procurement of Goods and Services of Government Agencies) and the latest Presidential Regulation (Perpres) No. 16 of 2018.

The procurement of goods and services (PBJ) by the Banjarbaru City Government is important because it has a direct impact on the efficiency of development performance. Development is carried out by means of various policies, programs, and projects, which, in turn, consist of several parts or activities, including the procurement of goods and services. However, it is noteworthy that the majority of cases handled by the Corruption Eradication Commission (KPK) and the Business Competition Supervisory Commission (KPPU) are cases related to the procurement of government goods and services. TPK case data at KPK are based on the type of case. PBJ is the biggest case after the Bribery case, and from 2000 to 2016, KPPU received approximately 2,537 reports from the public, of which 73% were related to the procurement of goods and services¹.

Banjarbaru City is one of the few local governments that established the Procurement Service Unit: a regional government organization unit established in 2006, whose function is to carry out the selection of goods/service providers within the Banjarbaru City Government. The Procurement Service Unit (ULP) was formed based on the Decree of the Mayor of Banjarbaru No. 113 of 2006. The Unit was established not only due to the fact that this form of procurement organization was mentioned in Presidential Decree No. 80 of 2003, but mostly because the number of human resources that have a procurement certificate is rather lim-

¹ 2017 Annual KPK Report. Available from: <https://www.kpk.go.id/en/>. Accessed: 03.03.2019.

ited. With the establishment of ULP, the limited workload of the committee can be controlled and monitored. This article aims to describe the PBJ mechanism implemented by local governments through prioritizing the principles of *Good Governance* with a view to provide information on PBJ practices that have proven to be most successful.

Research methods

In their research, the authors use the qualitative approach. The selection of data is based on reliable sources describing community life and is carried out through triangulation. The descriptive method is used to interpret the data and analyze phenomena [5]. This type of research method was chosen by the authors because it qualitatively describes the current state of objects based on the data obtained. The qualitative approach is used to examine and understand phenomena experienced by the research subjects, with the researcher being a key instrument. The data analysis is inductive: it provides written description of people or behaviors observed [6; 7].

The *research subject* is an object, element or person analyzed, which pertains to the research variables [5]. The subjects of the current research include: Kepala Service Unit Procurement of Banjarbaru, personnel of the ULP Working Group, PPK, and providers of goods and services. Data collection techniques are based on three aspects: 1) primary data collection through field research, 2) in-depth interviews of the above mentioned subjects, and 3) secondary data collection in the form of documents obtained from the Banjarbaru City ULP.

The Miles and Huberman model was used for the data analysis. Miles and Huberman [8], suggested that the qualitative data analysis should be carried out interactively and continuously until the data is complete. The data is considered complete when new information is no longer obtainable. The qualitative data analysis consists of three procedures:

- 1) *Data reduction* summarizes the data obtained from a direct contact with people, events and situations during the field research;
- 2) *Data display* requires that the data resulting from the reduction should be organized, arranged in graphical formats;
- 3) *Conclusion drawing/verification* implies verifying initial conclusions and examining their validity.

A data validity test in accordance with the three steps of data collection was conducted to verify the completion of the obtained data [8; 9].

In this study, the data validity test included: 1) carefully and continuously increasing the diligence of observations and 2) triangulation. Triangulation is a technique used for checking and comparison of existing data and assuring the validity of research through the use of a variety of methods of data collection. Source triangulation is done by checking the obtained data through several sources. The validated data is then described and categorized according to the sources it was obtained from. Researchers then will sort out the same and different

data for further analysis. The triangulation method involves checking data obtained from the same source with the help of different techniques, for example by conducting observations, interviews, and analyzing documentation. If there are different results, the researcher confirms the source to obtain the data considered correct. Time triangulation implies meeting the respondents repeatedly to ensure the data credibility.

Research results and discussion

A. Public Services and the Concept of Good Governance

When speaking about public services it is important to realize that they are inseparable from public interest. Public interest and public services are interrelated. The need for a certain type of public services can also arise in the process of carrying out organizational activities. Accordingly, there exist several definitions of public services [10]. For instance, public services are often defined as a series of activities carried out by the government to meet the needs of the population within its jurisdiction (the citizens).

Public services are sometimes interpreted as an effort to exercise the basic rights of the community and the government's obligation to realize these basic rights [11; 12]. Another definition describes public services as services provided by the state and state-owned companies to the community to meet their basic needs and create public welfare [13]. The provision of services by the government to the community requires that both parties cooperate. The public is expected to participate in the government's efforts to improve the quality of services, namely by meeting the rules with awareness and respect for public administrators who provide services. When a government agency's efforts are appreciated, it will work responsibly at providing quality services to meet the needs of the community. Public services have five characteristics, namely:

1. *Adaptability*: a change in the public demands is directly proportional to the services offered.
2. *The bargaining position of the public*: the more the public is bargaining for a service, the higher is the opportunity to receive the requested service.
3. *Market type*: this characteristic refers to the number of service providers available and their relationship with the service recipients.
4. *Locus of control*: this aspect explains who is in control of the transaction (the user or the service provider).
5. *The nature of services*: the characteristics reflect the dominant interests of service providers or recipients.

Article 1 of Law No. 25 of 2009 concerning Public Services states that public services are activities or series of activities conducted in the framework statutory regulations and aimed at delivering administrative assistance to the public while meeting service needs of every citizen or resident. Public service providers, hereinafter referred to as Organizers, are all state-run institutions, corporations, independent institutions, and other legal entities established under the law for public

service activities. Public services are certainly oriented towards satisfaction the needs of the public (the community). Therefore, to maintain public service consistency, it is necessary to apply the principles of *good governance*.

Good Governance is a process that involves the work of a solid and responsible state government. The government conducts public affairs efficiently and effectively by maintaining the synergy of constructive interaction between the domains of the state, the private sector, and society (*society*) [14]. *Good Governance* requires that anyone involved in decision making, be it the government, the private sector or the community, must be accountable to the public, as well as to *stakeholder* institutions. Moreover, institutions' *governance* should be efficient and effective in regards to carrying out their functions while being responsive to the needs of society and providing controlling facilities and opportunities for implementing the existing laws and regulations [15–17]. The key to understanding *Good Governance* is analyzing its main principles, which set a benchmark for the quality of the government's performance.

B. The Principles of *Good Governance* (Transparency, Accountability, Efficiency, and Effectiveness) in the Procurement of Goods and Services

Good Governance is understood as implementation of a solid and responsible development management that is in line with the principles of democracy and an efficient market, which include avoidance of misallocation of investment funds and prevention of corruption, both politically and administratively, carrying out budgetary discipline, as well as creation of legal and political framework for the growth of business activity. *Good governance* as a concept refers to the process of making and implementing decisions with shared responsibility: a consensus reached by the government, citizens and the private sector in regards to the public administration in the country. Analyzing the fundamental principles of *good governance* will help to get a better understanding of this concept. Proper implementation of these principles serves a way of measuring the performance of a government. The concept of *good governance* is based on the principles of transparency, accountability, efficiency, and effectiveness.

1. Transparency Principle

Transparency means providing information on all the decisions made in the process of administration to the public. The public is not only informed about providers of public services, but also knows the assessment criteria that are used in the selection of providers, including technical requirements for procurement administration, evaluation procedures, evaluation results, and prospective goods/services providers. According to the data provided by district election committees (PPK), the procurement of goods and services in the Banjarbaru City Government has been running quite optimally through the established work units: its transparency is supported by complete documentation about the procurement process of government goods and services that can be accessed *online*.

The implementation of Government Goods / Services Procurement is electronically regulated in Presidential Regulation No. 54 of 2010 in conjunction with Presidential Regulation No. 70 of 2012 concerning Procurement of Government Goods / Services. As is stipulated in article 131 paragraph (1), in 2012, K / L / D / I are obliged to carry out the Procurement of Goods / Services electronically for some / all work packages. In addition, Presidential Regulation No. 54 of 2010 jointly with Perpres No. 70 of 2012, which regulate Electronic Procurement Services (LPSE), obliged K / L / D / I work units to administer an electronic Goods / Services Procurement service system, whose operational technical provisions are governed by the Head of LKPP (Regulation No. 2 of 2010 concerning Electronic Procurement Services). In managing the system of procurement of goods/services electronically, LPSE must meet the provisions specified in Act No. 11 of 2008 concerning Electronic Information and Transactions.

Moreover, the electronic monitoring of government goods/services procurement implemented by the Banjarbaru City Government further enhances and guarantees transparency in the expenditure of state funds, ensures availability of information and equality of business opportunities, and encourages healthy competition and (*non-discriminative*) realization of justice for all business actors engaged in Government Goods / Services Procurement.

According to the principle of transparency, all goods and services procurement activities can be equitably accessed by all parties through an online system. Such openness of procurement activities to the public indicates that the ULP of Banjarbaru City has been implementing the procurement of goods and services in line with the principles of *Good Governance*.

2. Accountability Principle

Accountability presupposes following the rules and regulations related to the procurement of goods/services and accounting for the success or failure of the process. As was explained by the Head of the ULP of the Banjarbaru City (one of the few regions in Indonesia that established a Procurement Services Unit), ever since its establishment in 2006, all activities carried out by the unit in the process of procurement of goods and services have all been based on the provisions of the applicable laws and regulations. The main reason for the establishment of the ULP by the Banjarbaru City Government, based on Keppres No. 80 of 2003, was the achievement of the objectives of *Good Governance*.

Ever since the establishment of the ULP, the implementation of goods and services procurement by the Banjarbaru City Government has been compliant with the principles of *Good Governance*. Tender documents, such as technical specifications, HPS, and contract drafts, are reviewed by the ULP for incompleteness or errors. PPK, which receives the Minutes of the Results of the Auction and Determination of the Auction Winner, is able to proceed with the next stage of testing goods and services for quality. Accountability principle includes reporting to both internal and external actors, such as the mayor or the surrounding community. With the report on *Execution of Goods and Services Examination*, prepared

by the ULP Secretariat, information regarding the procurement of goods and services carried out by the ULP can be publicly monitored.

Based on Article 111 of Presidential Regulation No. 54 of 2010, LKPP has the authority to carry out development and supervision activities in the procurement of goods/services electronically. According to Government Regulation No. 54 of 2010, Government Internal Supervisory Apparatus, or internal supervisors at other institutions, hereinafter referred to as APIP, is a body that conducts supervision of how an organization fulfills its duties and functions through auditing, reviewing, evaluating, monitoring and other supervisory activities. Furthermore, Article 30 of Government Regulation No. 54 of 2010 states that the party supervising physical work in the field is appointed by the PPK in K / L / D / I and is in charge of the budget, based on a predetermined plan.

3. Principle of Efficiency

According to the efficiency principle, the procurement of goods/services must be carried out with minimal possible funds and expenditures needed to achieve the target quality within the stipulated timeframe and without exceeding the allocated budget. The keyword related to this principle is *saving*, namely saving resources, cutting the budget and streamlining procurement times, taking into account the number of apparatus owned compared to the number of procurement work packages carried out. In 2017, there was a total of 134 procurement packages with a total procurement budget of Rp. 213,131,895,900.00, while in 2018, there was 114 packages with a total procurement budget of Rp. 137,630,103,488.29.

In 2018, the total return received by the ULP was Rp. 177,655,636,137.00, of the total revenue that had been auctioned at Rp. 177,655,636,137.00, while the total contract value generated was Rp. 157,542,415,028.81. Therefore, the procurement of goods and services carried out by the Banjarbaru City ULP in 2018 produced a budget efficiency of Rp. 20,113,221,108.19. In 2017, the total revenue received by the ULP package was Rp. 213,131,890,900.00, then the total return of the package completed was auctioned at Rp. 205,209,245,900.00, while the total contract value generated was Rp. 171,221,169,150.00. Accordingly, the procurement of goods and services by the Banjarbaru City ULP in 2018 was implemented with a budget efficiency of Rp. 41,910,721,750.00 and a ceiling efficiency of Rp. 33,888,076,750.00.

In terms of efficiency, the year 2018 proved to be successful for ULP of Banjarbaru City, as it was able to make savings on the budget spent. However, whether the efficiency in providing goods and services corresponding to quality and quantity standards has been achieved remains to be seen. In the procurement process, it is necessary to supervise all parties participating in the activities. If efficiency is affected by technical and non-technical factors, such as location, availability of raw materials, the price of raw materials, personnel, time, risk, regulations, etc., all the participants of the procurement process should be duly informed to avoid further complications.

4. Principle of Effectiveness

Effective procurement of goods and services can be interpreted as procurement of goods/services that adequately meets the customers' needs and outlined objectives. The keyword of this principle is "right", that is the right quality, quantity, time, place, and price. In accordance the principles of *Good Governance*, procurement of goods and services by the Banjarbaru City Government ULP in 2017 and 2018 was efficient, however, with regards to providing the adequate quality and quantity of goods and services within the minimum possible use of the budget allocated, the Banjarbaru City Government needs to work more to improve the efficiency of the process.

In compliance with the principle of *Good Governance*, the procurement of goods and services must be optimized so that the goods and services produced meet the customers' demands and there is no risk. Concerning auction packages that fail, according to the ULP working group, coordination with PPK is immediately carried out. The work packages are to be reviewed (in regards to HPS level, high or unusual specifications) without delay. After the additional review, the work packages will be re-auctioned.

C. Inhibiting Factors in Implementing Principles of *Good Governance* in the Procurement of Goods and Services

The procurement of goods and services in the City of Banjarbaru is still missing certain features to be completely congruous with the principles of *Good Governance*. Among the factors influencing the performance of ULP are limited resources, such as lack of budget, lack of human resources, and culture of procurement of goods and services. Based on the information obtained from interviews with the Head of ULP, the Banjarbaru City ULP Working Group, and a number of service providers, among the main factors inhibiting successful procurement of goods and services in the City of Banjarbaru are: Human Resources, Technical Difficulties, and Funding Sources.

1. Human Resources (HR)

Human resources is an integral part of an organization that wants to achieve efficient and effective program implementation. Human resources is an internal factor in the process of procurement of goods and services. The quantity of human resources greatly influences the process of procurement of goods and services. Because the committee has to focus on several fields rather than one particular area to make the procurement of goods and services successful, extensive personnel training is required, which presents a problem. The number of Pokja members to date is still insufficient, as many of them fail to get certifications, therefore certified employees from other SKPD are being hired, which could potentially hamper the procurement process.

For example, the Chairman of the ULP Working Group found it difficult to coordinate activities directly with the ULP Working Group members because the majority of them were not the ULP Secretariat staff but employees from different SKPDs. Members of the ULP Working Group from other SKPDs also serve as

procurement officials, thus their workload increases whenever their services are needed at an auction. The result is less than optimal procurement process with delays in provision of goods and services.

2. Information Technology

Another problem can be attributed to connectivity problems that sometimes still occur and lead to disruption of the network from the central server. While *the Bandwidth* is available in a number of infrastructures, it is still very limited and requires improvement. As a good internet network is essential to sustain the implementation of the procurement process (*e-procurement* uses online features, such as registration, data processing, uploading and downloading procurement documents), the connectivity problem remains one of the major obstacles.

3. Funding Sources

Finding a funding source is an effort made by the government to raise funds that will be used as operating costs while managing the process of procurement of goods and services from the APBD. An adequate funding source is necessary to cover the computerization and the internet expenses needed to operate the Banjarbaru City ULP service. Substantial funding support is needed to implement electronic goods and services procurement in ULP Banjarbaru City, as computerized systems and internet services used for *e-procurement* require a significant amount of money to operate. To provide a smooth access to the Banjarbaru City ULP service (which has proven to be efficient and effective for both users and providers of services), the Banjarbaru City Government has budgeted funds through the APBD for the procurement and maintenance of computers and networks, as well as paying salaries to the Banjarbaru City ULP officers. The Banjarbaru City Government must prepare a budget not only to guarantee network quality and internet security in the Banjarbaru City ULP but also prove the ULP Working Group's qualifications, correctness of specifications, and the quantity of materials offered. All these needs require significant budget augmentation.

4. Procurement proposal

Sometimes documents proposed by the PA / KPA / PPK can serve as an inhibiting factor for the procurement process as well. For example, in the following cases:

- a. When a proposed work package has not been uploaded to the SiRUP ;
- b. When lesson plans and proposed work packages are submitted past deadline, both *hardcopy* and *softcopy*;
- c. When the documents necessary for submitting the proposed work package are incomplete;
- d. When procurement documents are not signed by PPK.

Conclusion

The procurement of goods and services of the local government represented by the Banjarbaru City Procurement Services Unit (ULP) has proven to be successful in terms of transparency, accountability, efficiency and effectiveness,

complying with the principles of *Good Governance*. The legal basis for the work of the Unit was Presidential Regulation No. 54 of 2010 and its subsequent updated versions. The research findings have shown that in terms of transparency, the UPL's work was commendable.

As for the accountability aspect, certain shortcomings were noticed:

1. Auction notifications were not published in the printed media;
2. There are still complaints from the related parties that the announcement of the Procurement Document Addendum was too short and the qualification requirements in the procurement documents were unclear;
3. There have also been complaints from providers regarding the response of the ULP Working Group at the explanation stage and the denials that were delayed and inadequate;
4. Several work packages reviewed by the RPP in regards to technical specifications, HPS and contract drafts were similar to the work packages previously carried out.

Generally, the analysis has demonstrated that, discounting the mentioned flaws, the principle of accountability has been implemented.

According to the research findings, the principles of efficiency and effectiveness have been implemented with optimal results.

Among factors inhibiting the implementation of the principles of *Good Governance* in the procurement process carried out by the Banjarbaru City Procurement Services Unit (ULP) are: 1) the deficit of human resources; 2) inadequate IT support needed to realize e-procurement (internet network connectivity issues); 3) the deficiency of budget needed to guarantee network quality and internet security in the Banjarbaru City ULP, 4) incomplete procurement proposal documents.

References

- [1] Hud N. *Otonomi daerah*. Yogyakarta: Pustaka Pelajar; 2005 (In Indon.).
- [2] Kuncoro M. *Otonomi Daerah: Menuju Era Baru Pembangunan Daerah*. Jakarta: Erlangga; 2014 (In Indon.).
- [3] Weiss T.G. Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges. *Third World Quarterly*. 2000; 795-814.
- [4] Cabannes Y., Lipietz B. Revisiting the Democratic Promise of Participatory Budgeting in Light of Competing Political, Good Governance and Technocratic Logics. *Environment and Urbanization*. 2018; 67-84.
- [5] Creswell J.W. *Research design: pendekatan kualitatif, kuantitatif, dan mixed*. Yogyakarta: PT Pustaka Pelajar; 2010 (In Indon.).
- [6] Ibrahim. *Metode Penelitian Kualitatif*. Bandung: Alfabeta; 2015 (In Indon.).
- [7] Sugiyono. *Metode Penelitian Kuantitatif Kualitatif dan R&D*. Bandung: Alfabeta; 2014 (In Indon.).
- [8] Huberman A., Miles M.B. *Analisis Data Kualitatif Terj. Tjejep Rohidi*. Jakarta: UI Press; 1992 (In Indon.).
- [9] Mulyana D. *Metodologi Penelitian Kualitatif: Paradigma Baru Ilmu Komunikasi dan Ilmu Sosial*. Bandung: PT Remaja Rosdakarya; 2007 (In Indon.).
- [10] Dwiyanto A. *Mewujudkan Good governance Melalui Pelayanan*. Yogyakarta: Pustaka Pelajar; 2005 (In Indon.).

- [11] Kurniawan J.L., Najib M. *Paradigma Kebijakan Pelayanan Publik*. Malang: In. Trans; 2008 (In Indon.).
- [12] El-Haddadeh R., Weerakkody V., Osmani M., Thakker D., Kapoor K.K. Examining Citizens' Perceived Value of Internet of Things Technologies in Facilitating Public Sector Services Engagement. *Government Information Quarterly*. 2019; 310-320.
- [13] Hanif N. *Teori dan Praktik Pemerintahan dalam Otonomi Daerah*. Jakarta: Grasindo; 2005 (In Indon.).
- [14] LAN (*Lembaga Administrasi Negara dan Badan Pengawasan Keuangan dan Pembangunan, Akuntabilitas Dan Good Governance*). Jakarta: Lembaga Administrasi Negara dan Badan Pengawas Keuangan dan Pembangunan; 2000 (In Indon.).
- [15] Thoah M. *Birokrasi dan Politik di Indonesia*. Jakarta: Rajawali Press; 2005 (In Indon.).
- [16] Gill N.K. Good Governance in India: The Concept and The Practice. *Asian Journal of Multi-dimensional Research (AJMR)*. 2018; 199-206.
- [17] Wibawa F. *Kebijaksanaan Negara*. Jakarta: Yayasan Obor; 2002 (In Indon.).

Article history:

The article was submitted on 20.04.2019.

The article was accepted on 07.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-706-717

Научная статья

Механизм закупок товаров и услуг регионального правительства в соответствии с принципом «good governance» в городе Банджарбару

А.Т. Сомпа

Университет Лампунг Мангkurat
219, Банджарасин, Индонезия

Аннотация. Закупка товаров и услуг региональным правительством является частью реализации принципа региональной автономии. Однако следует помнить, что практика региональной автономии уязвима для злоупотреблений властью. Таким образом, для установления пределов полномочий необходимо реализовывать принципы благого управления («good governance»). Целью статьи является описание механизма закупок товаров и услуг органами местного самоуправления в Индонезии в соответствии со стандартами благого управления. В исследовании автор опирается на качественный подход. Сбор данных осуществляется в три этапа, а именно: наблюдение, собеседование и документирование. Модель анализа данных Майлза и Хабермана используется для достижения точности информации в представлении нарративных текстов. Автор проводит проверку достоверности данных путем тщательного и непрерывного наблюдения, а также триангуляции. Исследование показывает, что региональное правительство в лице городского отдела закупок Банджарбару в целом соблюдает принцип благого управления с точки зрения прозрачности, подотчетности, эффективности и результативности (закрепленный в Указе Президента Индонезии № 54 от 2010 г. и поправках к нему). Однако автор отмечает, что все еще существует ряд препятствий реализации принципа «good governance» в стране, основными из которых являются: 1) человеческие ресурсы, которые в значительной степени влияют на работу государственной системы, представляя наибольший риск; 2) зависимость от информации-

ных технологий при осуществлении закупок товаров и услуг, которая осуществляется с использованием онлайн-функций (электронные закупки); 3) дефицит бюджета, необходимого для обеспечения качества сети и безопасности Интернета (на примере отдела закупок города Банджарбару), 4) неполнота документов предложения о закупках.

Ключевые слова: закупки товаров / услуг, региональная автономия, благое управление.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 20.04.2019.

Статья принята к публикации 07.11.2019.

Информация об авторе:

Анди Тенри Сомпа – кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственных исследований Университета Лампунг Мангурат (Индонезия) (e-mail: tenri@ulm.ac.id).

Information about the author:

Andi Tenri Sompa – PhD in Government Science, Associate Professor of the Department of Government Science, Lambung Mangkurat University (Indonesia) (e-mail: tenri@ulm.ac.id).

Для цитирования:

Sompa A.T. Procurement Mechanism of Goods and Regional Government Services in Accordance with the Principle of Good Governance in Banjarbaru // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 706–717. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-706-717

For citation:

Sompa A.T. Procurement Mechanism of Goods and Regional Government Services in Accordance with the Principle of Good Governance in Banjarbaru. RUDN Journal of Political Science. 2019; 21 (4): 706–717. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-706-717



DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728

Научная статья

Сотрудничество с Россией и положение русскоязычной общины на повестке дня выборов в сейм Латвии 2018 года

М.И. Кришталь

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
Ул. Невского, 14, Калининград, Россия, 236041

Аннотация. В статье рассматривается взгляд релевантных участников выборов в Сейм Латвии 2018 года на латвийско-российские отношения и положение русскоязычных в стране. Данная повестка заметно актуализировалась в межвыборный период в результате внешнеполитических (конфронтация между Россией и Западом на фоне событий в Украине) и внутривнутриполитических (принятие закона, предусматривающего переход школ этнических меньшинств на латышский язык) факторов. Учитывая наличие в Латвии этнического конфликта между латышами и русскоязычным населением, методологической основой статьи выступает теория размежеваний С. Липсета и С. Роккана. Опираясь на нее, посредством метода балльной оценки выделены идеологические контрасты политических партий. На основании этого определены три различных подхода, которых они придерживались по рассматриваемым вопросам. Первый подход ориентирован на создание условий этнического равноправия в Латвии и сотрудничество с Россией. Второй – является противоположным и выступает за ограничение прав русскоязычных и продолжение конфронтации с Российской Федерацией. Третий подход, будучи идейно близким ко второму, все же предполагает некоторые послабления в сторону русскоязычных жителей. Проведенный методом корреляции Пирсона анализ географии голосования продемонстрировал, что существующие между политическими силами идеологические контрасты совпадают со сложившимися между ними электоральными размежеваниями на выборах.

Ключевые слова: выборы, политические партии, Сейм Латвии, размежевания, русскоязычные, повестка дня, партийная система.

Введение

6 октября 2018 г. в Латвии состоялись парламентские выборы в Сейм тринадцатого созыва. Основные дискуссионные вопросы на повестке дня избирательной кампании были посвящены взаимоотношениям с Россией, а также положению русскоязычной общины в стране. Подобная повестка дня

© Кришталь М.И., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

была доминирующей и на предыдущих выборах [1. С. 164]. Однако в ходе последней избирательной кампании в силу ряда факторов, возникших в межвыборный период (2014–2018 годы), произошел дополнительный рост ее актуальности.

Во-первых, данный период характеризовался значительным обострением отношений между Западом и Российской Федерацией по причине возникшего в Украине кризиса. Ситуация усложнялась, в частности, тем, что наличие «российской угрозы» выступало в качестве оправдания для усиления воинских контингентов НАТО на территории стран Прибалтики, в частности Латвии [2. С. 94].

Во-вторых, взаимная конфронтация наложила отпечаток также на экономические связи двух государств. Так, уже в 2015 году в результате российских контрсанкций совокупный экспорт Латвии в Россию снизился на 44,5%. Также следует добавить, что из всех прибалтийских республик именно Латвия больше всех зависит от российского транзита [2. С. 95–96]. При этом до Крымского кризиса в 2013 г. эксперты оценивали российско-латвийские отношения как существенно более прагматичные в сравнении с российско-литовскими и тем более российско-эстонскими [3. С. 94]. В перспективе, по мнению специалистов, должно было произойти дальнейшее их улучшение.

В-третьих, хотя тематика положения русскоязычных в Латвии является актуальной, начиная с распада СССР, в силу систематического ущемления их прав на образование, использование родного языка и получение гражданства [4], в межвыборный период произошло обострение данной проблематики. Это связано с принятием Сеймом Латвии 22 февраля 2018 г. в первом чтении основных пунктов реформы, предложенной министерством образования. По ее замыслу произойдет постепенный переход всех школ национальных меньшинств на латышский язык. Реакцией на данный шаг стали митинги русскоязычных жителей против нововведения, организованные при поддержке партии «Русский союз Латвии» (РСЛ). Дополнительный отпечаток на проблему положения русскоязычного населения накладывает также существующий по сей день в стране институт неграждан.

Так как в Латвии проживает значительная часть русскоговорящих жителей (около трети от общего количества населения), следствием существующего положения дел стал этнический раскол. Он выражается в кардинальных отличиях политической идентичности русскоязычных и латышей, проявляющихся в различном отношении к национальным символам Латвии и России. К примеру, существуют принципиальные отличия во взглядах на независимость и демократию в Латвии. Так, только 13,9% латвийских русских заявили в 2013 г. о поддержке независимости страны (против 72% латышей), и 18,6% выразили удовлетворенность демократией в прибалтийской республике (против 51% латышей) [5. С. 33]. Наряду с ценностными различиями существует экономическое и политическое неравенство (не в пользу русскоязычных), которое усугубляет уровень конфронтации [5. С. 43].

Данная ситуация накладывает отпечаток на политическую систему страны [6. С. 75], что в том числе отражается и на электоральном размежевании на латвийских выборах, носящее характер «этнолингвистического раскола» [1. С. 164].

Рассматриваемые вопросы также обостряются существованием «красной линии», согласно которой националистические партии Латвии в качестве возможности вступления в правящую коалицию требуют признания «оккупации» страны Советским Союзом. Тем самым создаются условия для консервации внутривнутриполитического конфликта и удержания политических противников в изоляции [7. С. 63].

При этом повестка дня выборов, характерная для большинства стран Евросоюза и связанная с расколом «еврооптимисты – евроскептики», в Латвии в 2018 г. фактически не фиксировалась. Латвийские релевантные партии практически не поднимали вопросы, касающиеся несовершенства миграционной политики ЕС, взаимоотношений государства с евробюрократией и т.п. Партия «Евроскептики – партия действия», ставившая эту проблематику в центр своей избирательной кампании, получила крайне низкую поддержку электората (0,12% голосов). Этот факт позволяет утверждать об отсутствии широкого интереса к этой повестке дня и о ее второстепенности по отношению к рассматриваемой в статье проблематике. Во многом это связано с тем, что уровень доверия жителей Латвии к ЕС заметно выше, чем к национальному правительству и парламенту (56% против 35% и 32% соответственно (данные Eurobarometer за 2016 год)) [8. С. 134].

Учитывая актуальность и остроту рассматриваемой в статье проблематики, целью исследования является выявление позиций партий на выборах в Сейм Латвии 2018 г. по вопросам, касающимся российско-латвийских взаимоотношений и положения русскоязычной общины в Латвии, а также соотношения их со сложившимися электоральными размежеваниями.

Методология и методика исследования

Методологической основой статьи выступает теория размежеваний, основателями которой являются С. Липсет и С. Роккан [9]. В соответствии с ее положениями партии не только порождаются социальными конфликтами или размежеваниями, но и выступают также индикаторами этих размежеваний, показателями силы и мощи противостояния разных социальных сил.

Относительно научной категории «размежевание» («cleavage») ученые сходятся во мнении, что оно должно обязательно обладать тремя характеристиками [10. Р. 92]. Во-первых, размежевание отражает главное разделение в обществе. Во-вторых, индивидуумы должны быть способны идентифицировать себя с какой-либо стороной. В-третьих, размежевание должно обладать организационным выражением (через политические партии или влиятельные группы интересов). В частности, А. Ремеле определял размежевания как «долговременные структурные конфликты, являющиеся причиной противо-

положных позиций, представляемых соревнующимися политическими организациями» [11. С. 37].

Таким образом, партии подвергаются в статье рассмотрению исходя из двух подходов: конфликтологического и социологического. Согласно первому подходу, партия одновременно является производным социально-политического конфликта и индикатором наличия определенного конфликта в обществе. Согласно второму – партия рассматривается с точки зрения интересов образующих ее социальных групп. Поэтому предполагается, что обладание партиями на выборах различной этнической базой поддержки, конфликтующей друг с другом (русскоязычные vs латыши), предопределяет их противоположные позиции по актуальной повестке дня.

Опираясь на выбранную теоретическую базу, в статье применяются количественные методы исследования. Для определения степени противоположности взглядов латвийских партий на актуальную повестку дня используется метод балльной оценки.

В качестве подтем, определяющих политические позиции по рассматриваемым вопросам, выделены:

- использование русского языка в системе образования страны;
- статус неграждан Латвийской Республики;
- характер взаимоотношений Латвии с Россией;
- взаимодействие Латвийской Республики с военным блоком НАТО.

В ходе сравнительного анализа предвыборных программ политических партий использована следующая балльная шкала:

– «1» означает курс на расширение использования русского языка в образовательной системе, упразднение статуса «неграждан», выстраивание позитивных взаимоотношений с Россией и противостояние усилению блока НАТО;

– «–1» – поддержка политики латышизации образования, сохранения статуса «неграждан», противостояния России и усиления роли НАТО в Латвии;

– «0» – отсутствие позиции;

– оценки «0,5» и «–0,5» давались в случае «половинчатости» позиций.

Выборочная совокупность исследования ограничила общее количество участников выборов путем создания минимального процентного порога их электоральной поддержки, равного не менее 3%. Таким образом, выборочная совокупность включила партии, прошедшие в Сейм («Согласие», Новая консервативная партия (НКП), «Развитию/За», Национальное объединение «Все для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ» (НО), Союз зеленых и крестьян (СЗК) и «Новое Единство»). Наряду с ними в выборочную совокупность вошли партии «Объединение регионов Латвии» (ОРЛ) и РСЛ, не сумевшие получить представительство в парламенте, но набравшие более 3%.

Из анализа исключена занявшая второе место на выборах партия KPV LV («Кому принадлежит власть?»), так как это единственная релевантная

политическая сила, фактически не затронувшая в своей программе рассматриваемые вопросы. Программные документы для анализа взяты с официального сайта Центральной избирательной комиссии Латвии [12].

Расчет размежеваний в статье произведен посредством корреляционного анализа Пирсона. Корреляционные ряды выстроены в соответствии с административно-территориальным делением Латвии. В качестве показателей для корреляционного анализа используются результаты голосования за релевантные партии во всех республиканских городах (9) и краях Латвии (110). Сильная отрицательная корреляция обозначает наличие размежевания между политическими силами (противоположность их электоральной базы). При расчетах учитывалось, что показатель уровня значимости (p) не должен превышать 0,05.

Результаты исследования

По теме русского языка РСЛ придерживается позиции отмены всех ограничений в отношении него, введения его обязательного обучения и создания автономии школ национальных меньшинств. Партия «Согласие», также ориентирующаяся на поддержку русскоязычных жителей, выступает с более умеренных позиций, предлагая ввести трехязычную систему образования. Противоположного мнения касательно данной темы придерживается большинство остальных партий, которые рассматривают латышский язык в качестве единственного в системе образования. В предвыборной программе НО наряду с этим указывается необходимость защиты молодежи от дискриминации на рынке труда из-за незнания русского языка. Особая точка зрения на рассматриваемый вопрос у партии «Развитию/За». Данная политическая сила заявляет, что в школах детям должно быть предоставлено обучение латышскому языку и возможность изучать некоторые материалы на двух языках (на языках меньшинств и ЕС), обеспечивая отличные навыки владения вторым и третьим языками.

Тема статуса неграждан не представлена в предвыборных программах ряда участников избирательной кампании: НКП, «Нового Единства», ОРЛ и СЗК. Рассматривается данная проблематика на повестке дня политических сил, ориентирующихся на русскоязычных избирателей (РСЛ и «Согласие»), приверженцев латышского национализма (НО), а также партии «Развитию/За». Последняя вновь занимает особую позицию, предлагая предоставить гражданство страны всем несовершеннолетним детям неграждан, проживающим в Латвии. РСЛ выступает за то, чтобы до момента безусловного присвоения всем негражданам латвийского гражданства произошло упрощение процедуры натурализации, снятие для них ограничений экономического и профессионального характера. Кроме того, данная партия предлагает предоставить негражданам права участвовать в выборах Европейского Парламента. «Согласие» относительно этой темы в своей программе заявляет, что политика этнического разделения, маргинализации, разжигания

ненависти и поиска внутренних врагов должна быть прекращена. Противоположной точки зрения придерживается НО, обещающее не уступать по вопросу гражданства.

Также только эти перечисленные силы поднимали в своей повестке дня тематику взаимоотношений Латвии с Российской Федерацией. РСЛ выступает за установление добрососедских отношений с Россией и создание в перспективе проекта единой Европы от Лиссабона до Владивостока. «Согласие» также в своей предвыборной программе предлагает построение хороших отношений с Россией на основе взаимного уважения. Вновь на противоположном фланге НО, в открытую заявляющее, что не позволит пророссийским силам войти в правительство и будет использовать все законные средства, чтобы ограничить распространение российской пропаганды. Партия «Развитию/За» призывает уменьшить зависимость от российского газа, диверсифицировать доступ к источникам газа и сохранить санкции, введенные за незаконную аннексию Крыма. В случае агрессии со стороны России партия рассматривает необходимость сильного и общего ответа.

По вопросу взаимодействия с НАТО все партии придерживаются укрепления обороноспособности страны, а также подтверждают членство Латвии в военном блоке. Единственное исключение – РСЛ, заявляющая о необходимости снижения военных расходов, демилитаризации и отказа от расширения НАТО.

Балльная оценка партийных установок по рассматриваемым вопросам приведена в сравнительной таблице (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Взгляд партий на взаимоотношения с Россией
и положение русскоязычной общины в Латвии /
The parties' view on relations with Russia and the situation
of the Russian-speaking community in Latvia**

Партии/темы	Русский язык в системе образования	Статус неграждан	Взаимоотношение Латвии с Россией	Взаимодействие Латвии с НАТО	Итого
РСЛ	1	1	1	1	4
Согласие	0,5	1	1	-1	1,5
НКП	-1	0	0	-1	-2
СЗК	-1	0	0	-1	-2
Новое Единство	-1	0	0	-1	-2
ОРЛ	-1	0	0	-1	-2
Развитию/За	-0,5	0,5	-1	-1	-2,5
НО	-1	-1	-1	-1	-4

Источник / Source: составлено автором.

Таким образом, политический раскол между «русскими» партиями («Согласие» и РСЛ) и националистами (НО) является основным в партийной системе Латвии. Остальные релевантные участники выборов идеологически заметно тяготеют к националистическому флангу. Под «русскими» партия-

ми в исследовании понимаются политические силы, основным электоратом которых является русскоязычный избиратель.

В результате на выборах в Сейм 2018 г. сохранилось привычное деление партий на латышских националистов, латышских центристов и политические партии, представляющие интересы русскоговорящих жителей [12].

Несмотря на схожесть позиций, «Согласие» и РСЛ продемонстрировали различия в подходах к решению рассматриваемых вопросов. Как фиксировалось и ранее, «Согласие» проявляет заметно большую умеренность. Это связано с различным электоральным потенциалом партий. Партия «Согласие», получая на третьих выборах подряд максимальное количество голосов среди всех участников, благодаря своему умеренному подходу стремится войти в правящую коалицию с политическими оппонентами. РСЛ, напротив, не имея никаких шансов на вхождение в правительство, отличается большей радикальностью [13. С. 156–157]. Также это обусловлено тем, что «Согласие» таким образом пытается, сохраняя монополию на русскоязычный электорат, привлечь на свою сторону латышских избирателей с социал-демократическими взглядами [10. Р. 100].

Корреляционный анализ голосования за участников выборов в целом демонстрирует, что электоральные размежевания в Латвии проходят по той же линии, что и идеологические: «русские» – националистические партии. Самая сильная отрицательная корреляция прослеживается именно между этими политическими силами (табл. 2). Причем ко второй группе политических сил присоединилась НКП, лидер которой Янис Борданс в 2012–2013 гг. был членом НО. Сильная положительная корреляция фиксируется между РСЛ и «Согласием» и обозначает то, что их электорат проживает фактически на одной и той же территории (районы с высокой долей русскоязычного населения).

Таблица 2 / Table 2

**Корреляция голосования за участников парламентских выборов
2018 года в Латвии /
Correlation of voting for participants of parliamentary elections
in Latvia in 2018**

Партии	Согласие	РСЛ	НО	НКП	СЗК	Новое Единство	ОРЛ	Развитию/За
Согласие	«-»	0,8	-0,7	-0,7	-0,1	-0,1	-0,3	-0,5
РСЛ	0,8	«-»	-0,6	-0,7	-0,1	-0,2	-0,3	-0,5
НО	-0,7	-0,6	«-»	0,4	-0,3	-0,1	0	0,6
НКП	-0,7	-0,7	0,4	«-»	0,1	0	0,1	0,4
СЗК	-0,1	-0,1	-0,3	0,1	«-»	-0,2	0	-0,4
Новое Единство	-0,1	-0,2	-0,1	0	-0,2	«-»	-0,1	-0,1
ОРЛ	-0,3	-0,3	0	0,1	0	0	«-»	0
Развитию/За	-0,5	-0,5	0,6	0,4	-0,4	-0,1	0	«-»

Источник / Source: составлено автором.

Выводы

Таким образом, в статье фиксируется существование трех основных подходов латвийских политических партий, касающихся вопроса взаимоотношений с Россией и оценки положения русскоязычного населения в стране.

Первый подход направлен на улучшение латвийско-российских отношений и уравнивание в правах русскоязычных жителей. Его придерживаются «русские» партии («Согласие» и РСЛ). При этом обладающее заметно большим электоральным потенциалом «Согласие» стоит на более умеренных позициях.

Второй подход, являющийся противоположным, напротив, рассматривает Россию как вероятного противника, выступает за дальнейшее притеснение русского языка в Латвии и ущемление прав русскоязычного населения. Данного подхода придерживаются латышские националисты в лице НО.

Третий подход в целом довольно близок ко второму, но отличается большей умеренностью. В частности, тем, что предполагает постепенное упразднение статуса неграждан. Этому подходу следуют остальные релевантные партии.

Проведенный анализ посредством методов балльной оценки и корреляции Пирсона показал, что под воздействием существующих между партиями идеологических контрастов по тем же линиям формируются электоральные размежевания. Последнее выражается в противоположности географии электоральной поддержки.

Можно констатировать, что в основе политической системы Латвии продолжает лежать этнолингвистический раскол, обладающий идеологической и территориальной составляющей. В конечном итоге это чревато нарастанием поляризации между латышскоговорящим и русскоязычным обществами.

Библиографический список

- [1] *Солопенко А.В.* Сравнение электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии на парламентских выборах в 2011-2015 годах // Прибалтийские исследования в России: материалы Международной научной конференции / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2016. С. 163-167.
- [2] *Смирнов В.А.* Отношения политических элит стран Прибалтики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 1. С. 93-102.
- [3] *Межевич М.Н., Сазанович Л.С.* Современные проблемы российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3. С. 93-106. DOI: 10.5922/2074-9848-2013-3-7.
- [4] *Бузаев В.В.* Национальные меньшинства Прибалтики как жертва избирательного оружия массового поражения // Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период»: сборник статей / под ред. А.В. Гапоненко. Рига: Институт европейских исследований, 2013. С. 11-13.
- [5] *Родин М.Ю.* Этнополитические конфликты и национальная идентичность в Латвии // Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период»: сборник статей / под ред. А.В. Гапоненко. Рига: Институт европейских исследований, 2013. С. 5-10.

- [6] Ямалова Э.Н. Национальная политика в постсоветской Латвии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2015. № 4 (31). С. 69-76.
- [7] Смирнов В.А. К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 4. С. 51-72. DOI: 10/5922/2074-9848-2015-4-3.
- [8] Воронников В.В. Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. 10 (1). С. 122-140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140.
- [9] Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания (перевод) // Политическая наука. 2004. № 4. С. 49-80.
- [10] Auers D. Latvia (Cleavages and Political Parties) // Handbook of Political Change in Eastern Europe. 3rd edition. UK: Edward Elgar Publishing Ltd, 2013. 864 p. DOI: 10.4337/9781782545880.00011.
- [11] Реммеле А. Структура размежеваний и партийные системы в Восточной и Центральной Европе (перевод) // Политическая наука. 2004. № 4. С. 30-50.
- [12] Центральная избирательная комиссия Латвии. Режим доступа: <https://sv2018.cvk.lv/pub/CandidateLists>. Дата обращения: 12.06.2019.
- [13] Кришталь М.И. Идеологическая и политическая дистанция «русских» партий Латвии // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 153-157. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6243.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 01.10.2019.

Статья принята к публикации 05.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728

Research article

Cooperation with Russia and the Current State of the Russian-Language Community on the Agenda of the 2018 Election to the Seimas of Latvia

M.I. Krishtal

Immanuel Kant Baltic Federal University
Nevskiy Str., 14, Kaliningrad, Russian Federation, 236041

Abstract. The article discusses the opinion of the relevant participants in the 2018 elections to the Seimas of Latvia in regards to the Latvian-Russian relations and the situation of the Russian-speaking community in the country. The issue sprung up in the period between the elections as a result of foreign policy (confrontation between Russia and the West to regards to the events in Ukraine) and internal political factors (adoption of the law stipulating the transfer of ethnic minority schools to teaching in the Latvian language). In the light of the ethnic conflict between Latvians and the Russian-speaking population in Latvia, the authors have based their research on S. Lipset and S. Rokkan's theory of demarcations. Drawing on this theory, the authors use the scoring method to highlight ideological contrasts of political parties. As a result, three different approaches to the current situation have been identified. The first approach is focused on creating conditions for ethnic equality in Latvia and cooperation with Russia. The second approach, on the contrary,

stands for limiting the rights of the Russian-speaking population in Latvia and continuing confrontation with the Russian Federation. The third approach, being ideologically close to the second, nevertheless allows for some latitude towards Russian-speaking residents. Based on Pearson's correlation method, the analysis of the voting geography showed that the ideological contrasts existing between political forces coincide with their electoral divergences.

Keywords: elections, political parties, the Seimas of Latvia, cleavage, demarcations, Russian-speaking, agenda, party system.

References

- [1] Solopenko A.V. Comparison of Electoral Behavior of Russian-speaking Citizens of Latvia and Estonia in parliamentary elections 2011-2015. *Baltic Studies in Russia*. Proceedings of the International scientific conference. Ed. by A.P. Klemeshev, N.M. Mezhevich, G.M. Fedorov. Kaliningrad: Baltic Federal University Press; 2016: 163-167 (In Russ.).
- [2] Smirnov V.A. The Relations of the Political Elite of the Baltic States. *Political Expertise: POLITEX*. 2017; 13 (1): 93–102 (In Russ.).
- [3] Mezhevich M.N., Sazanovich L.S. Current Problems in Russian-Latvian Relations. *Baltiyskiy region*. 2013; 17 (3). DOI: 10.5922/2074-9848-2013-3-7 (In Russ.).
- [4] Buzaev V.V. National Minorities of the Baltic States as a Victim of Selective Weapons of Mass Destruction. *Ethnic Conflicts in the Baltic States in the Post-Soviet Period*: collection of articles. Ed. by A.V. Gaponenko. Riga: Institute of European studies; 2013: 11-13 (In Russ.).
- [5] Rodin M.Yu. Ethnopolitical Conflicts and National Identity in Latvia. *Ethnic Conflicts in the Baltic States in the Post-Soviet Period*: collection of articles. Ed. by A.V. Gaponenko. Riga: Institute of European studies; 2013: 5-10 (In Russ.).
- [6] Yamalova E.N. National Policy in Post-Soviet Latvia. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. 2015; 4 (31): 69-76 (In Russ.).
- [7] Smirnov V.A. On Crisis Trends in the Legitimacy of the Political Regimes of the Baltic States. *Baltiyskiy region*. 2015; 4: 51-72 (In Russ.).
- [8] Vorotnikov V.V. The Baltic States in the context of Brexit: Euro-optimism vs Euroscepticism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017; 10 (1): 122-140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140 (In Russ.).
- [9] Lipset S., Rokkan S. Lipset S., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction (translation). *Politicheskaya nauka*. 2004; 4 (4): 49-80 (In Russ.).
- [10] Auers D. Latvia (Cleavages and Political Parties). *Handbook of Political Change in Eastern Europe*. 3rd edition. UK: Edward Elgar Publishing Ltd; 2013. 864 p. DOI: 10.4337/9781782545880.00011.
- [11] Römmele A. Cleavage Structure and Party Systems in East and Central Europe (translation). *Politicheskaya nauka*. 2004; 4: 30-50 (In Russ.).
- [12] *Central Election Commission of Latvia*. Available from: <https://sv2018.cvk.lv/pub/CandidateLists>. Accessed: 12.06.2019 (In Latv.).
- [13] 13. Krishtal M.I. Ideological and Political Distance of the Russian Parties in Latvia. *Vlast'*. 2019; 27 (1): 153-157. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6243 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 01.10.2019.

The article was accepted on 05.11.2019.

Информация об авторе:

Кришталь Михаил Игоревич – кандидат географических наук, научный сотрудник Института гуманитарных наук при Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта, Калининград, Россия (ORCID ID: 0000-0001-6167-1025) (e-mail: MKrishtal@kantiana.ru).

Information about the author:

Mihail I. Krishtal – PhD in Geographical Sciences, Researcher, Institute of the Humanities at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-6167-1025) (e-mail: MKrishtal@kantiana.ru).

Для цитирования:

Кришталь М.И. Сотрудничество с Россией и положение русскоязычной общины на повестке дня выборов в сейм Латвии 2018 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 718–728. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728

For citation:

Krishtal M.I. Cooperation with Russia and the Current State of the Russian-Language Community on the Agenda of the 2018 Election to the Seimas of Latvia. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(4): 718–728. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728



ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В США И ЕВРОПЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

Научная статья

Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма)

К.В. Блохин

Центр исследования проблем безопасности РАН
ул. Гарибальди, д. 21 Б, Москва, Россия, 117335

Аннотация. В статье рассматриваются проблема влияния Лео Штрауса на политическую культуру США, анализируется современная историографическая ситуация проблемы. Авторы показывают, что как в США, так и в современной России вопрос о степени и характере влияния Л. Штрауса на неоконсерваторов до сих пор остается открытым. Между тем, очевидно, что Штраус оказал существенное влияние на формирование неоконсервативной идеологии, что проявляется в сходстве базовых идей философа и его последователей. Формирование политических взглядов философа происходило в условиях кризиса Веймарской республики и прихода нацистов к власти в Германии, что поставило перед Штраусом вопрос о необходимости сильной демократии и ее возможности защищаться от тирании. Идея сильной демократии, способной противостоять тоталитаризму и авторитаризму, – одна из ключевых неоконсервативных идей. Сходство философских воззрений Штрауса и неоконсерваторов видится в критике либерального мироустройства, моральных основ Запада, породивших релятивизм и нигилизм. Мировоззренческое единство неоконсерватизма и его разновидности в форме штрауссианства с идеями Штрауса проявляется в отстаивании интересов государства Израиль, которое рассматривается основоположниками неоконсерватизма в качестве форпоста западного мира.

Ключевые слова: Лео Штраус, Карл Шмитт, Ирвинг Кристол, либерализм, фашизм, коммунизм, неоконсерватизм, штрауссианство, кризис либерализма, элитизм, демократия, тирания, моральный кризис Запада.

Введение

Фигура Лео Штрауса (20.09.1899 – 18.10.1973), американского философа еврейского происхождения, имеющего репутацию «отца неоконсерватизма», до сих пор привлекает внимание исследователей, анализирующих проблему

© Блохин К.В., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

идейных истоков и генезиса неоконсерватизма. Будучи влиятельным интеллектуальным течением (или идеологией), неоконсерватизм в большой степени определил идейно-политический дискурс второй половины XX – начала XXI в., радикально противопоставив либеральную демократию тоталитаризму.

Нет сомнений в том, что неоконсерватизм как интеллектуальное течение части американского общества имеет синтетическую природу, поскольку он формировался под воздействием различных идейно-политических и философских факторов, что и обуславливает теоретико-методологические трудности идентификации штрауссианского влияния в неоконсерватизме. «Факт заключается в том, что неоконсерватизм не является строго гомогенным или единым политическим движением, но это не означает того, что в его формировании не участвовали фундаментальные идеи и убеждения таким же способом, как различные коммунистические фракции формировались под общим влиянием философии Карла Маркса», – отмечает С. Томпсон [1. Р. 4].

Показательно разнообразие интеллектуальных источников неоконсерватизма, среди которых философы: Платон, Аристотель, Дж. Локк, А. Смит, Э. Берк, А. Токвиль, Л. Троицкий, А. Кроули, Р. Нибул, М. Фридман и Ф. фон Хаек, государственные деятели: Т. Джефферсон, А. Линкольн, О. Бисмарк, Б. Дизраэли, Т. Рузвельт, Франклин Д. Рузвельт, Г. Трумэн, Г. Джексон, Р. Рейган, Дж. Буш, Б. Обама. Политический состав неоконсерваторов также отличается неоднородностью, в его состав входят социалисты, либералы, консерваторы. В религиозном отношении неоконсерваторы близки как иудейской, так и католической и протестантской теологии, хотя в основе своей неоконсерваторы являются неверующими [1. Р. 5].

Видимо, этим обстоятельством объясняется непрекращающаяся дискуссия в общественной мысли как среди американских, так и российских исследователей. Наиболее обширный пласт исследований представляют работы англо-американских авторов, таких как Ч. Томпсон [1], П. Готфрид [2], Дж. Хелбрун [3], Х. Веласко [4], А. Нортон [5], где в той или иной степени рассматриваются вопросы генезиса неоконсерватизма, в частности характер и масштаб влияния Л. Штрауса на неоконсервативную мысль и практику. В то же время следует констатировать, что единства мнений о степени влияния Л. Штрауса на неоконсерваторов среди исследователей до сих пор не сложилось. По существу, можно говорить о существовании двух крайних позиций в англо-американской литературе.

По мнению Х. Веласко, связь Штрауса с неоконсерваторами не очевидна. Едва ли уместно утверждать влияние философа лишь на том основании, что члены администрации Дж. Буша-мл. однажды учились у Штрауса либо были его студентами [4. Р. 161]. Кроме того, по мнению Веласко, Штраус очень редко писал по вопросам публичной или внешней политики. Он был философом, и его мысль не очень просто совместить со сферами реальной политической практики. Кроме того, довольно трудно установить связи между Штраусом и неоконсерваторами, поскольку он известен своим труд-

но понимаемым стилем письма. Читать Лео Штрауса намного труднее, чем Витгенштейна, Хайдеггера, или Джойса вместе взятых, поскольку не хотел быть понятным для всех и писал только для избранных, немногих своих учеников. Большинство же неоконсерваторов никогда не изучало Штрауса или не было знакомо с его работами. При этом совершенно неправильно утверждать, что он является духовным учителем всех неоконсерваторов [4. Р. 162].

С другой точкой зрения выступил авторитетный исследователь С. Томпсон, доказывая тесную связь неоконсерватизма с наследием Штрауса. По его мнению, «политическая философия Ирвинга Кристола и в итоге неоконсерватизма вообще выводится из установок политической философии Лео Штрауса» [1. Р. 71]. М. Фридман подчеркивает не прямое влияние идей Штрауса через своего ученика Алана Блума на представителей второго поколения неоконсерваторов времен Р. Рейгана и Дж. Буша-ст. – В. Кристола и С. Кроспи [6. Р. 224].

Указанное разнообразие мнений лишний раз подчеркивает проблематичность в изучении наследия Л. Штрауса в академическом сообществе США.

Последнее десятилетие отмечено взрывным интересом к философскому и политологическому наследию Л. Штрауса и в России. Так, по мнению А.В. Павлова, влияние Штрауса на неоконсерватизм проявилось в таких идеях, как «стремление к абсолюту, целому и универсальному, поиск единой истины и желание обнаружить ее во всем, что касается политики»; это снятие конфликта между религией и наукой, «разумом и откровением»; это «эзотерический» аспект его учения. Штраус верил, что философы предлагали не только и не столько «эзотерическое» или рекомендательное учение, сколько «эзотерическое» или истинное учение, которое скрыто от рядового читателя» [7]. Хотя А.В. Павлов и указывает на определенные линии «сопряжения» Штрауса с неоконсерваторами, автор обозначает проблематичность в изучении наследия мыслителя, выражающуюся в различиях мнений российских исследователей.

В диссертации А.Н. Мишурина подчеркивается, что Л. Штраус «стал прародителем сразу двух консервативных течений, условно называемых неоконсерватизм и леоконсерватизм», а его метод политического анализа отношения знания и власти доказал свою эффективность при построении отношения между знанием и властью в демократическом режиме [8. С. 130].

Философский элитизм Штрауса и «непрямую связь» идей философа с неоконсерваторами отмечает И.А. Матвеев [9]. Э.Ф. Макаревич указывает на связь идей Штрауса с неоконсервативным курсом Р. Рейгана [10], а вопросы политической методологии философа рассматриваются в статье А. Порецкой [11].

Обстоятельный очерк политической философии Л. Штрауса дан в фундаментальной работе Т.А. Алексеевой, которая отмечает, что политическая философия Штрауса была использована в интересах практической полити-

ки, что и привело в конечном счете к искажению замыслов философа, против которых он принципиально боролся. Для Т.А. Алексеевой очевидна разница между философией Штрауса и взглядами тех, кто считает себя его последователями [12. С. 50].

Достаточно широкий спектр исследований философского и политического наследия Л. Штрауса в современной российской науке наглядно свидетельствует о растущем интересе к этой противоречивой и сложной личности [13]. Как видно из обзора литературы, в российской политологии и историографии проблема влияния идей Л. Штрауса на неоконсервативную мысль и политическую практику изучена не в полной мере, авторы подчеркивают связь его теоретического наследия с неоконсерваторами, однако это влияние философа прослежено лишь частично. Не менее очевидно, что разрешение этой проблемы предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, а именно: определении характера и степени идейного влияния на неоконсерваторов. Не менее важен вопрос о каналах, способах такого влияния, что требует исследования личных связей и контактов философа с его адептами. Безусловно, установление влияния Штрауса на неоконсерваторов – неподъемная академическая проблема для небольшой статьи и требует рассмотрения всего неоконсервативного наследия, а поэтому в работе определяются лишь очевидные траектории такого влияния, смысловые линии сопряжения. Предметом статьи является выявление идей Штрауса в общем комплексе неоконсервативных идей.

Источниками исследования являются сочинения самого Л. Штрауса и политические труды И. Кристола. Весьма ценным источником является монография Анны Нортон, которая некоторое время слушала курс политической философии у самого Штрауса и хорошо знает неоконсерватизм, так сказать, «изнутри» и сообщает нам значимые детали жизни и деятельности философа и его приверженцев.

Экзистенциальные предпосылки

Философские и политические взгляды идейного вдохновителя неоконсерватизма в значительной мере определяются его жизненным опытом. Лео Штраус родился 20 сентября 1899 г. в маленьком городке Германии Киркчайне. Первоначальное обучение получил в гимназии, где изучал греческий и латинский языки. Штраус стал известен как философ, которого интересовали политические теории древности и современности. Будучи в Германии, он опубликовал работы о Спинозе, Маймониде, переписывался с Карлом Шмиттом.

Формирование мышления Лео Штрауса невозможно понять вне контекста времени. Живя в Германии в эпоху становления и краха Веймарской республики, он не мог не впитать традиции германской философии и культуры, не мог не стать человеком, жившим в среде, где осуществлялся грандиозный культурный синтез германской и еврейской культуры. Вероятно, этим обстоя-

тельством объяснимо сближение с немецким политическим философом Карлом Шмиттом. Современные исследователи спорят о степени влияния Карла Шмитта на Лео Штрауса, и посредством него – на неоконсерваторов [14. С. 32]. Не вступая в полемику по поводу такого влияния, вместе с тем следует отметить ряд аспектов взаимоотношений Карла Шмитта и Лео Штрауса. Это переписка выдающихся философов, опубликованная Х. Майером, вызванная публикацией К. Шмиттом «Понятие политического». Для раскрытия нашей темы имеет принципиальное значение второе письмо Л. Штрауса от 4 сентября 1932 г., в котором Штраус высказал ряд важных идей, характеризующих его политическую философию. Как известно, К. Шмитт выступал решительным критиком идей Просвещения, в которых, по его мнению, и следует искать причины современного (первая треть XX века) кризиса западного мира, кризиса либерализма.

Для Просвещения, как известно, был характерен исторический оптимизм, основанный на вере в способность человеческого разума создать более совершенный мир, обеспечить права человека, разрешить проблему человеческого счастья. Штраус в своем отношении к Просвещению очень скептичен. В письме к Шмитту он подчеркивает врожденное зло человека, присущее ему от природы. «Последним фундаментом правых является тезис о естественном зле человека; поскольку человек зол от природы, он нуждается в господстве. Но установить господство, т.е. объединить людей в единство можно только против других людей. Всякое объединение людей является необходимым образом соглашением против других людей» [15. С. 151]. По мнению Штрауса, такое объединение людей является «условием государства».

Томпсон резонно считает, что Штраус усилил аргументы К. Шмитта в его критике либерализма, но отнюдь не был его защитником. Штраус считал принципы правых лучшим противоядием возвышению нацизма. Увлечение правыми идеями в тот период времени не было чем-то экстраординарным. Многих западных интеллектуалов вплоть до 1933 г., включая либералов, социалистов и прогрессивных мыслителей, привлекали принципы и практика итальянского фашизма. Очевидно, что Штраус был одним из тех, на кого повлиял Муссолини в начале 1930-х гг. Согласно воспоминаниям друга Хайдеггера Ганса Джонаса, Штраус был сторонником Муссолини тогда, когда тот еще не обратился к антисемитизму [1. Р. 212–213]. В 1920–1930-е гг. Муссолини пользовался огромной популярностью в США. С 1925 по 1928 г. в американских изданиях вышло более сотни статей о Муссолини и только 15 о Сталине. В течение 10 с лишним лет иностранный корреспондент «New York Times» Анна Маккормик О’Хара создала сияющий образ Муссолини, на фоне которого последующее восхваление Сталина в Times выглядит почти критикой [16. С. 24]. В итальянском фашизме привлекали критика либерализма, необходимость сильного корпоративистского государства [16. С. 24].

До начала 1930-х гг. Штраус преподавал в Гамбургском университете, а в 1932 г. он переехал во Францию, затем в Англию. В 1937 г. он перебрался в Нью-Йорк, где преподавал политологию в Школе новых социальных ис-

следований, позже в Чикагском университете. На формирование мировоззрения философа оказало влияние то обстоятельство, что он был живым свидетелем агонии Веймарской демократии, растущего антисемитизма и агрессивности нацистских кругов. Штраус категорично не принимал нацизм и фашизм. Необходимо отметить, что оставшиеся в Германии его родственники не избежали участи большинства еврейского населения. Вероятно, это «странное сочетание ненависти к фашистской диктатуре и увлечение идеями Карла Шмитта и породило его политическую теорию» [3. Р. 94].

Другим, и можно сказать определяющим, фактором формирования его мировоззрения стал сионизм, которым он проникся во время обучения в университете, будучи еще в Германии. В конце 1920-х гг. он сошелся с Владимиром Жаботинским, харизматичным еврейским лидером, выступавшим за создание Израиля. Штраус вскоре принял идеи Жаботинского, полемизировавшего с Теодором Герцелем. Последний стремился создать такое еврейское государство, в котором бы евреи и арабы мирно уживались друг с другом. Любовь к Израилю, сложившаяся в те годы, была пронесена Штраусом через всю жизнь. В конце 1950-х гг. он резко высказывался против тех общественных деятелей в США, кто критически относился к еврейскому государству. Для Штрауса в годы «холодной войны» Израиль являлся своеобразным «аванпостом Запада, окруженным смертельными врагами», образцом консервативного проекта, который питался «героическим аскетизмом и близостью библейской античности» [Там же. Р. 94–95]. Показательно, что ученики философа, многие из которых являлись известными неоконсерваторами и штрауссианцами, слывут непреклонными сторонниками государства Израиль и обычно находятся на праворадикальных позициях [2. Р. 22].

Распространение идей Штрауса произошло в период его пребывания в США, куда он прибыл в конце 1930-х гг. Интеллектуальным пристанищем для философа стал Чикагский университет, в стенах которого сложилась своеобразная штрауссианская традиция, «оплодотворившая» американский неоконсерватизм. Штраус вскоре стал известен. Так, «интеллектуальный шок» вызвало знакомство Ирвинга Кристола, одного из столпов неоконсерватизма, со статьей Штрауса «Преследование и искусство письма», в начале 1950-х гг. [1. Р. 64]. Однако и сам Штраус целенаправленно готовил своих последователей.

Будучи комментатором древних текстов и «великих книг», он учил своих студентов вчитываться в тексты, понимать их. Один из выдающихся студентов как-то сказал о Штраусе: «Он научил меня читать». Наиболее известными учениками философа были Джозеф Кросби, Ральф Лернер из Чикагского университета, Харви Менсфилд из Гарварда, Стэнли Розен из Бостонского университета и др. Они, в свою очередь, обучили многих студентов, некоторые из которых пошли в политику. Весьма показательно, что Харви Менсфилд и Джозеф Кросби были известными политическими философами неоконсервативного направления. Причем первый из них был наставником Фрэнсиса Фукуямы, автора бестселлера «Конец истории», и

Вильяма Кристола, редактора «Weekly Standard». В свою очередь Джозеф Кросби обучал Пола Вулфовица и Абрама Шульски, известных деятелей военного истеблишмента США. Мэнсфилд был известен своей борьбой против левых и либералов [5. Р. 6–8].

В эти годы в США сложилось несколько центров, профессора которых обучали своих студентов изучать штрауссианские тексты. Считается, что такие известные университеты, как Чикагский, Гарвардский и Университет Торонто, являются «школами штрауссианства». Влиятельность этого течения мысли подтверждается существованием многочисленных фондов, среди которых наиболее известны Earhart, Olin, Scaife, Lynde и Harry Bradley [Там же. Р. 11]. Очевидность связи неоконсервативных практиков и профессоров-штрауссианцев, в указанном контексте, не вызывает никаких сомнений, тем более что сам Штраус верил в силу и могущество идей.

Одна из центральных тем, которая роднит Л. Штрауса и неоконсервативов, – это проблема кризиса в современном обществе, прологом к которому он считал нигилизм в Германии, сопровождавшийся установлением нацистской диктатуры. Смысл германского нигилизма философ видел в «его стремлении к разрушению, отрицающему современную цивилизацию», к «моральному протесту» со стороны германских интеллектуалов против общества всеобщего довольства и благополучия [17]. «Вот что я скажу: нигилизм – есть отбрасывание принципов цивилизации как таковой», – писал Штраус [Там же].

Альтернативой нигилизму, по мнению Штрауса, является цивилизация, «сознательное окультуривание людей», разумности. Ее столпами являются «моральные нормы, наука и их единение». По убеждению Штрауса, утверждение нигилизма в Германии произошло по причине того, что она менее культурна, чем другие западные страны. К нигилизму с его отрицанием разумной жизни он отнес и коммунистическую Россию. Носителем идеала современной цивилизации для Штрауса, несомненно, является англосаксонский мир и Франция. «Идеал современной цивилизации имеет англо-французское, а не германское происхождение... Можно говорить о тенденции интеллектуального развития, которая, в, так сказать, разработанном виде, предстала во Французской Революции» [Там же]. Англо-саксонский мир оказался в состоянии сохранить непрерывность этой традиции. Начавшуюся мировую войну он рассматривал в качестве символического действия, в котором сошлись силы нигилизма (Германия) и цивилизации (Великобритания). «Англичане, а не германцы, заслуживают звания имперской нации...» [Там же].

Л. Штраус, безусловно, видел в англосаксонском мире защитника политических идеалов Запада, который был для него вообще синонимом «цивилизации». Такой взгляд, видимо, определялся опытом переживания крушения Веймарской республики, когда, будучи молодым человеком, он столкнулся с крахом демократии, осознавал ее неспособность навязывать обществу собственную парадигму. Он был разочарован неспособностью демократии сопротивляться тираническим режимам [18. С. 65]. Ему было важ-

но связать демократию с необходимостью использовать силу. Этим мотивом объясняется симпатия Штрауса к политической деятельности У. Черчилля. Штраус идеализировал Черчилля с тех пор, как побывал в Кембридже в 1930-х гг., и до конца своих дней он высоко оценивал волевые и лидерские качества этого политика [2. Р. 35].

Весьма показательно сходство в оценке Черчилля идей Штрауса с его последователями. Если заслуга Черчилля для Штрауса состояла в героическом противодействии нацизму, то для штрауссианцев Черчилль стал олицетворением «демократии с кулаками», противостоящей тираническому коммунизму. В этом ряду все лидеры, защищающие западные ценности, даже если они авторитарны, позитивно оцениваются штрауссианцами. Среди них генерал Первез Мушарафф, Шах Ирана Реза Пехлеви и основатель Сингапура, известный реформатор Ли Куан Ю. Анна Нортон справедливо называет этот подход «автократической демократией» [5. Р. 131].

Такая демократия в первую очередь призвана работать в условиях кризиса, но при этом поддержка «автократических демократий» имела очевидную уязвимость, поскольку была чревата скатыванием к диктатуре, которая казалась американским либералам «правильным» противовесом от коммунистических угроз. Здесь показателен пример Филиппин. Как только в стране наметились левые и антиамериканские тенденции, вызванные политикой демократически избранного лидера Корасон Акино в 1980-е гг., неоконсерваторы ответили на это статьей Джин Кирпатрик «Демократия и двойные стандарты», в которой она призвала президента США Дж. Картера поддерживать диктаторские проамериканские силы. Кирпатрик обвинила Картера в «двойных стандартах» за его поддержку левых демократических сил. По существу, для неоконсерваторов и штрауссианцев демократия уже не являлась «Священным Граалем». Скорее их убеждала фраза второй почитаемой неоконсерваторами после Черчилля фигуры американской истории – Авраама Линкольна, который изрек однажды: «Господь критически относится к народам, которые почитают свои конституции».

В годы «холодной войны» Штраус неоднократно обращался к теме американского либерализма. Для него либеральным ценностям была тождественна сама цивилизация с ее духовным ядром, сформировавшимся в эпоху Просвещения, с культом разума. Однако он ясно видел и несовершенство либерализма, его слабости, кризисные проявления. Для философа кризис Запада имел моральную природу, поскольку означал утрату человеком жизненных ориентиров, приводил к неспособности различить добро и зло [1. Р. 72]. Философ был полон скептицизма в отношении либерализма как такового, будучи убежденным, что сам либерализм заключал в себе источник саморазрушения, поскольку коммунизм, фашизм или нигилизм – всего лишь «последние волны», разветвления классического либерализма. Либерализм, коммунизм и современный нигилизм, по мнению Штрауса, имеют глубинное внутреннее родство, типологическое сходство, различия же не имеют существенных оснований, они скорее – различия степени развития.

По его убеждению, Москву и Вашингтон сближало стремление к универсальному, материально-богатому, гомогенному обществу, характеризующемуся свободой, равенством и потреблением. Штраус считал, что «коммунизм был “внебрачным ребенком”, диким, капризным близнецом либерализма Локка. Он полагал, что коммунизм является параллельным проектом западного развития, поскольку оба отстаивали равенство, технологии, материальное благосостояние, стремление к счастью. Главное различие между коммунизмом и либеральным капитализмом Штраус усматривал в том, что они расходились в средствах достижения общей цели. Он высказывал мнение, что либерализм соглашается с коммунизмом по поводу главной цели, но радикально расходится с ним в способах ее достижения...» [1. P. 75–76].

Признавая цель коммунизма и либерализма «морально отвратительной», Штраус, тем не менее, был убежден, что коммунистическая идея «не работает», а «американская либеральная демократия имеет преимущество перед коммунизмом». В схожем русле рассуждал и Ирвинг Кристал, пожалуй, самый авторитетный идеолог неоконсерватизма. По его мнению, «опыт десятилетий, прошедших после Второй мировой войны, показал, что старые левые попросту не могут состязаться с буржуазным либерализмом в этом идеологическом споре» [19]. В то же время Кристал отчетливо наблюдал кризисные процессы в самом западном обществе. Неоконсерваторы полагали, что главной угрозой современному миру не является и никогда не был социализм или коммунизм, фашизм или нацизм. Они настаивали на том, что все эти современные движения являются просто проявлениями более глубокого философского и культурного расстройств, коренившегося в рационализме Просвещения и его результатах: современной науке, либеральном индивидуализме и буржуазном меркантилизме [1. P. 78].

Подобно Штраусу И. Кристал отмечает прогрессирующий моральный упадок, проявляющийся в росте индивидуализма, отказе от традиционных ценностей, религии, морали. «...Сейчас становится ясно, что религия и моральная философия, связанная с религией, намного важнее политически, чем готова признать философия либерального индивидуализма» [19].

Кристал отвергает идею о конечном благе «самореализации» личности, поскольку она грозит подрывом либерального капитализма и свободного общества. Защита моральных устоев видится ему в необходимости усиления религиозных начал. Интеллектуальная ограниченность либертарной традиции капитализма ведет напрямую, по мнению Кристола, к общественному пороку. «Она (либертарная традиция) никогда не смогла поверить, что порок, не сдерживаемый религией, моралью и законом, может привести к варварству. Она никогда по-настоящему не понимала, что саморазрушительный нигилизм был подлинной и постоянной угрозой, против которой любое общество должно защищаться» [19].

Серьезное беспокойство Кристал испытывал от растущего влияния левого либерализма и социализма в 1970-е гг. Не случайно статья Кристола «Капитализм, социализм и нигилизм» вышла в свет в 1978 г., когда в США

достаточно влиятельными были «новые левые». Они для Кристола – «близнецы и братья» левого либерализма. Так же как Штраус он находил глубокое ценностное родство между левыми либералами и социалистами. «Можно даже сказать, что это социалистическая ересь, соответствующая той либеральной ереси, с которой она вступила в борьбу: ереси “свободного общества”, где индивидуумы освобождены от буржуазного этоса, когда-то объединявшего их в буржуазно-либеральном сообществе» [19].

Антиподом и врагом столь несовершенной демократии, по убеждению Штрауса, являются диктатуры и тирании, к анализу которых Л. Штраус применил платоновскую утопию из античности в своей известной книге «О Тирании», в которой сформулировал ряд важных для неоконсерватизма идей. Хотя книга вышла в свет в 1948 г., в ней отразились идеи, высказанные философом еще в 1930-х гг., когда он проживал еще в Германии. «Сегодняшняя тирания в противоположность классической тирании, основывается на неограниченном движении вперед в “покорении природы”, которое стало возможным благодаря современной науке, равно как и на популяризации распространении философских и научных знаний», – отмечал Штраус [20. С. 276]. Безусловно, под тиранией он подразумевал фашистский режим в Германии и коммунистический режим в СССР.

Л. Штраус был убежден в абсолютной бесчеловечности тирании. В споре с французским философом русского происхождения А. Кожевым, доказывавшим, что тирании способны играть исторически прогрессивную роль, Штраус аргументировал: «Хватит ли у Кожева смелости сказать, что все, кто живет внутри железного занавеса, – союзники Сталина, или, что Сталин считает всех граждан советской России и других “народных демократий” своими товарищами?» [20. С. 292–293]. Оспаривая тезис Кожева о справедливом строе, возможном при «однородном государстве», Штраус, размышляя в платоновском духе о государстве мудрецов, заключал, что «...порядок, выступающий в обличье абсолютной власти мудрецов, в действительности будет абсолютной властью людей, лишенных мудрости». В результате размышления он пришел к выводу, что «либеральная, или конституционная, демократия в большей мере согласуется с требованиями древних мыслителей, чем любая из жизнеспособных альтернатив, которые может предложить наше время...» [20. С. 299].

Государство, с помощью которого человек становится в достаточной степени удовлетворен, будет в таком случае государством, где напрочь исчезает основа человечности человека, где человек свою человечность теряет. Это государство «нищевского последнего человека»... Если всеобщее однородное государство есть цель Истории, История абсолютно «трагична» [20. С. 321].

Кроме философских обобщений и платоновских экстраполяций Штраус не дал глубокого политического анализа однородного государства, но при этом верил в возможность свержения и его уничтожения, «пока человеческая природа еще не покорена окончательно, пока солнце и человек дают еще

жизнь человеку, нет причин отчаиваться. Штраус призывает к «нигилистической революции» против однородной тирании. Эти оценки тиранических режимов как режимов бесчеловечных согласуются с неоконсервативным призывом борьбы против современных диктатур и авторитарных режимов. И подобно Лео Штраусу неоконсерваторы выступали активными сторонниками «революционной борьбы» за утверждение демократических режимов.

Философы правят миром?

Основной теоретической посылкой политического идеала Штрауса является его элитизм. На наш взгляд, он наиболее ярко проявляется в его учении о роли философа в жизни государства, его взаимоотношениях с властью. Понимая философию как поиск истины, Штраус противопоставлял ее сложившимся представлениям, прежде всего – религии. По его убеждению, «философия несовместима с Откровением». Будучи абсолютно критичной и свободной, она неизбежно ведет к атеизму, оказывается «радикально атеистичной». «Различия между Платоном и материалистом вроде Демокрита меркнут на фоне различий между Платоном и любым учением, основанным на религиозном опыте» [21. С. 430].

Сам статус философии, как элитарного знания творческого меньшинства, ставит ее над обществом. «Философия не только транссоциальна и трансрелигиозна, но также и трансморальна. Философия утверждает, что, в конечном счете, у человека нет иного выбора, кроме как выбора между философией и отчаянием, замаскированным самообманом...» [21. С. 431]. В этом противопоставлении элитарного меньшинства, познающего истину, и профанного большинства, «ведомого благородной ложью», очевидно, сказывается влияние теории идей Платона, его концепции идеального государства. Такой дуализм в понимании истины Штраус развил в другой фундаментальной работе – «Преследование и искусство письма», центральным пунктом которой является проблема бытия философа в тоталитарном обществе. Очевидно, «искусство письма» в работе Штрауса понимается двояко.

С одной стороны, любой текст, с которым имеет дело исследователь, несет скрытую информацию, что порождает необходимость «прочтения меж строк», использования герменевтического метода, к которому прибегал сам Штраус при изучении «великих книг». Для каждой эпохи характерен свой семантический язык. «Каждый период прошлого должен быть рассмотрен сам по себе – к нему нельзя применять чуждые ему нормы», – писал философ [22. С. 16].

С другой стороны, мыслитель в несвободном или тоталитарном обществе вынужден скрывать свое истинное мнение и умело применять его в качестве идейного оружия. «Мы легко можем представить себе историка, живущего в тоталитарной стране, в целом уважаемого члена единственной существующей партии, который находится вне всяких подозрений. Мы можем также представить, что ряд научных изысканий привел его к сомнениям

в правильности одобряемых государством взглядов. Никто не может помешать историку опубликовать статью, в которой он со всей страстью обрушится, скажем, на либеральные взгляды. Однако прежде чем критиковать и атаковать эти самые взгляды, ему, безусловно, придется их изложить. Это изложение будет выдержано в тихой, невыразительной и даже слегка скучной манере, которая будет казаться неестественной... И только когда речь пойдет о самом важном, о самой сути, тогда только автор сформулирует три-четыре предложения в том лаконичном и живом стиле, который только и способен привлечь внимание юноши, привыкшего мыслить» [22. С. 14–15].

Фактически Штраус указывает на одну из технологий сопротивления тоталитарной власти, когда высказанная косвенным образом, но неудобная правда способна заставить людей сомневаться в сложившихся идеологических устоях изнутри. Однако эзотерический метод «писать между строк» применим и в управлении либеральным обществом. «При этом те, к кому на самом деле адресованы подобные книги, – это и не бездумное большинство, и не настоящие философы как таковые. Это молодые люди, которые, возможно, когда-то станут философами» [22. С. 22].

Штраус полагал, что долг философа не ограничивается исканием истины, а состоит в участии в политической жизни государства, подготовке будущих правителей. Государственные деятели, в представлении Штрауса, олицетворяют собой связь между философией и политикой. Философ Штрауса в первую очередь заинтересован в получении знаний, а затем – в обучении своих студентов [1. Р. 114].

Заключение

Логика Штрауса убедительно доказывала необходимость существования элитарного меньшинства, владеющего истиной и «непосвященного большинства», удостоенного «мудрого неведения». Такое мнение с энтузиазмом было воспринято неоконсерваторами, в частности И. Кристолом, считавшим, что есть многочисленные виды истин, ориентированных на различные группы людей, а единого универсального набора истин для всех не существует [19]. При таком подходе истинность отходит на второй план перед ее политической действенностью, что в принципе означает ее утилитарное использование в зависимости от места и времени. Идея для неоконсерваторов в этом случае становится оружием политической борьбы [1. Р. 33].

Политические идеи штрауссианцев и неоконсерваторов поражают своим дуализмом. С одной стороны, они выступают за необходимость сохранения и защиту демократии, осознают моральную кризисность ее основ, а с другой, не доверяя мнению большинства, верят в мудрость немногих, в право избранных на управление обществом. Эта двусмысленность, видимо, и дает право некоторым американским критикам Штрауса и штрауссианства обвинять его в фашизме. Как известно, благими идеями вымощена дорога в ад.

Подводя итоги рассмотрения проблемы, трудно усомниться в справедливости мнения о весьма существенном влиянии Штрауса на американскую политическую жизнь. Политические идеи Штрауса о сильной демократии, способной противостоять любым формам тирании, оказались удачно вписанными в контекст «холодной войны», определяемый противостоянием США и СССР, либерализма и коммунизма. Востребованность политико-философского наследия Л. Штрауса обусловлена общественным запросом американского общества, осознававшего ограниченность либерализма как такового, несшего на себе «родимые пятна» индивидуализма, меркантилизма, утраты жизненного смысла. Л. Штраус – политический мыслитель эпохи морального кризиса Запада, осознававшего слабости американской демократии на фоне роста левого движения.

Культура уязвимости преследуемого меньшинства была перенесена Штраусом в американскую политическую жизнь из опыта переживания нацистской диктатуры и вместе с реминисценциями платоновской утопии о государстве философов, породила своеобразный элитизм, ставший основой неоконсервативной программы.

Штрауссианцы, как ученики и последователи Штрауса, члены американского академического сообщества, стали своеобразным «передаточным звеном» между Штраусом и неоконсервативными практиками, которые воплощали теоретические схемы авторитетного философа в жизнь.

Библиографический список

- [1] *Thompson C.B.* Neoconservatism: An Obituary for an Idea. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2010. 303 p.
- [2] *Gottfried P.E.* Leo Strauss and the Conservative Movement in America: A Critical Appraisal. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 182 p.
- [3] *Heilbrunn J.* They Knew They Were Right. The Rise of the Neocon. New York: Doubleday, 2008. 320 p.
- [4] *Velasco J.* Neoconservatives in U.S. Foreign Policy under Ronald Reagan and George W. Bush. Voices Behind the Throne. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010. 300 p.
- [5] *Norton A.* Leo Strauss and the Politics of American Empire. New Haven: Yale University press, 2004. 235 p.
- [6] *Freidman M.* Neoconservative Revolution: Jewish Intellectuals and the Shaping of Public Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 303 p.
- [7] *Павлов А.В.* Прагматичные наследники Лео Штрауса // История философии. 2008. Вып. 13. С. 98-109.
- [8] *Мишурич А.Н.* Знание и власть в политической философии Лео Штрауса : дис... канд. полит. наук. М.: Российская академия наук, 2014. 151 с.
- [9] *Матвеев И.А.* По ту сторону «чистой науки» и философского созерцания // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 29-33.
- [10] *Макаревич Э.Ф.* Концепции и разработки для американского глобального лидерства // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 3. С. 45-63. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Makarevich_Global-Leadership-USA/. Дата обращения: 05.09.2019.

- [11] *Порецкова А.А.* Будущее политической теории: дискуссия о легитимации научного знания на примере гуманистической и постструктуралистской традиции // *Political science (RU)*. 2018. № 1. С. 269-282.
- [12] *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX-XXI вв.). М.: Аспект Пресс, 2016. 621 с.
- [13] *Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *ПОЛИТЭКС*. 2016. Т. 12. № 1. С. 5-28.
- [14] *Бенуа А. де.* Карл Шмитт сегодня. М.: ИОИ, 2014. 189 с.
- [15] *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Скимен, 2012. 191 с.
- [16] *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм. История левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012. 509 с.
- [17] *Штраус Л.* Германский нигилизм // *Политико-философский Ежегодник*. 2013. № 6. С. 182-205.
- [18] *Halper S., Clarke J.* *America Alone: The Neo-conservatives and the Global Order*. New York: Cambridge University Press, 2005. 369 p.
- [19] *Кристал И.* К итогам XX века. М.: ИНИОН РАН, 2014. 188с.
- [20] *Штраус Л.* О тирании. СПб.: СПбГУ, 2006. 328 с.
- [21] *Штраус Л.* Разум и откровение // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2018. № 1 (21). С. 413–449.
- [22] *Штраус Л.* Преследование и искусство письма // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11. С. 12-25.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 10.09.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

Research article

Leo Strauss and His Neoconservative Disciples (on the Problem of the Sources and Genesis of Neoconservatism)

K.V. Blokhin

Center of Security Problems of Russian Academy of Science
Garibaldi Str., 21 B, Moscow, Russian Federation, 117335

Abstract. The article discusses the problem of Leo Strauss' influence on the political culture of the United States and analyzes the current historiographic situation pertaining to the problem. The authors demonstrate that both in the USA and in modern Russia the question of the degree and nature of L. Strauss's influence on the neocons remains open. Meanwhile, it is obvious that Strauss had a significant impact on the formation of neoconservative ideology, which is manifested in the similarity of the basic ideas of the philosopher and his disciples. The formation of the philosopher's views took place during the crisis of the Weimar Republic and the Nazis' rise to power in Germany, which postulated Strauss' idea about the need for strong democracy and its ability to defend itself against tyranny. The concept of strong democracy that can withstand totalitarianism and authoritarianism is one of the key ideas of neo-conservatism. The similarity of Strauss' philosophical views to those of the neoconservatives is seen in criticism of the liberal world order and moral

foundations of the West, which gave rise to relativism and nihilism. The conformity of neoconservative worldview, including and its variants, such as straussianism, to the ideas of Strauss is manifested in advocating the interests of Israel, which the founders of neo-conservatism view as an outpost of the Western world.

Keywords: Leo Strauss, Carl Schmitt, Irving Kristol, liberalism, fascism, communism, neoconservatism, straussianism, crisis of liberalism, elitism, democracy, tyranny, moral crisis of the West.

References

- [1] Thompson C.B. *Neoconservatism: An Obituary for an Idea*. Boulder, CO: Paradigm Publishers; 2010. 303 p.
- [2] Gottfried P.E. *Leo Strauss and the Conservative Movement in America: A Critical Appraisal*. Cambridge; New York: Cambridge University Press; 2012. 182 p.
- [3] Heilbrunn J. *They Knew They Were Right. The Rise of the Neocon*. New York: Doubleday; 2008. 320 p.
- [4] Velasco J. *Neoconservatives in U.S. Foreign Policy under Ronald Reagan and George W. Bush. Voices Behind the Throne*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press; 2010. 300 p.
- [5] Norton A. *Leo Strauss and the Politics of American Empire*. New Haven: Yale University Press; 2004. 235 p.
- [6] Freidman M. *Neoconservative Revolution: Jewish Intellectuals and the Shaping of Public Policy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 303 p.
- [7] Pavlov A.V. The Pragmatic Heirs of Leo Strauss. *Istoriya filosofii*. 2008; 13: 98-109 (In Russ.).
- [8] Mishurin A.N. *Knowledge and Power in the Political Philosophy of Leo Strauss*. PhD thesis in political sciences. Moscow: Russian Academy of Sciences; 2014. 151 p. (In Russ.).
- [9] Matveev I.A. On the Other Side of “Pure Science” and Philosophic Contemplation. *Sociological Review*. 2013; 12 (1): 29-33 (In Russ.).
- [10] Makarevich E.F. Concepts and Developments for American Global Leadership. *Information humanitarian portal “Knowledge. Understanding. Skill”*. 2015; 3: 45-63. Available from: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Makarevich_Global-Leadership-USA/. Accessed: 05.09.2019 (In Russ.).
- [11] Poretskova A.A. The Future of Political Theory: Discussion on the Legitimation of Scientific Knowledge on the Example of Humanistic and Poststructuralist Tradition. *Political Science*. 2018; 1: 269-282 (In Russ.).
- [12] Alekseeva T.A. *Modern Political Thought (XX-XXI Centuries)*. Moscow: Aspect Press; 2016. 621 p. (In Russ.).
- [13] Gutorov V.A. On some Aspects of the Formation of Political and Philosophical Discourse in Modern Russia. *POLITEX*. 2016; 12 (1): 5-28 (In Russ.).
- [14] Benoist A. de. *Carl Schmitt Today*. Moscow: IOI; 2014. 189 p. (In Russ.).
- [15] Mayer H. *Carl Schmitt, Leo Strauss and “the Concept of political”*. *About the Dialogue of Absent*. Moscow: Skymen; 2012. 191 p. (In Russ.).
- [16] Goldberg J. *Liberal Fascism. The History of the Left from Mussolini to Obama*. Moscow: Reed Group; 2012. 509 p. (In Russ.).
- [17] Strauss L. German Nihilism. *Political-philosophical yearbook*. 2013; 6: 182-205 (In Russ.).
- [18] Halper S., Clarke J. *America Alone: The Neo-conservatives and the Global Order*. New York: Cambridge University Press; 2005. 369 p.
- [19] Kristol I. *To the Results of the Twentieth Century*. Moscow: INION RAS; 2014. 188 p. (In Russ.).
- [20] Strauss L. *On Tyranny*. SPb.: SPBU; 2006. 328 p. (In Russ.).

- [21] Strauss L. The Mind and the Revelation. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2018; 1 (21): 413-449 (In Russ.).
- [22] Strauss L. Persecution and the Art of Writing. *Sociological Review*. 2012; 11: 12-25 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 10.09.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Блохин Константин Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН (e-mail: Constantinos1@rambler.ru).

Information about the author:

Konstantin V. Blokhin – PhD in History, Leading Research Fellow of The Center of Security Problems of Russian Academy of Science (Russian Federation) (e-mail: Constantinos1@rambler.ru).

Для цитирования:

Блохин К.В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 729–744. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

For citation:

Blokhin K.V. Leo Strauss and His Neoconservative Disciples (on the Problem of the Sources and Genesis of Neoconservatism). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 729–744. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-729-744

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754

Научная статья

Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС

С.О. Бышок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

АНО «Международная организация по наблюдению за выборами “СIS-ЕМО”»
Текстильчиков 8-я улица, д. 11, Москва, Россия, 109129

Аннотация. Концепция столкновения цивилизаций, предложенная в начале 1990-х гг. С. Хантингтоном, будучи спорной, тем не менее, нашла значительное число последователей, в основном в правой части политического спектра в Европе и США. Поскольку такие гуманитарные вопросы, как культура, религия, цивилизация и национальная идентичность, все чаще занимают ключевое место в политических дебатах на Западе, представляется целесообразным исследовать цивилизационный дискурс политических акторов подробнее. В данной статье разбираются мотивы столкновения цивилизаций в риторике трех знаковых правопопулистских партий из стран ЕС – французского «Национального объединения» (Rassemblement National), венгерского «Фидеса» (Fidesz) и нидерландской Партии свободы (Partij voor de Vrijheid). Хантингтон писал о столкновении отдельных государств, представляющих разные цивилизации, правые популисты же сконцентрированы на цивилизационных столкновениях на национальном уровне. Речь идет, прежде всего, с одной стороны, о мигрантах, приезжающих в ЕС из стран ислама, чья культура, как утверждается, принципиально враждебна культуре Запада, и, с другой стороны, о коренных европейцах, носителях «иудео-христианской» цивилизационной идентичности. Последнюю можно описать как «воображенное сообщество», включающее в себя аспекты христианства, Просвещения и гуманистической философии, секуляризм и уважение прав человека.

Ключевые слова: Сэмюэл Хантингтон, столкновение цивилизаций, Национальное объединение, Фидес, Партия свободы, правый популизм, массовая иммиграция, ислам, цивилизационизм, иудео-христианство.

Введение

Значение статьи 1993 г. американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [1] трудно переоценить для понимания тех культурно-политических процессов, которые происходили в Европе, Амери-

© Бышок С.О., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ке и мире с момента окончания «холодной войны» до настоящего времени. Если даже не принимать некоторых или большинства тезисов этой работы, очевидно, что в контексте политической риторики, в основном правого спектра, мотив «столкновения цивилизаций» занимает сегодня одно из ключевых мест. В связи с ростом и «нормализацией» правопопулистских партий и соответствующих идеологий в США и ЕС для политической науки принципиально понимать данный элемент их дискурса.

Результаты исследования

Согласно Хантингтону, полемизирующему с Ф. Фукуямой и его концепцией «конца истории» [2], после завершения Холодной войны и предположительной победы либерально-демократической американской модели социально-политического устройства в глобальном масштабе мировые конфликты не прекратятся, но перейдут на другой уровень – от идеологических к цивилизационным, базирующимся на принципиальных культурно-исторических различиях народов и стран. По Хантингтону, в международных отношениях большую роль станут играть незападные акторы, при этом межцивилизационные конфликты будут происходить чаще внутрицивилизационных, а межгосударственные экономические и политические институты, напротив, будут активнее развиваться в рамках одной цивилизации. Основным очагом конфликтов в ближайшей перспективе станут трения между Западом и рядом стран исламского и конфуцианского ареала.

Критика концепции С. Хантингтона шла по разным направлениям [3], а сам термин «цивилизация» остается спорным и неоднозначным со времен культурно-исторических типов Н. Данилевского или идей культурно-цивилизационного перехода О. Шпенглера. По мнению Е. Примакова, Хантингтон «игнорирует сближение цивилизаций, культур, усиливающееся под влиянием глобализации», ведь «цивилизационные признаки далеко не в последнюю очередь формируются ныне в условиях технико-технологического рывка во взаимосвязанном мире», что «меняет основы быта людей, их жизнедеятельность» [4]. Н. Хомский считает, что теория «столкновения цивилизаций» является инструментом для оправдания западного интервенционизма [5], а для Э. Саида концепция Хантингтона – продолжение традиционного «ориентализирующего» дискурса Запада по отношению к восточному/мусульманскому «Другому» [6].

Прогнозы Хантингтона оправдались в разной степени [3]. Автор писал о государствах со своими цивилизационными особенностями, но оказалось, что инокультурная иммиграция в политическом отношении является не менее значимым цивилизационным актором. Массовая иммиграция в страны Европы привела к соприкосновению и, в ряде случаев, столкновению культур, при этом проблема интеграции вновь прибывших, преимущественно из стран ислама, стала одной из ключевых в политическом дискурсе ЕС. Каковы бы ни были причины этой проблемы, к началу 2010-х гг. европейские ли-

деры в лице президента Франции Н. Саркози, канцлера Германии А. Меркель и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона констатировали провал мультикультурного проекта [7].

Раньше, чем европейские лидеры, о провале политики мультикультурализма и «исламской проблеме» стали говорить европейские националистические, правопопулистские партии [8]. Проблема безопасности, связанная с глобальной и представляющей неконтролируемой миграцией из стран неевропейской культуры, преимущественно Большого Ближнего Востока и черной Африки, интерпретируется в контексте «столкновения цивилизаций». Политические силы националистического спектра отвергают характерные для первой половины XX в. расистские концепции иерархии «крови», выдвигая как альтернативу идею «этноплюрализма». Согласно этой доктрине, «образ жизни и традиции разных народов от природы несовместимы», они должны развиваться отдельно, а мультикультурализм закономерно ведет к «этно-суициду» европейских народов [7; 9].

По убеждению крайне правых, европейская цивилизация основывается на греческой, римской и христианской традициях [9; 17]. Часто правые называют европейскую культуру не христианской, но иудео-христианской, тем самым имплицитно подчеркивая включение «своих» европейских евреев в рамки европейской цивилизации и вынесение за символические границы Запада «чужих» мигрантов из стран исламской культуры [10].

В последние годы для обозначения нового явления в идеологии и риторике правопопулистских партий, связанного с отсылками к теории «столкновения цивилизаций» и призывом к защите общей европейской культуры, стал широко использоваться термин «цивилизационизм» – в противоположность узко-этническому партикуляризму националистов прошлых десятилетий [11].

В рамках данного исследования мы разберем особенности «цивилизационистского» дискурса трех знаковых правопопулистских партий из стран Евросоюза: французского «Национального объединения» (*Rassemblement National*), венгерского «Фидеса» (*Fidesz*) и нидерландской Партии свободы (*Partij voor de Vrijheid*).

«Национальное объединение» (ранее: «Национальный фронт») – одна из старейших правопопулистских партий Европы. По мнению националистов, массовая иммиграция «несет в себе тенденции, разрушающие нашу национальную солидарность», которая «существует до тех пор, пока у общества единые ценности, культурный базис» [8. С. 457].

В партии массовые молитвы мусульман на улицах французских городов сравнивают с периодом нацистской оккупации: «Это оккупация части территории страны, тех районов, в которых начинают действовать религиозные законы... Хотя нет танков, нет солдат, но это все равно оккупация, которая давит на людей» [12].

В ответ на исламистские теракты в Париже и других городах партия призывает к закрытию исламистских организаций и радикальных мечетей,

выдворению иностранцев, проповедующих радикальные идеи, и лишению членов исламистских движений французского гражданства, к запрету проповедей не на французском языке [13]. «Исламизм – это чудовищная тоталитарная идеология, которая объявила войну нашей нации, здравому смыслу и цивилизации», – утверждают националисты [14].

«Национальное объединение» считает, что исламизм представляет угрозу секулярным ценностям Французской республики и уважению к правам женщин, евреев и сексуальных меньшинств. Так, лидер партии М. Ле Пен, обращаясь к евреям, говорит, что ее политическая сила является «лучшим щитом, который защитит вас от единственного настоящего врага – исламского фундаментализма» [15]. Миграционный кризис ставит под угрозу «фундаментальные права женщин» [16]. После исламистского теракта в американском гей-клубе Орlando в 2016 г. лидер «Национального объединения» заявила: «На этот раз люди оказались мишенями за свою гомосексуальность, а мы знаем, как к таким людям относятся в странах, находящихся под исламским игом» [17].

В 2012 г. партия «Фидес» под руководством В. Орбана инициировала принятие новой конституции, в которой подчеркиваются христианские корни венгерского народа [8. С. 204].

«Фидес» считает, что массовая инокультурная иммиграция равнозначна «импорту преступности, терроризма, гомофобии и антисемитизма» в Венгрию и на Запад. При этом «опасность Европе в целом несут не те, кто хочет сюда приехать, но те политические, экономические и интеллектуальные лидеры, которые пытаются трансформировать Европу вопреки воле европейцев» [18]. Либеральные лидеры ЕС желают создать «смешанную, мусульманизированную Европу» [19], способствуют «ползучему общеевропейскому культурному самоотречению» [20], проповедуя мультикультурализм, который «несовместим с нашей европейской христианской культурой» [21].

По мнению партии, существует «прямая логическая связь между терроризмом и перемещением мусульман в Европу», которые даже во втором и третьем поколении склонны образовывать «параллельные сообщества» и, имея паспорта ЕС, отрицать западные ценности [22].

История нидерландской **Партии свободы** Г. Вилдерса началась как протест против перспективы членства Турции в ЕС [8. С. 376]. Вилдерс считает, что турки «не европейцы и никогда ими не будут», «исламским государствам вроде Турции не место в Европе» [23], а президента Р. Эрдогана называет «исламо-фашистом» [24].

Все программные документы партии включают критику миграции и ислама. Так, уже в своем первом манифесте Вилдерс предлагает внести в конституцию Нидерландов параграф о доминировании в стране иудеохристианской и гуманистической традиции/культуры [25]. Там же содержатся пункты о моратории на строительство новых мечетей и исламских школ, прием мигрантов из незападных стран и чтение проповедей на иностранных языках.

«Ислам – это Троянский конь в Европе, – говорит Вилдерс. – Если мы не остановим исламизацию сейчас, Евразия и Недезия станут лишь вопросом времени» [26]. По мнению политика, ислам «призывает становиться террористами, и Коран абсолютно однозначен в этом вопросе» [27]. Эта книга должна быть запрещена, как и «Майн кампф» [28]. «Это в интересах нашей собственной западной цивилизации, но также в интересах самих мусульман, чтобы мы поддерживали их переход из ислама в христианство или любую иную религию или атеизм», – убежден Вилдерс [29]. Лидер Партии свободы проводит параллели между захватом Рима германскими варварами в начале V в. и современной волной мигрантов из стран ислама в Европу [30. С. 121–122].

Винить же в сегодняшнем «экзистенциальном кризисе», по мнению партии, нужно элиты, которые, «с их беспрецедентной любовью к исламу и культурным релятивизмом, продают нашу свободу» и позволяют «тоталитаризму Магометанства» укрепиться на Западе [27].

Заключение

В риторике «Национального объединения», «Фидеса» и Партии свободы явственно присутствуют мотивы «столкновения цивилизаций». Партии говорят об общих иудео-христианских корнях стран Запада и необходимости защищать «нашу европейскую цивилизацию». Защищать Европу следует от цивилизации ислама в лице неинтегрированных и, возможно, потенциально неинтегрируемых мигрантов из мусульманских стран (но не из регионов конфуцианской культуры). «Столкновение цивилизаций», согласно правым популистам, происходит не только и не столько в формате межгосударственных конфликтов, но внутри самих европейских стран, чей демографический состав стремительно меняется вследствие массовой инокультурной миграции.

Сама по себе европейская цивилизация мыслится правыми популистами в широком и, до известной степени, инклюзивном контексте. Европа – это одновременно и христианство, понятое скорее в качестве элемента западной культуры, и идеи философии гуманизма, в реальности исторически скорее противостоявшие господствующей католической церкви, и толерантность, понимаемая в специфическом ключе, и признание этнической и религиозной многосоставности континента, с обязательными ограничениями. В этом смысле Европа – это «воображенное сообщество» [31], трактуемое не столько в национальном, сколько в цивилизационном контексте. Понятая таким образом цивилизация перестает быть изначально проблематичным и противоречивым концептом. Напротив, здесь заканчиваются вековые противоречия между европейскими народами и государствами, между «европейскими» религиями – различными ветвями христианства и иудаизмом, а также между церковью и секулярными идеологиями.

Изменчивому и многообразному «воображенному обществу» Европы в «столкновении цивилизаций» противостоит принципиально нерепформируемый, нетолерантный и несветский эссенциализированный ислам. Эта религия/цивилизация, согласно правым популистам, угрожает благополучию Европы не только физически (терроризм), но и ментально («исламизация»). Противниками Европы в рамках цивилизационного противостояния оказываются не только мигранты, но и открывающие двери для массовой инкультурной миграции «космополитичные элиты» Запада. Будучи оторванными от народных корней, они не считают важным оберегать традиционное наследие Европы, продолжая продвигать на континенте мультикультурный проект. Правые популисты, таким образом, выставляют себя защитниками «простого народа» европейских стран как от угроз мусульманской миграции, так и от «предательства элит».

Библиографический список

- [1] *Huntington S.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72 (3). P. 22-49.
- [2] *Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3-18.
- [3] *Orsi D.*, editor. The 'Clash of Civilizations' 25 Years On: A Multidisciplinary Appraisal [Internet]. Bristol: E-International Relations Publishing, Bristol, 2018. 175 p. Режим доступа: <https://www.e-ir.info/publication/the-clash-of-civilizations-25-years-on-a-multidisciplinary-appraisal/>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [4] *Примаков Е.М.* «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // *Российская газета*. 27.07.2011. Режим доступа: <https://rg.ru/2011/07/27/primakov.html>. Дата обращения: 16.06.2019.
- [5] *Kaufmann E.* The Meaning of Huntington // *Prospect*. 28.02.2009. Дата обращения: 13.07.2019. Режим доступа: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/themeaningsofhuntington>.
- [6] *Said E.W.* The Clash if Ignorance // *The Nation*. 04.10.2001. Режим доступа: <https://www.thenation.com/article/clash-ignorance/>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [7] *Heneghan T.* Sarkozy Joins Allies Burying Multiculturalism // *Reuters*. 11.02.2011. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-france-sarkozy-multiculturalism-idUSTRE71A4UP20110211>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [8] *Бышок С.О.* Новая Европа Владимира Путина. Уроки Запада для России. М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2017. 608 с.
- [9] *Liang C.S.*, editor. Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right. London: Routledge, 2007. 318 p.
- [10] *Nathan E., Topolski A.*, editors. Is there a Judeo-Christian Tradition? A European Perspective. Berlin: de Gruyter, 2016. 287 p.
- [11] *Brubaker R.* Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40 (8). P. 1191-1226.
- [12] *Sims A.* Marine Le Pen Cleared of Inciting Hatred after Comparing Muslim Prayers in the Street to Nazi Occupation // *The Independent*. 15.12.2015. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/marine-le-pen-cleared-of-inciting-hatred-after-comparing-muslim-prayers-in-the-street-to-nazi-a6774126.html>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [13] *Грачев И.* Марин Ле Пен: Франция должна определиться с союзниками и врагами, вернуть границы и выслать исламистов // *Комсомольская правда*. 14.11.2015. Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26458.7/3328539/>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [14] *Dearden L.* Paris Attack: Marine Le Pen Seeks to Exploit Champs Elysees Shooting amid Fears Killing Could Influence Election // *The Independent*. 21.04.2017. Режим доступа:

- <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/paris-terror-attack-isis-marine-le-pen-francois-fillon-election-champs-elysees-shooting-islamism-a7694576.html>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [15] *Taub A.* France's Far Right, Once Known for Anti-Semitism, Courts Jews // *NYT*. 05.04.2017. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/04/05/world/europe/france-jews-marine-le-pen-national-front-anti-semitism.html>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [16] *Vinocur N., Melo S.* Marine Le Pen's Feminist Front // *Politico*. 15.01.2016. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/marine-le-pen-feminist-front-national-gender-equality-migration-cologne/>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [17] *Murdock D.* Marine Le Pen: A Surprising Number of Gay Frenchmen Are with Her // *National Review*. 05.05.2017. Режим доступа: <https://www.nationalreview.com/2017/05/marine-le-pen-gay-support/>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [18] *Zalan E.* Orban: EU Leaders Lack Will to Stop Migrants // *EUobserver*. 29.02.2016. Режим доступа: <https://euobserver.com/migration/132492>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [19] *Lane O.J.J.* Orban: 'Europe Must Regain Sovereignty from The Soros Empire', Build Border Wall to Stop 'Muslimized Europe' // *Breitbart*. 22.07.2017. Режим доступа: <https://www.breitbart.com/europe/2017/07/22/orban-europe-must-regain-sovereignty-soros-empire-build-border-wall-stop-muslimized-europe/>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [20] *Friedman V.* Orbán: Europe Locked in 'Culture War', But 'Cultural Peace' Reigns in Hungary // *Breitbart*. 07.10.2018. Режим доступа: <https://www.breitbart.com/europe/2018/10/07/orban-europe-locked-culture-war-cultural-peace-reigns-hungary/>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [21] *Montgomery J.* Orban: EU Elections 'Will Decide Christian Culture or Multicultural Future for Europe' // *Breitbart*. 08.04.2019. Режим доступа: <https://www.breitbart.com/europe/2019/04/08/orban-eu-elections-clash-between-patriots-globalists/>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [22] *Kaminski M.* "All the Terrorists Are Migrants" // *Politico*. 23.11.2015. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-interview-terrorists-migrants-eu-russia-putin-borders-schengen/>. Дата обращения: 10.07.2019.
- [23] *Deutsch A., Escritt T.* Dutch Far-right Leader Wilders Tells Turks: 'You Will Never Join EU' // *Reuters*. 04.12.2015. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-netherlands-turkey-wilders/dutch-far-right-leader-wilders-tells-turks-you-will-never-join-eu-idUSKBN0TN1UM20151204>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [24] Dutch Anti-Islamist Politician Geert Wilders Calls for Ban on Turkish Cabinet Visits // *DW*. 05.03.2017. Режим доступа: <https://www.dw.com/en/dutch-anti-islamist-politician-geert-wilders-calls-for-ban-on-turkish-cabinet-visits/a-37815448>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [25] Klare wijn // *PVV*. 09.03.2006. Режим доступа: <https://www.pvv.nl/index.php/component/content/article/30-publicaties/706-klare-wijn.html>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [26] *Wilders G.* Mr Wilders's Contribution to the Parliamentary Debate on Islamic Activism // *Geert Wilders Weblog*. 29.09.2007. Режим доступа: <https://www.geertwilders.nl/77-in-the-press/in-the-press/1214-mr-wilderss-contribution-to-the-parliamentary-debate-on-islamic-activism>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [27] *Tomlinson C.* Geert Wilders under Investigation Again for 'Incitement' // *Breitbart*. 03.06.2017. Режим доступа: <https://www.breitbart.com/europe/2017/06/03/geert-wilders-investigation-austrian-speech-2015/>. Дата обращения: 11.07.2019.
- [28] *Waterfield B.* Van Koran Like Mein Kampf, Says Dutch MP // *The Telegraph*. 09.08.2007. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1559877/Ban-Koran-like-Mein-Kampf-says-Dutch-MP.html>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [29] *Wilders G.* Geert Wilders: Muslims, Leave Islam, Opt for Freedom! // *Breitbart*. 07.06.2016. Режим доступа: <http://www.breitbart.com/london/2016/06/07/geert-wilders-muslims-leave-islam-opt-for-freedom/>. Дата обращения: 12.07.2019.
- [30] *Водак Р.* Политика страха. Что значит курс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 404 с.

- [31] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso, 1991. 224 p.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 12.08.2019.

Статья принята к публикации 05.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754

Research article

“Clash of Civilizations” Concept in the EU Right-Wing Populists’ Discourse

S.O. Byshok

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Autonomous non-profit organization “International election monitoring organization CIS-EMO”
Tekstilshchikov 8th Str., 11, Moscow, Russian Federation, 109129

Abstract. The concept of “clash of civilizations”, proposed by S. Huntington in the early 1990s, has been controversial, yet has found a solid following, primarily among the right side of the political spectrum in Europe and the US. Since such humanitarian aspects as culture, religion, civilization and national identity are central to modern political debates in the West, it is essential to delve more deeply into civilizational discourse of political actors. This article examines the idea of “clash of civilizations” in the rhetoric of three key right-wing populist parties of the EU: the French “National Rally” (“Rassemblement National”), the Hungarian “Fidesz” and the Dutch “Party for Freedom” (“Partij voor de Vrijheid”). While Huntington wrote about clashes of nations, representative of different civilizations, the right-wing populist focus on civilization clashes at national levels, primarily between Muslim immigrants coming to the EU, whose beliefs are pictured as intrinsically hostile to western values, and native-born Europeans who supposedly hold “Judeo-Christian” civilizational identity. Judeo-Christian identity can be described as an “imaginary community” comprising some aspects of Christianity, Enlightenment & humanistic philosophy, which implies secularism and respect for human rights.

Keywords: Samuel Huntington, clash of civilizations, National Rally, Fidesz, Party for Freedom, right-wing populism, mass migration, Islam, civilizationism, Judeo-Christianity.

References

- [1] Huntington S. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 1993; 72 (3): 22-49.
[2] Fukuyama F. The End of History? *The National Interest*. 1989; 16: 3-18.
[3] Orsi D. (Ed.). *The ‘Clash of Civilizations’ 25 Years On: A Multidisciplinary Appraisal*. Bristol: E-International Relations Publishing Bristol; 2018. 175 p. Available from: <https://www.e-ir.info/publication/the-clash-of-civilizations-25-years-on-a-multidisciplinary-appraisal/>. Accessed: 12.07.2019.
[4] Primakov E.M. “The Arab Spring” and the Clash of Civilizations Theory. *Rossijskaja gazeta*. 27.07.2011. Available from: <https://rg.ru/2011/07/27/primakov.html>. Accessed: 16.07.2019 (In Russ.).

- [5] Kaufmann E. The Meaning of Huntington. *Prospect*. 28.02.2009. Available from: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/themeaningofofhuntington>. Accessed: 13.07.2019.
- [6] Said E.W. The Clash if Ignorance. *The Nation*. 04.10.2001. Available from: <https://www.thenation.com/article/clash-ignorance/>. Accessed: 12.07.2019.
- [7] Heneghan T. Sarkozy Joins Allies Burying Multiculturalism. *Reuters*. 11.02.2011. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-france-sarkozy-multiculturalism-idUSTRE71A4UP20110211>. Accessed: 12.07.2019.
- [8] Byshok S.O. *The New Europe of Vladimir Putin. The West's Lessons to Russia*. Moscow: Knizhnyj mir; FRIGO “Narodnaja diplomatija”; 2017. 608 p. (In Russ.).
- [9] Liang C.S. (Ed.). *Europe for the Europeans: The Foreign and Security Policy of the Populist Radical Right*. London: Routledge; 2007. 318 p.
- [10] Nathan E., Topolski A. (Ed.). *Is there a Judeo-Christian Tradition? A European Perspective*. Berlin: de Gruyter; 2016. 287 p.
- [11] Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*. 2017; 40 (8): 1191-1226.
- [12] Sims A. Marine Le Pen Cleared of Inciting Hatred after Comparing Muslim Prayers in the Street to Nazi Occupation. *The Independent*. 15.12.2015. Available from: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/marine-le-pen-cleared-of-inciting-hatred-after-comparing-muslim-prayers-in-the-street-to-nazi-a6774126.html>. Accessed: 11.07.2019.
- [13] Grachev I. Marine Le Pen: France Has to Determine Its Allies and Adversaries, Take back Control of the Border and Expel Islamists. *Komsomol'skaja pravda*. 14.11.2015. Available from: <http://www.kp.ru/daily/26458.7/3328539/>. Accessed: 11.07.2019 (In Russ.).
- [14] Dearden L. Paris Attack: Marine Le Pen Seeks to Exploit Champs Elysees Shooting amid Fears Killing Could Influence Election. *The Independent*. 21.04.2017. Available from: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/paris-terror-attack-isis-marine-le-pen-francois-fillon-election-champs-elysees-shooting-islamism-a7694576.html>. Accessed: 12.07.2019.
- [15] Taub A. France's Far Right, Once Known for Anti-Semitism, Courts Jews. *NYT*. 05.04.2017. Available from: <https://www.nytimes.com/2017/04/05/world/europe/france-jews-marine-le-pen-national-front-anti-semitism.html>. Accessed: 12.07.2019.
- [16] Vinocur N., Melo S. Marine Le Pen's Feminist Front. *Politico*. 15.01.2016. Available from: <https://www.politico.eu/article/marine-le-pen-feminist-front-national-gender-equality-migration-cologne/>. Accessed: 12.07.2019.
- [17] Murdock D. Marine Le Pen: A Surprising Number of Gay Frenchmen Are with Her. *National Review*. 05.05.2017. Available from: <https://www.nationalreview.com/2017/05/marine-le-pen-gay-support/>. Accessed: 12.07.2019.
- [18] Zalan E. Orban: EU Leaders Lack Will to Stop Migrants. *EUobserver*. 29.02.2016. Available from: <https://euobserver.com/migration/132492>. Accessed: 11.07.2019.
- [19] Lane O.J.J. Orban: 'Europe Must Regain Sovereignty from The Soros Empire', Build Border Wall to Stop 'Muslimized Europe'. *Breitbart*. 22.07.2017. Available from: <https://www.breitbart.com/europe/2017/07/22/orban-europe-must-regain-sovereignty-soros-empire-build-border-wall-stop-muslimized-europe/>. Accessed: 11.07.2019.
- [20] Friedman V. Orbán: Europe Locked in 'Culture War', but 'Cultural Peace' Reigns in Hungary. *Breitbart*. 07.10.2018. Available from: <https://www.breitbart.com/europe/2018/10/07/orban-europe-locked-culture-war-cultural-peace-reigns-hungary/>. Accessed: 11.07.2019.
- [21] Montgomery J. Orban: EU Elections 'Will Decide Christian Culture or Multicultural Future for Europe'. *Breitbart*. 08.04.2019. Available from: <https://www.breitbart.com/europe/2019/04/08/orban-eu-elections-clash-between-patriots-globalists/>. Accessed: 11.07.2019.
- [22] Kaminski M. "All the Terrorists are Migrants". *Politico*. 23.11.2015. Available from: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-interview-terrorists-migrants-eu-russia-putin-borders-schengen/>. Accessed: 10.07.2019.
- [23] Deutsch A., Escritt T. Dutch Far-right Leader Wilders Tells Turks: 'You Will Never Join EU'. *Reuters*. 04.12.2015. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-netherlands-eu>

turkey-wilders/dutch-far-right-leader-wilders-tells-turks-you-will-never-join-eu-idUSKBN0TN1UM20151204. Accessed: 11.07.2019.

- [24] Dutch anti-Islamist Politician Geert Wilders Calls for Ban on Turkish Cabinet Visits. *DW*. 05.03.2017. Available from: <https://www.dw.com/en/dutch-anti-islamist-politician-geert-wilders-calls-for-ban-on-turkish-cabinet-visits/a-37815448>. Accessed: 11.07.2019.
- [25] Klare wijn. *PVV*. 09.03.2006. Available from: <https://www.pvv.nl/index.php/component/content/article/30-publicaties/706-klare-wijn.html>. Accessed: 11.07.2019 (In Dutch).
- [26] Wilders G. Mr. Wilders's Contribution to the Parliamentary Debate on Islamic Activism. *Geert Wilders Weblog*. 29.09.2007. Available from: <https://www.geertwilders.nl/77-in-the-press/in-the-press/1214-mr-wilderss-contribution-to-the-parliamentary-debate-on-islamic-activism>. Accessed: 11.07.2019.
- [27] Tomlinson C. Geert Wilders Under Investigation Again for ‘Incitement’. *Breitbart*. 03.06.2017. Available from: <https://www.breitbart.com/europe/2017/06/03/geert-wilders-investigation-austrian-speech-2015/>. Accessed: 11.07.2019.
- [28] Waterfield B. Ban Koran Like Mein Kampf, Says Dutch MP. *The Telegraph*. 09.08.2007. Available from: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1559877/Ban-Koran-like-Mein-Kampf-says-Dutch-MP.html>. Accessed: 12.07.2019.
- [29] Wilders G. Geert Wilders: Muslims, Leave Islam, Opt for Freedom! *Breitbart*. 07.06.2016. Available from: <http://www.breitbart.com/london/2016/06/07/geert-wilders-muslims-leave-islam-opt-for-freedom/>. Accessed: 12.07.2019.
- [30] Wodak R. *The Politics of Fear: What Right-wing Populist Discourses Mean*. Los Angeles: Sage; 2015. 238 p.
- [31] Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York: Verso; 1991. 224 p.

Article history:

The article was submitted on 12.08.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Бышок Станислав Олегович – соискатель ученой степени кандидата политических наук в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международная организация по наблюдению за выборами “CIS-ЕМО”» (ORCID ID: 0000-0002-2441-4975) (e-mail: sbyshok@gmail.com).

Information about the author:

Stanislav O. Byshok – PhD candidate in Political Science, Lomonosov Moscow State University, CEO at the Autonomous non-profit organization “International election monitoring organization CIS-EMO” (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2441-4975) (e-mail: sbyshok@gmail.com).

Для цитирования:

Бышок С.О. Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754

For citation:

Byshok S.O. “Clash of Civilizations” Concept in the EU Right-Wing Populists’ Discourse. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764

Научная статья

Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке

Д.Ю. Мещеряков

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, Россия, 119454

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к определению популизма в современной англосаксонской и немецкой политической науке. Данное исследование располагается в парадигме институционализма; используются метод сравнительного анализа и элементы дискурсивного метода. Отмечается схожесть двух школ: наблюдается рост внимания научного сообщества в США, Великобритании и ФРГ к правому популизму ввиду электорального успеха правопопулистских партий; в качестве ключевых характеристик популизма рассматривается апелляция к «воле народа», а также противопоставление «народа» и «коррупцированной элиты». Подчеркивается взаимовлияние двух исследовательских традиций на современном этапе. Определены и различия: исторически разные трактовки понятия «популизм» – в США данное понятие носило нейтральный характер, в то время как в немецком политологическом сообществе ввиду национал-социалистического наследия страны оно долгое время оказывалось преимущественно негативным. Также заметен более прикладной характер работ немецких исследователей о популизме, в которых предлагаются стратегии борьбы с распространением данного явления.

Ключевые слова: популизм, правый популизм, англосаксонская политическая наука, германская политическая наука.

Введение

В государствах «старой Европы» и в новых странах – членах ЕС все больший политический вес набирают популистские партии. Рост политического влияния популистов особенно заметен в последнее десятилетие – популистские политические силы все чаще добиваются электорального успеха. Практически во всех государствах ЕС данные партии представлены в национальных парламентах¹, а в ряде стран они даже являются пра-

© Мещеряков Д.Ю., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ На 01.07.2019 г. политические силы, которые можно отнести к популистским, присутствуют в парламентах всех стран ЕС, за исключением Ирландии, Мальты, Португалии и Румынии.

вящими². Электоральный успех популистов все больше сравнивают с «популистской волной» [1. С. 77], которая охватила Европу. Победа на президентских выборах в США Д. Трампа позволяет говорить о том, что «популистская волна» наблюдается и в Северной Америке.

Перечисленные тенденции вызывают повышенный интерес политологов в США, Великобритании и странах континентальной Европы. При этом ввиду разных исторических условий формирования англосаксонской и континентально-европейской политической науки существует разнообразие подходов к определению популизма. Для лучшего понимания данного феномена следует рассмотреть общее и особенное в подходах, выработанных в рамках англосаксонской политологии и германской, которая является ярким примером континентальной научной традиции.

Популизм в англосаксонской политической науке

Термин «популизм» зародился в США и некоторое время ассоциировался с определенной политической силой («Популистской партией», действовавшей в конце XIX в.), не связанной с экстремизмом. В связи с этим понятие не несло негативной окраски, а само явление рассматривалось в рамках исторического анализа. Однако в послевоенной американской политической науке определенное распространение получила негативная интерпретация популизма. К примеру, в середине 1950-х гг. С.М. Липсет высказывал идею о том, что популизм, «базируясь на ксенофобии и изоляционизме, является угрозой политической жизни в США и иррационален по своей сути, противостоит рациональности, присущей либеральным политическим ценностям» [2].

В англосаксонской политологии важным этапом развития исследований популизма стала конференция, организованная в 1967 г. Лондонской школой экономики. По итогам мероприятия был выпущен сборник под редакцией Г. Ионеску и Э. Геллнера «Популизм: его значения и национальные особенности», авторы которого, подчеркивая, что в центре понятия популизма находится «культ Народа», тем не менее, не стали предлагать единственно верное на их взгляд определение, оставив это понятие многозначным [3]. Видный политический философ И. Берлин в 1968 г. предложил различать понятия «истинный» и «ложный» популизм. Согласно его мнению, последний является «популизмом без народа» и редуцирован до техник мобилизации определенных групп для реализации недемократических целей, что позволяет использовать в отношении него синоним «демагогия» [4. Р. 176–177]. Известный исследователь популизма М. Канован определяла его как «апеллирование к народу» против структуры власти истеблишмента, доминирующих идей и ценностей общества [5. Р. 3].

² К таким странам относятся, в частности, Венгрия и Польша.

В современной англосаксонской политологии, по мнению исследователей из Гарварда Н. Гидрона и Б. Бониковски, выделяются три наиболее влиятельные версии определения понятия «популизм»: как идеологии, как стиля дискурса и как политической стратегии [6. Р. 5–17].

Видный представитель первого направления К. Магд определяет популизм как «узкую» идеологию, в рамках которой общество рассматривается как разделенное на две однородные и противостоящие друг другу группы – «народ» и «коррупцированные элиты», а политика видится выражением «общей воли народа» [7. Р. 543]. «Узость» идеологии популизма при этом заключается в том, что она, в отличие от «широких», «полноценных» идеологий (к примеру, либерализма или консерватизма), не предлагает цельной, непротиворечивой и всеобъемлющей картины мира; сам популизм при этом способен комбинироваться с «широкими» идеологиями [7. Р. 544].

Во втором направлении популизм определяется как «дискурс, направленный против элиты от имени суверенного народа» [8. Р. 96]. Представитель данного направления К. Хокинс приводит свое определение популизма: «манихейский дискурс, который представляет собой бинарное моральное измерение для политических конфликтов» [9].

Согласно мнению одного из представителей третьего направления, К. Уэйланда, популизм следует понимать как «политическую стратегию, в рамках которой авторитарный лидер... осуществляет свою власть, которая основывается на прямой и неинституционализированной поддержке большого количества сторонников, по большей части не организованных в конкретные группы» [10. Р. 14]. Другие представители данного подхода – К. Робертс и С. Левицки – предлагают свое определение: «Популизм – стратегия политической мобилизации сверху массового электората авторитарными лидерами, которые противостоят политическому или экономическому истеблишменту от имени “народа”, определяемого в расплывчатых категориях» [11. Р. 6–7].

Особый интерес к тематике популизма в современной англосаксонской политической науке связан с успехом референдума о «Брекзите» и победой на президентских выборах Д. Трампа [12. Р. 260–261]. При этом в США особенно заметен правый популизм, а левый не играет столь значимой роли [13. С. 56.]. Данный факт объясняет интерес англосаксонского научного сообщества именно к изучению правых популистов. В основном исследования англо-американских ученых сосредоточены не только на выработке определений популизма и правого популизма, но и на поиске факторов и причин, влияющих на электоральный успех подобных политических сил. Среди них особенно выделяют недовольство глобализацией [14], миграцию [15], экономические изменения, политический элитизм, коррупцию [16], «культурную ответную реакцию» консерваторов [17].

Анализ популизма в германской политической науке

В современной германской политологии исследования популизма долгое время в наибольшей степени оставались под влиянием национал-социалистического прошлого страны. Как отмечает ряд немецких исследователей, в частности профессор Берлинского университета Г. Мюнклер, национал-социализм содержал и популистские элементы [18. S. 51]. «Народная общность», которую провозглашали нацисты, заключала в себе характерные черты популистского проекта, что привлекало широкие народные массы [18. S. 52.]. В связи с историческим наследием, как отмечает Ф. Декер, в Германии термин «популизм» носит скорее негативный характер [19. S. 22–23].

Стоит отметить, что в современной германской политологии также не существует единственного и всеобъемлющего определения популизма. Согласно мнению Д. Нолена, популизм – «понятие, имеющее большое количество значений и крайне разные оценки» [20. S. 735].

В 1970-1990-е гг. немецкие исследователи сделали весьма важный шаг в развитии теории популизма. В частности, К. фон Байме [21. С. 10] и У. Бакесу удалось провести границу между понятиями популизма и экстремизма, преодолев сохраняющуюся на тот момент тенденцию к приравниванию популистских партий к неофашистским. После 1945 г., по мнению К. фон Байме, произошло три фазы развития партий на правом и крайне правом политическом фланге [22. Р. 8]. В рамках первой волны появились маргинальные неофашистские организации, во время второй – на данном фланге доминировали так называемые «прогрессивные» партии, а в рамках третьей оформились современные популистские партии, не имеющие отношения к экстремистским организациям [22. Р. 2–17]. К. фон Байме определил, что между современным популизмом и правым экстремизмом все более отчетливо прослеживаются различия: одними из основных признаков правых экстремистов являются антиамериканизм и антисемитизм; правые экстремисты отвергают представительную демократию, в то время как популисты негативно относятся лишь к некоторым «демократическим методам» [23. С. 105].

В похожем ключе проблему рассматривал У. Бакес, который в рамках своей теории провел четкую границу между популизмом и экстремизмом [24. S. 3–14]. Рассматривая правопопулистские партии, он предложил для большей методологической точности по отношению к ним использовать термин «национал-популистские протестные партии» [25. S. 7–17].

С 2013 г. в контексте появления партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) и ее успеха на парламентских выборах в 2017 г. в ФРГ возрастает интерес к изучению популизма, преимущественно правого. В немецком научном сообществе в связи с этим заметна тенденция к скорее негативной трактовке понятия. В рамках дискуссии о влиянии популизма на демократию нынешние исследователи немецкой школы также скорее склоняются к при-

знанию его негативной роли. Примечательна метафора В. Патцельта, который образно охарактеризовал популизм как «уродливого брата прекрасной девушки по имени Демократия» [26. С. 16]. Немецкий исследователь популизма К. Грабов также признает, что понятие «популизм» стало во многом внешней характеристикой политиков, используемой в политической борьбе и имеющей при этом негативную коннотацию [27. С. 60]. Политолог определяет популизм как политическое течение, претендующее на исключительное положение в плане знания и представления интересов народа, несущее в себе также элементы мобилизационной стратегии и «политического предпринимательства» [27. С. 64].

Еще один представитель немецкой школы Я.-В. Мюллер формулирует следующее определение популизма: «...особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам» [28. С. 24]. Исследователь убежден, что данное явление – не корректив к либеральной демократии [28. С. 80–81].

Политологи Х. Функе и Л. Ренсманн считают, что современный правый популизм можно характеризовать как умеренную форму правого экстремизма (*Rechtsextremismus light*) [29. С. 77]. Исследователи определяют популизм с помощью следующих основных признаков: использование этноцентристских, антисемитских или националистических элементов; «снятие табу» и отказ от языка и форм общения либеральной демократии; антиэлитарная стилизация против «господствующего политического класса» и призывы к созданию «гражданской демократии» [29. С. 76].

Несмотря на преимущественно негативные оценки явления с точки зрения демократии, немецкие исследователи в целом признают объективную природу электорального успеха популистских партий, выделяя в качестве его причин кризис представительной демократии [30], увеличение количества мигрантов и рост безработицы [31].

В связи с ростом влияния популистских партий усилия многих представителей немецкого политологического сообщества в настоящий момент направлены на прикладные исследования по противостоянию данному явлению. Предлагаются следующие стратегии по борьбе с популизмом: оперативная реакция на нужды людей и коммуникация с гражданами [26. С. 21–22], активная критика популистов как угрозы демократии [28. С. 81], приверженность демократическим ценностям, эффективный политический менеджмент [27. С. 65].

Заключение. Общее и особенное в определениях популизма

Рассматривая определения, предлагаемые представителями обеих научных школ, следует отметить ряд сходств. В качестве характеристики попу-

лизма как в англосаксонской, так и в германской политологии выделяется апелляция к «народу» и его «воле», а также противопоставление собственно «народа» и «коррупцированной элиты». Как в англосаксонской политологии, так и в германской заметно вырос интерес к изучению популизма, преимущественно правого. Фокус исследований в данном случае направлен на выявление причин, порождающих электоральный успех правых популистов, причем ученые в США, Великобритании и ФРГ в схожем ключе делают акцент на определенных факторах: кризисе традиционной демократической и партийной системы, глобализации, миграции и культуре.

Из различий следует упомянуть исторически разные трактовки понятия «популизм»: в США оно носило скорее нейтральный характер (при негативном отношении к нему некоторых классиков американской политологии), тогда как в немецком политологическом сообществе ввиду исторического наследия страны понятие являлось преимущественно негативным. В немецкой политологии в несколько большей мере, чем в англосаксонской, в настоящий момент появляются прикладные работы, предлагающие стратегии борьбы с распространением популизма. Данную тенденцию можно объяснить опасениями того, что победа популистов на парламентских выборах в ФРГ в теории позволит им установить контроль не только над законодательной, но и над исполнительной властью, в то время как американская система сдержек и противовесов предотвращает подобное развитие событий.

В целом стоит отметить взаимовлияние двух политологических школ – определения, теории и классификации популизма, предложенные такими учеными как, например, М. Канован, К. Мадд, К. фон Байме и В. Патцельт, активно применяются в США, Великобритании, ФРГ и других странах.

Библиографический список

- [1] *Вайнштейн Г.И.* Современный популизм как объект политологического анализа // *Политическое исследование*. 2017. № 4. С. 69–89.
- [2] *Lipset S.M.* The Sources of the Radical Right // *The New American Right*. New York: Criterion Books, 1955. P. 166–233.
- [3] *Deiwiks C.* Populism [Internet]. Zurich: ETH Zurich and University of Zurich, 2009. Доступ по ссылке: https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Deiwiks.PDF. Дата обращения: 11.06.2019.
- [4] *Berlin I.* To Define Populism // *Government and Opposition*. 1968. № 3. P. 137–180.
- [5] *Canovan M.* Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // *Political Studies*. 1999. № 47 (1). P. 2–16.
- [6] *Gidron N., Bonikovski B.* Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda. Cambridge: Harvard University. Working Paper Series, 2013. 39 p.
- [7] *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. № 39 (4). P. 542–563.
- [8] *Aslandis P.* Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective // *Political Studies*. 2016. Vol. 64. P. 88–104.
- [9] *Hawkins K.* Venezuela's Chavismo and Populism in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 290 p.

- [10] *Weyland K.* Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics // *Comparative Politics*. 2001. № 34 (1). P. 1–22.
- [11] *Levitsky S., Roberts K.* The Resurgence of the Latin American Left. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2011. 496 p.
- [12] *Tormey S.* Populism: Democracy's Pharmakon? // *Policy Studies*. 2018. № 39 (3). P. 260–273.
- [13] *Фишман Л.Г.* Популизм – это надолго // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 3. С. 55–70.
- [14] *Gusterson H.* From Brexit to Trump: Anthropology and the Rise of Nationalist Populism // *American Ethnologist*. 2017. Vol. 44. № 2. P. 209–214.
- [15] *Wilkie R., Guppy N., Farris L.* Right-Wing Parties and Anti-foreigner Sentiment in Europe // *American Sociological Review*. 2007. Vol. 72. № 5. P. 831–840.
- [16] *Ivarsflaten E.* What Unites Right-Wing Populists in Western Europe? Re-Examining Grievance Mobilization Models in Seven Successful Cases // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. № 1. P. 3–23.
- [17] *Norris P., Inglehart R.* Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 300 p.
- [18] *Münkler H.* Populismus in Deutschland. Eine Geschichte seiner Mentalitäten, Mythen und Symbole. London: Counterpoint, 2012. 89 s.
- [19] *Decker F.* Parteien unter Druck. Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien. Opladen: Leske + Budrich, 2000. 384 s.
- [20] *Nohlen D.* Populismus // *Nohlen D., Schultze R.-O., Hrsg. Lexikon der Politikwissenschaft. Band 2.* München: Beck, 2007.
- [21] *Деркач М.А.* История популистских партий в Швеции и Финляндии в 2006-2015 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 266 с.
- [22] *Von Beyme K.* Right-Wing Extremism in Post-War Europe // *West European Politics*. 1988. № 2. P. 1–18.
- [23] *Фон Байме К.* Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика*. 2014. № 4. С. 101–109.
- [24] *Backes U.* Extremismus und Populismus von rechts. Ein Vergleich auf europäischer Ebene // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1990. В. 46–47. S. 3–14.
- [25] *Backes U.* Nationalpopulistische Protestparteien in Europa. Vergleichende Betrachtungen zur phänomenologischen und demokratietheoretischen Einordnung // *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 1991. В. 1. S. 7–17.
- [26] *Патцельт В.Й.* Популизм – и что с ним делать // *Кроуфорд К., Макаренко Б.И., Петров Н.В (отв. ред.). Популизм как общий вызов.* М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 16–27.
- [27] *Грабов К.* Правый и национальный популизм в Западной Европе // *Кроуфорд К., Макаренко Б.И., Петров Н.В (отв. ред.). Популизм как общий вызов.* М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 58–67.
- [28] *Мюллер Я.-В.* Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.
- [29] *Функе Х., Ренсманн Л.* Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений // *Актуальные проблемы Европы*. 2004. № 2. С. 74–98.
- [30] *Diehl P.* Die Krise der repräsentativen Demokratie verstehen. Ein Beitrag der politischen Theorie // *Z. Politikwissenschaft*. 2016. № 26. S. 327–333.
- [31] *Arzheimer K.* Contextual Factors and the Extreme Right Vote in Western Europe 1980–2002 // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. № 2. P. 259–275.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.07.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

The Concept of Populism in Modern Anglo-Saxon and German Political Science

D.Y. Meshcheryakov

Moscow State Institute of International Relations (University)
Under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 Vernadsky Avenue, Moscow, Russian Federation, 119454

Abstract. The article examines and compares main approaches to defining populism in modern Anglo-Saxon and German political science. The author points out some similarities between two schools: increasing interest of research communities in the USA, United Kingdom and Germany in examining right-wing populism due to the electoral success of right-wing populist parties. Furthermore, among the key features of populism, both schools see the allusion to “the will of the people”, as well as juxtaposition of “the people” against “the elite”. The article emphasizes the existing reciprocal influence of the two research traditions. On the other hand, the author outlines certain differences in the two schools’ approach to populism, such as historical dissimilarities in its interpretation (in the USA the concept used to bear a more “neutral” character, while in German political science, due to the Nazi regime carryover, it was regarded mostly negatively for a long time). Also, German academic works on populism have applied rather than theoretical nature and aim at stopping the expansion of the phenomenon.

Keywords: populism, right-wing populism, Anglo-Saxon political science, German political science.

References

- [1] Vainshtein G.I. Modern Populism as an Object of Political Analysis. *Polis. Political studies*. 2017; 4: 69–89 (In Russ.).
- [2] Lipset S.M. The Sources of the Radical Right. *The New American Right*. New York: Criterion Books, 1955. P. 166-233.
- [3] Deiwiks C. *Populism*. Zurich: ETH Zurich and University of Zurich; 2009. Available from: https://www.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Deiwiks.PDF. Accessed: 11.06.2019.
- [4] Berlin I. To Define Populism. *Government and Opposition*. 1968; 3: 137–180.
- [5] Canovan M. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. *Political Studies*. 1999; 47 (1): 2–16.
- [6] Gidron N., Bonikovski B. *Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda*. Cambridge: Harvard University. Working Paper Series; 2013. 39 p.
- [7] Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004; 39 (4): 542–563.
- [8] Aslandis P. Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective. *Political Studies*. 2016; 64: 88–104.
- [9] Hawkins K. *Venezuela’s Chavismo and Populism in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. 290 p.
- [10] Weyland K. Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*. 2001; 34 (1): 1–22.
- [11] Levitsky S., Roberts K. *The Resurgence of the Latin American Left*. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 2011. 496 p.

- [12] Tormey S. Populism: Democracy's Pharmakon? *Policy Studies*. 2018; 39 (3): 260–273.
- [13] Fishman L.G. Populism is for Long. *Polis. Political Studies*. 2017; 3: 55–70 (In Russ.).
- [14] Gusterson H. From Brexit to Trump: Anthropology and the Rise of Nationalist Populism. *American Ethnologist*. 2017; 44 (2): 209–214.
- [15] Wilkies R., Guppy N., Farris L. Right-Wing Parties and Anti-foreigner Sentiment in Europe. *American Sociological Review*. 2007; 72 (5): 831–840.
- [16] Ivarsflaten E. What Unites Right-Wing Populists in Western Europe? Re-Examining Grievance Mobilization Models in Seven Successful Cases. *Comparative Political Studies*. 2008; 41 (1): 3–23.
- [17] Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. 300 p.
- [18] Münkler H. *Populismus in Deutschland. Eine Geschichte seiner Mentalitäten, Mythen und Symbole*. London: Counterpoint; 2012. 89 s. (In Ger.).
- [19] Decker F. *Parteien unter Druck. Der neue Rechtspopulismus in den westlichen Demokratien*. Oplanden: Leske + Budrich; 2000. 384 s. (In Ger.).
- [20] Nohlen D. Populismus. Nohlen D., Schultze R.-O., Hrsg. *Lexikon der Politikwissenschaft. Band 2*. München: Beck, 2007 (In Ger.).
- [21] Derkach M.A. *The History of Populist Parties in Sweden and Finland in 2006-2015* [dissertation]. Moscow; 2017. 266 p. (In Russ.).
- [22] Von Beyme K. Right-Wing Extremism in Post-War Europe. *West European Politics*. 1988; 2: 1–18.
- [23] Von Beyme K. Populism and Right-wing Extremism in Postmodern Party Systems. *Bereginya. 777. Sova: Society. Policy. Economy*. 2014; 4: 101–109 (In Russ.).
- [24] Backes U. Extremismus und Populismus von rechts. Ein Vergleich auf europäischer Ebene. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1990; 46–47: 3–14 (In Ger.).
- [25] Backes U. Nationalpopulistische Protestparteien in Europa. Vergleichende Betrachtungen zur phänomenologischen und demokratietheoretischen Einordnung. *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 1991; 1: 7–17 (In Ger.).
- [26] Patzelt W.J. Populism and how to Handle It. *Populism as a Common Challenge*. Ed. by K. Crawford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov. Moscow: Political encyclopedia; 2018: 16–27 (In Russ.).
- [27] Grabow K. Right and National Populism in Western Europe. *Populism as a Common Challenge*. Ed. by Crawford K., Makarenko B.I., Petrov N.V. Moscow: Political encyclopedia; 2018: 58–67 (In Russ.).
- [28] Müller J.-W. *What is Populism?* Moscow: HSE Publishing House; 2018. 144 p. (In Russ.).
- [29] Funke H., Rensmann L. New Right-wing Populism in Europe: A Comparative Analysis of Political Parties and Movements. *Actual Problems of Europe*. 2004; 2: 74–98 (In Russ.).
- [30] Diehl P. Die Krise der repräsentativen Demokratie verstehen. Ein Beitrag der politischen Theorie. *Z. Politikwissenschaft*. 2016; 26: 327–333 (In Ger.).
- [31] Arzheimer K. Contextual Factors and the Extreme Right Vote in Western Europe 1980–2002. *American Journal of Political Science*. 2009; 53 (2): 259–275.

Article history:

The article was submitted on 15.07.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Мещеряков Дмитрий Юрьевич – соискатель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0001-9745-4962) (e-mail: dmesh91@gmail.com).

Information about the author:

Dmitry Y. Meshcheryakov – PhD Student at the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-9745-4962) (e-mail: dmesh91@gmail.com).

Для цитирования:

Мещеряков Д.Ю. Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 755–764. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764

For citation:

Meshcheryakov D.Y. The Concept of Populism in Modern Anglo-Saxon and German Political Science. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 755–764. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764



DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-765-776

Научная статья

Методологические подходы к изучению личности политика-популиста

М.М. Айбазова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991

Аннотация. В статье рассматриваются основные методологические подходы изучения личности политика популистского типа. Проведено краткое обсуждение отечественного и зарубежного опыта использования методологий и методов составления личностных психологических портретов политических деятелей. Особое значение в процессе изучения личности политика играет выбор теоретико-методологического инструментария, методов исследования и понятийного аппарата. Для построения психологически и этически корректного портрета рефлексивному анализу подвергаются не только доминантные личностные и поведенческие особенности политика, но и менее выраженные его характеристики.

Ключевые слова: методология, личность, портретирование, психобиография, контент-анализ.

Введение

В многочисленных авторских трактовках феномена популизма, как правило, отмечается, что он характеризуется харизматическим стилем руководства, манихейской риторикой и предложением простых решений сложных социально-экономических проблем [1]. Как пишет Ч. Дэйвикс, до 2-й Мировой войны западные политики открыто причисляли себя к числу популистов, однако с течением времени понятие приобрело негативный оттенок и его стали применять по отношению к политическим противникам в качестве критики их деятельности [2].

В связи с особенностями современных политических процессов, требующих поддержания определенного уровня популярности у электората, каждый политик вынужден быть в той или иной мере популистом [3]. Понимание популизма как некоего политического стиля и инструментария позволяет изменить систему оценивания политических партий и лидеров. Если при иных подходах предполагается категоричное толкование «популистский» или «не популист-

© Айбазова М.М., 2019.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ский», то в данном случае подразумевается поиск ответа на вопрос, «насколько популистичен» тот или иной политический деятель. При этом степень «популистичности» варьируется в зависимости от обстоятельств и контекста [4]. Исходя из этого, в целом изучение политиков так называемого популистского типа проходит в рамках тех же методологических подходов, что и исследования деятелей, не причисленных к популистам.

История любого государства тесно переплетена с историей его правителей. Личности политических лидеров неустанно привлекают внимание политологов, психологов, философов, историков и писателей [5]. В то время как одни исследователи приуменьшают значение роли отдельного человека, а другие, напротив, преувеличивают, неоспоримым является тот факт, что личность политика в той или иной степени оказывает влияние на политические процессы всех уровней. При этом, как считает профессор Н.М. Ракирянский, сама личность политика является важным «инструментом» для осуществления его планов, идей и замыслов. Результаты деятельности субъекта политики напрямую зависят от соответствия базовых личностных качеств политического деятеля масштабу его властных амбиций [6].

Результаты исследования

Как пишет Д. Винтер, президент США в период с 1913 по 1921 г. В. Вильсон, имея блестящие лидерские качества, тем не менее, нередко упускал возможность одержать политическую победу из-за своей неспособности идти на компромиссы. В свою очередь Д. Пост заметил, что А. Садат, руководствуясь «комплексом лауреата Нобелевской премии», совершил, по мнению многих, немислимое – посетил Иерусалим и заключил мир с Израилем [7].

По мнению Ф. Гринстайна, исследования индивидуальных качеств лидеров не только имеют научную ценность для узкого круга специалистов, но и служат для более глубокого понимания политических процессов [8]. Он подчеркивал, что личностный фактор наиболее отчетливо проявляется при возникновении новых политических обстоятельств, а также в сложных, противоречивых и кризисных ситуациях [9].

Со стороны общественности лидеры зачастую подвергаются примитивной оценочности, стереотипизации и даже мистификации [5]. В связи с этим обстоятельством личность исследователя, разрабатывающего психологический портрет политика, имеет весьма важное значение. От его объективности, используемого понятийного аппарата и методологического инструментария зависят точность и корректность полученных результатов. Исходя из поставленных целей и задач, политический психолог выбирает методологию и определяет ряд инвариантных личностных качеств, необходимых для создания психологического портрета [6]. Однако наиболее важные психологические качества изучаемого политика, необходимые для его правильного

понимания и всестороннего анализа, могут остаться незамеченными ввиду скудности применяемого понятийного аппарата. Так, не имея подходящего понятия, не представляется возможным увидеть соответствующий ему признак [10], что выражается в так называемой *cognitive blindness* [11]. Во избежание эффекта «когнитивной слепоты» при портретировании специалисты обращаются к опыту междисциплинарных исследований.

За рамками общепринятых теорий, методологий и методов кроется нечто важное, без чего невозможно дать релевантные, необходимые и достаточные интерпретации личностных качеств изучаемого объекта [10]. Так, по мнению М.С. Роговина, расширение области исследований зачастую приводит к потере ее основного объекта – живого человека со всеми его радостями, горестями, ошибками и устремлениями. Их место занимают обезличенные «детерминирующие тенденции», «содержание сознания», «процессы» и прочее, что, безусловно, представляет собой действительно важные строительные блоки для построения и наращивания научного знания [12].

Обозначим общие методологические принципы, на которых основываются подходы к изучению личности [13]. Так, С.Л. Рубинштейн выделил: принцип психофизического единства; принцип развития психики как производного, но специфического компонента в эволюции организмов; принцип историзма, применяемый к становлению человеческого сознания в процессе общественно-исторического развития; принцип единства теории и практики; принцип единства сознания и деятельности; принцип единства знания и переживания; принцип детерминизма – все в мире, включая психические явления, взаимосвязано и подчиняется причинно-следственным законам, которые могут быть выявлены в научных исследованиях [14].

Учитывая предметную область, относящуюся к сфере политической психологии, из положений, выдвинутых С.Л. Рубинштейном, наиболее значимым для нас является то, что личность политика формируется в непосредственной деятельности и определяется первичной социализацией. В отечественной и западной научной литературе изучение психологических качеств личности политиков имеет свои теоретико-методологические традиции. Важным методологическим ключом, по мнению Н.М. Ракитянского, является структурный подход как разновидность системного подхода, позволяющий не только использовать в полной мере накопленные знания, но и решить проблему их избыточности, в результате чего могут быть сформулированы новые научные гипотезы [5].

Основными методологическими подходами в исследованиях личности являются номотетическое и идеографическое направления [6]. Первое направление также известно как типологическое. Оно нашло свое отражение в психобиографировании и предполагает изучение повторяющихся компонентов различных психологических явлений [15]. Типологическая методология является одним из основных средств личностной диагностики, по-

средством которой можно обнаружить набор качеств, образующий тот или иной тип [16].

Исследования, проводимые в соответствии с номотетической концепцией, осуществляются по двум направлениям: первое заключается в построении определенной типологии, в то время как второе служит для обобщения уже существующих типов. При этом типологическая характеристика человека не исключает его индивидуальной неповторимости. Так, по мнению Б.Д. Додонова, индивидуальное в значительной мере складывается из типичного [17].

В процессе идеографических исследований осуществляется выявление черт личности [18], обнаружение и анализ ее уникальных качеств, которые не могут быть описаны посредством вычленения общих типов и закономерностей [15].

Заметим, что при анализе личности человека посредством его черт удается избежать некой искусственности и категоричности. Кроме того, исследования, основанные на типологии, подразумевают группировку данных по испытуемым с использованием метода автоматизированной классификации, в то время как описание черт нуждается в группировке личностных признаков. Согласно положениям классической теории черт, каждое личностное качество имеет важное значение для понимания и прогнозирования поведения человека. В свою очередь, выявление типов является лишь обобщением, полученным в результате изучения испытуемых со схожими характеристиками [6]. В течение длительного времени в рамках типологических исследований политические психологи предпринимали попытки классифицировать политических деятелей, опираясь на ряд оснований [9]. Так, Е.Б. Шестопал в своих работах выбирает такие критерии, как стиль принятия политических решений, характер межличностных отношений и образ мышления [19].

Психологическое портретирование как таковое зародилось в России в конце XIX в. Автором, который стоял у истоков этого направления, является В.О. Ключевский, который, в отличие от своих предшественников, отдавал предпочтение выявлению и анализу сложных исторических типов. При создании типологических портретов значительный интерес исследователя занимала морально-этическая сторона личности [20].

Изучение исторических личностей также активно развивалось в рамках российской персонологии [21]. Одним из первых в открытии и использовании этого методологического подхода был Д.И. Писарев, каждая работа которого представляла собой своего рода психологическое исследование. Наиболее известные его труды были посвящены Людовику XVI, Дантону, Робеспьеру, Марату и др. [21]

Русский профессор В.Ф. Чиж – выдающийся врач, историк и беллетрист, составляя портреты, сочетал в своих трудах психологические интерпретации основных личностных качеств и анализ с точки зрения психиатрии. Он полагал, что в ходе исследований, проводимых через призму сразу двух дисци-

плин – психологии и психиатрии, можно установить и в полной мере раскрыть связь между душевными и физическими особенностями [22].

Психобиографирование, которое также носит название «психоисторий», изначально преподносилось как рассказы о невероятных подвигах, а также описания «жития святых», однако постепенно они становились все более объективными и обретали строгий формализованный характер. Вместе с тем современная работа с биографиями стала походить на научное анатомирование, целью которого является понимание изучаемого объекта [23].

Психобиографические исследования получили свое развитие благодаря совместной работе З. Фрейда и У. Буллита. Используя принципы психоанализа, авторы провели анализ личности В. Вильсона [24]. Тем не менее, как полагает Д. Винтер, данный труд был в некотором роде скомпрометирован предвзятым и даже враждебным отношением исследователей к объекту изучения, что сами авторы не скрывали. Кроме того, представленные интерпретации характеризуются специалистами как излишне «механистические и грубые» [25].

Классик американской политологии Ф. Гринстайн сформулировал три основные задачи психобиографирования. В первую очередь, по его мнению, необходимо идентифицировать феноменологию или, иными словами, составить перечень того, что нуждается в объяснении, – необычные проявления личностных качеств или же поведения. В зависимости от целей исследования феноменология может включать как всю жизнь человека, так и отдельно взятый эпизод из его биографии. Затем, психобиограф переходит непосредственно к психологическому описанию и интерпретациям. Наконец, на финальной стадии предпринимаются попытки проследить истоки возникновения обнаруженных психологических особенностей [9].

Один из основоположников современной политологии Г. Лассуэлл полагает, что психические патологии и необычные проявления личности лидеров могут объяснить их политическое поведение. В своей монографии он приводит пример того, как записи о нарушениях сознания политика могут предоставить гораздо больший пласт информации, нежели стандартные материалы его биографии. В процессе раскрытия внутреннего мира человека и проявления его глубинных фантазий наиболее заметно выделяется структура его личности [26].

В развитие психоисторической методологии неоценимый вклад внес автор теории стадий психосоциального развития Э. Эриксон. Именно он выдвинул принцип, согласно которому биографию политика необходимо изучать в социальном контексте, так как личность человека подвергается изменениям на протяжении всего жизненного цикла. Согласно концепции идентичности, предложенной Э. Эриксоном, принятие своего «Я» происходит в единстве со всеми имеющимися у личности социальными связями. Изменение в составе этих связей влечет за собой модификацию идентичности, что непременно сопровождается внутренними конфликтами [27].

Таким образом, психоисторическое направление оказалось методологически весьма плодотворным и востребованным. Этот подход позволил исследовать личности политических деятелей, рассматривая не только их креативный потенциал, но также ряд личностных проблем, связанных с политическими амбициями и страхами, источник которых кроется в ранних переживаниях [21].

Рассматривая накопленный опыт изучения личности политиков, представляется возможным полагать, что он предполагает системно-структурное построение моделей, которые включают в себя такие инвариантные референции, как Я-концепция, анализ мотивов, потребностей и стрессоустойчивости, основных убеждений, стиля принятия политических решений и межличностный отношений, поведения, позиции политика по важным внутренним и международным проблемам, его окружения, а также описание биографических данных [28].

Анализ личностных факторов, проводимый в рамках идеографической концепции, базируется на моделировании и использовании комплекса методов, применяемых для содержательной редукции первичного набора признаков. Основная идея данного методологического подхода состоит в том, что любое поведение можно объяснить посредством неких характеристик, именуемых факторами [6]. Р. Кеттелл разработал 16-факторную модель личности, создав при этом авторскую терминологическую базу [29]. По его мнению, любая особенность в поведении человека может найти отражение в языке, вследствие чего наиболее эффективным способом понимания и психологической интерпретации личности является работа с понятийным аппаратом [30].

Со временем в научной среде пришли к пониманию, что ключевых личностных факторов может быть меньше шестнадцати, предложенных Р. Кеттеллом [31]. Так, в 1960-х гг. на базе 16-факторной модели В. Норманом была разработана так называемая «Большая пятерка». В попытке составить оптимальную модель автор предложил пять базовых факторов, включающих в себя экстраверсию (extraversion), нейротизм (neuroticism), сознательность (conscientiousness), доброжелательность (agreeableness) и открытость новому опыту (openness to experience) [32].

На сегодняшний день, в результате стремления к совмещению оптимальных компонентов теоретико-методологических подходов, психологическое портретирование оказалось под влиянием синкретической тенденции. Последователи этой методологии опираются на интеграцию различных теоретических школ и, как правило, формируют свои авторские системы методов. Так, на ее основе составление психологических портретов с использованием безбланковой диагностики осуществляет Н.М. Ракитянский. Он пишет, что в процессе построения психологического портрета последовательно выдвигаются диагностические гипотезы с их последующей верифи-

кацией. Полученный итог носит вероятностный характер и является диагност-гипотезой личности политического деятеля [33].

Значительно расширяют методологические возможности исследований личностей политиков агрегативная и акмеологическая концепции, а также теория ведущих тенденций.

Агрегативная методология применяется для определения уровня влияния, оказываемого личностью политического деятеля на политические процессы. В рамках данного подхода личностный фактор рассматривается в качестве средства для объяснения исторических событий, имеющих важное политическое значение [19].

Акмеологическое направление, предложенное московскими политическими психологами К.А. Абульхановой-Славской, А.А. Деркачом и Н.В. Кузьминой, способствует составлению целостной характеристики, оценке профессионального роста и самореализации политического деятеля [34].

Согласно теории ведущих тенденций Л.Н. Собчик, личность представляет собой динамичную, открытую внешнему опыту саморегулирующуюся систему. основополагающим в этой концепции является наличие на всех уровнях личности некоего эмоционально-динамического паттерна, который проявляется одной или несколькими устойчивыми, стержневыми качествами – ведущими тенденциями [35].

Вне зависимости от выбранной методологии их практическое применение реализуется посредством комплекса методов. В связи с этим представляется возможным кратко охарактеризовать некоторые из основных дистантных способов изучения личности, а именно методы наблюдения, контент-анализа и case-studies.

Метод наблюдения универсален и заложен в основу всех научных исследований. В психологии выделяют включенное и невключенное наблюдение. Первое подразумевает непосредственное участие исследователя, в то время как второе предполагает, что процесс наблюдения будет происходить со стороны [36]. При использовании метода учитывается, что внешность, поведенческие и речевые особенности объекта наблюдения служат своего рода отражением внутреннего мира и базовых личностных качеств человека. При непосредственном наблюдении необходимо следовать ряду требований, таких как: целенаправленность, опора на теоретические и методологические основания, избирательность, системность, фиксируемость, релевантность, полнота и др. [6].

Метод контент-анализа применяется для анализа документов. В ходе исследования он позволяет систематически выявлять и фиксировать заданные единицы содержания и производить их измерение. В основе метода лежит принцип повторяемости смысловых элементов, выраженных в различных понятиях, темах, суждениях и т.д. [37].

Метод case-studies стал своего рода компромиссом в результате попытки совместить методологический подход с позиции описания черт с типологиче-

ским направлением исследований. По мнению Е.Б. Шестопал, case-studies является качественным методом исследования отдельных случаев, основная задача которых состоит в том, чтобы предложить общее понимание личности политика посредством анализа его первичной социализации и мотивов политической деятельности [19]. Проблема мотивов политической деятельности наиболее полно раскрывается в трудах Д. Винтера, Д. Макклелланда, А. Стюарта, Х. Вендта, П. Лайта, Дж. Барбера, М. Херманн и др. В настоящее время политологи и политические психологи в личности политического деятеля выделяют три базовых мотива: власти, достижения и аффилиации [38].

Заключительные замечания

Многолетний опыт как отечественных, так и зарубежных специалистов в использовании методологии психологического портретирования в контексте политологических исследований дает нам возможность опираться как на внушительный фундамент теоретико-методологического материала, так и богатого эмпирического опыта. В исследованиях личностей политиков актуальными в настоящее время остаются номотетический и идеографический подходы. Ввиду особой специфики политической деятельности, а также принимая во внимание недоступность большинства политических деятелей для диагностирования личности при непосредственном контакте, при выборе методов предпочтение отдается дистантным способам исследования. При этом особое внимание необходимо уделить как понятийному аппарату, применяемому в ходе рефлексивного анализа характерных личностных и поведенческих особенностей, так и подбору конкретных методов исследования.

Личностный фактор становится наиболее значимым в кризисных условиях, а также в моменты возникновения новых политических обстоятельств и в периоды глубоких социально-экономических преобразований. В связи с этим, выявление и анализ ведущих личностных тенденций политических деятелей не теряет своей актуальности по настоящий день.

Библиографический список

- [1] Популизм: как Европа принимает вызов // Friedrich Ebert Stiftung. Режим доступа: library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/13025.pdf. Дата обращения: 27.03.2019.
- [2] *Deiwiki* C. Populism. Living Reviews in Democracy, 2009. Режим доступа: ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Deiwiki.PDF. Дата обращения: 27.03.2019.
- [3] *Баранов Н.А.* Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ. 2015. № 6 (3). С. 25–36.
- [4] *Deegan-Krause K., Haughton T.* Toward a more Useful Conceptualization of Populism: Types and Degrees of Populist Appeals in the Case of Slovakia // Politics & Policy. Georgia: Georgia Political Science Association. 2009. № 37 (4). P. 821–841.
- [5] *Ракитянский Н.М., Колесниченко Ю.В.* Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7–30.

- [6] *Ракитянский Н.М.* Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М.: Издательство Московского университета, 2011. 264 с.
- [7] *The Oxford Handbook of Political Psychology Second Edition* / Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford University Press, 2013. 1008 p.
- [8] *Гринштейн Ф.* Можно ли систематически изучать личность в политике? // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Т. 10. № 2 (41). С. 169–189.
- [9] *Гринштейн Ф.* Личность и политика // *Психология и психоанализ власти: хрестоматия: в 2 т.* // *Личность. Государство. Власть. Политич. и социал. психология лидерства*. Самара: Бахрах-М, 1999. С. 69–89.
- [10] *Юрьев А.И.* Потенциал русской философско-психологической школы в пространстве методологических проблем политической психологии // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2015. № 3. С. 98–115.
- [11] Sandole D. *Peacebuilding*. Oxford: Polity Press, 2011. 176 p.
- [12] *Роговин М.С.* Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.
- [13] *Константинов В.В.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2010. 240 с.
- [14] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2017. 720 с.
- [15] *Асмолов А.Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 416 с.
- [16] *Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории* / под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
- [17] *Додонов Б.И.* Гармоническое развитие и типологическое своеобразие личности // *Хрестоматия по педагогической психологии* / сост. А.И. Красило, А.П. Новгородцева. М.: Международная педагогическая академия, 1995. С. 168–181.
- [18] *Handbook of Political Psychology* / Ed. by J. Knutson. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1973. 568 p.
- [19] *Политическая психология* / сост. Е.Б. Шестопап. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 448 с.
- [20] *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 439 с.
- [21] *Егорова Е.В.* Личностный фактор во внешней политике США в 60-90-е годы : автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Москва, 1992. 58 с.
- [22] *Чиж В.Ф.* Психология злодея, властелина, фанатика. М.: Республика, 2001. 416 с.
- [23] *Олпорт Г.* Личность: проблема науки или искусства? // *Психология личности. Тексты*. М.: Издательство Московского ун-та, 1982. С. 208–215.
- [24] *Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон. Двадцать восьмой президент США. Психологическое исследование. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 1992. 288 с.
- [25] *Winter D.G.* Assessing Leaders' Personalities: A Historical Survey of Academic Research Studies // *The Psychological Assessment of Political Leaders: With Profiles of Saddam Hussein and Bill Clinton* / Ed. by J.M. Post. University of Michigan Press, 2003. 476 p.
- [26] *Лассуэл Г.* Психопатология и политика: монография. М.: Изд-во РАГС, 2005. 352 с.
- [27] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
- [28] *Егорова-Гантман Е.В., Кретов В.С., Власов И.Е., Фролов И.В.* Психологический портрет политического деятеля в системе мониторинга политических конфликтов – аспекты формализации // *Научно-техническая информация. Сер. 2*. 1995. С. 4–13.
- [29] *Анастаси А.* Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении / пер. с англ. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 752 с.
- [30] *Cattell R.B.* The Description of Personality: Basic Traits Resolved into Clusters // *Abnormality and Social Psychology*. 1943. Vol. 38. P. 476–506.
- [31] *Айзенк Г.Ю.* Количество измерений личности: 16, 5 или 3? // *Иностранная психология*. 1993. Т. 1. № 2. С. 9–23.

- [32] *Norman W.T.* Toward an Adequate Taxonomy of Personality Attributes: Replicated Factors Structure in Peer Nomination Personality Ratings // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. UM: University of Michigan, 1963. Vol. 66. P. 574–583.
- [33] *Ракитянский Н.М.* Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М.: Стольный град, 2001. 175 с.
- [34] *Политическая психология* / под ред. А. Деркача, В. Жукова, Л. Лаптева. М.: Юрайт, 2017. 591 с.
- [35] *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. М.: ИПП-ИСП, 2000. 512 с.
- [36] *Современная элита России: политико-психологический анализ* / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 448 с.
- [37] *Богомолова Н.Н., Стефаненко Т.Г.* Контент-анализ. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1992. 60 с.
- [38] *Писарев Д.И.* Исторические эскизы: избр. статьи. М.: Правда, 1989. 608 с.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 17.06.2019.

Статья принята к публикации 04.11.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-765-776

Research article

Methodological Approaches to Studying the Personality of a Politician-Populist

M.M. Aybazova

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract: The article discusses the main methodological approaches to studying the personality of a politician of the populist type. The author conducts a brief survey of domestic and foreign experience in using methodologies and methods for drawing up personal psychological portraits of political figures. The choice of theoretical and methodological tools, research methods and conceptual framework plays a special role in the process of studying a politician's personality. To create a psychologically and ethically appropriate portrait, the author reflects on the dominant behavioral characteristics of a politician, as well as their less pronounced personality traits.

Keywords: methodology, personality, psychobiography, content analysis, case studies.

References

- [1] *Populism: How Europe Accepts the Challenge*. Friedrich Ebert Stiftung. Available from: library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/13025.pdf. Accessed: 13.06.2019 (In Russ.).
- [2] *Deiwiks C.* Populism. *Living Reviews in Democracy*. 2009. Available from: ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Deiwiks.PDF. Accessed: 27.03.2019.
- [3] *Baranov N.A.* The Revival of Populism: European Experience and Russian Practices. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2015; 6 (3): 25–36 (In Russ.).

- [4] Deegan-Krause K., Haughton T. Toward a more Useful Conceptualization of Populism: Types and Degrees of Populist Appeals in the Case of Slovakia. *Politics & Policy*. Georgia: Georgia Political Science Association. 2009; 37 (4): 821–841.
- [5] Rakityansky N.M., Kolesnichenko Y.V. The Capabilities of the Russian Philosophical-psychological School and a Methodology for Portraiture of a Politician's Personality. *Vestnik of Moscow University. Political science*, 2014; 6: 7–30 (In Russ.).
- [6] Rakityansky N.M. *Politician's Personality: Theory and Methodology of Psychological Profiling*. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Moscow University Press; 2011. 264 p. (In Russ.).
- [7] *The Oxford Handbook of Political Psychology Second Edition*. Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford University Press; 2013. 1008 p.
- [8] Greenstein F.I. Can the Personality Be Studied Systematically? *Personality. Culture. Society*. 2008; 2 (41): 69–89 (In Russ.).
- [9] Greenstein F.I. Personality and Politics. *Psychology and Psychoanalysis of Power*. Ed. by D.Ya. Raigorodskii. Samara: Bakhrakh-M; 1999: 169–189 (In Russ.).
- [10] Yuriev A.I. The Potential of the Russian Philosophical-psychological School in the Area of Methodological Problems of Political Psychology. *Vestnik of Moscow University. Political Science*. 2015; 3: 98–115 (In Russ.).
- [11] Sandole D. *Peacebuilding*. Oxford: Polity Press; 2011: 574–583.
- [12] Rogovin M.S. *Introduction to Psychology*. Moscow: High school; 1969. 384 p. (In Russ.).
- [13] Konstantinov V.V. *Methodological Foundations of Psychology*. Saint Petersburg: Piter; 2010. 240 p. (In Russ.).
- [14] Rubinshtein S.L. *Basis of General Psychology*. Saint Petersburg: Piter; 2017. 720 p. (In Russ.).
- [15] Asmolov A.G. *Personality Psychology. Basic Principles of a Psychological Analysis*. Moscow: Academy; 2002. 416 p. (In Russ.).
- [16] *Psychological Science in Russia of the 20th Century: Problems of Theory and History*. Ed. by A.V. Brushlinskogo. Moscow: Institute of Psychology of RAS; 1997. 576 p. (In Russ.).
- [17] Dodonov B.I. Harmonious Development and Typological Personality Traits. *Compilation of Educational Psychology*. Ed. by A.I. Krasilo, A.P. Novgorodtseva. Moscow: International Pedagogical Academy; 1995: 168–181 (In Russ.).
- [18] *Handbook of Political Psychology*. Ed. by J. Knutson. San Francisco: Jossey-Bass Publishers; 1973. 568 p.
- [19] *Political Psychology*. Ed. by A. Derkach, V. Zhukova, L. Lapteva. Moscow: Urait; 2017. 591 p. (In Russ.).
- [20] Klyuchevskii V.O. *Complete Works*. Moscow: Myisl; 1987; 1. 439 p. (In Russ.).
- [21] Egorova E.V. *The Personal Factor in US Foreign Policy in the 60-90s*. Abstract of thesis for the degree of Doctor of Political Sciences. Moscow; 1992. 58 p. (In Russ.).
- [22] Chizh V.F. *The Psychology of the Villain, the Ruler, Fanatic*. Moscow: Republic; 2001. 416 p. (In Russ.).
- [23] Allport G. Personality: The Problem of Science or Art? *Personality Psychology*. Texts. Moscow: Moscow University; 1982: 208–215 (In Russ.).
- [24] Freud S., Bullitt W.T. *Woodrow Wilson: A Psychological Study*. Moscow: Kanon+ROOI "Rehabilitation"; 1992. 288 p. (In Russ.).
- [25] Winter D.G. Assessing Leaders' Personalities: A Historical Survey of Academic Research Studies. *The Psychological Assessment of Political Leaders: With Profiles of Saddam Hussein and Bill Clinton*. Ed. by Post J.M. University of Michigan Press; 2003. 476 p.
- [26] Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. Moscow: RAPS; 2005. 352 p. (In Russ.).
- [27] Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress; 1996. 344 p. (In Russ.).
- [28] Egorova-Gantman E.V., Kretov B.C., Vlasov I.E., Frolov I.V. Psychological Portrait of a Politician in the System of Monitoring Political Conflicts – Aspects of Formalization. *Scientific and technical information*. 1995; 2: 4–13 (In Russ.).

- [29] Anastasi A. *Differential Psychology: Individual and Group Differences in Behavior*. Moscow: April Publish; EKSMO-Press; 2001. 752 p. (In Russ.).
- [30] Cattell R.B. The Description of Personality: Basic Traits Resolved into Clusters. *Abnormality and Social Psychology*. 1943; 38: 476–506.
- [31] Eysenck H. Dimensions of Personality: 16, 5, or 3? *Foreign Psychology*. 1993; 1 (2): 9-23 (In Russ.).
- [32] Norman W.T. Toward an Adequate Taxonomy of Personality Attributes: Replicated Factors Structure in Peer Nomination Personality Ratings. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. UM: University of Michigan; 1963; 66: 574–583.
- [33] Rakityansky N.M. *Seventeen Moments of Democracy. Russia's Leaders through the Eyes of a Political Psychologist*. Moscow: Stolnyi Grad; 2001. 175 p. (In Russ.).
- [34] *Political psychology*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Aspect Press, 2018. 448 p. (In Russ.).
- [35] Sobchik L.N. *Introduction to Individuality Psychology*. Moscow: IPP-ISP; 2000. 512 p. (In Russ.).
- [36] *The Modern Elite of Russia: Political and Psychological Analysis*. Ed. By E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. Moscow: ARGAMAK-MEDIA; 2015. 448 p. (In Russ.).
- [37] Bogomolova N.N., Stefanenko T.G. *Content Analysis*. Moscow: Moscow University Press; 1992. 60 p. (In Russ.).
- [38] Pisarev D.I. *Historical Sketches*. Moscow: Pravda; 1989. 608 p. (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 17.06.2019.

The article was accepted on 04.11.2019.

Информация об авторе:

Айбазова Мадина Магомедовна – аспирант кафедры социологии и психологии политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ORCID-ID: 0000-0003-4553-5888) (e-mail: aib.m@mail.ru).

Information about the author:

Madina M. Aybazova – PhD Student of the Department of Sociology and Political Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID-ID: 0000-0003-4553-5888) (e-mail: aib.m@mail.ru).

Для цитирования:

Айбазова М.М. Методологические подходы к изучению личности политика-популиста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 765–776. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-765-776

For citation:

Aybazova M.M. Methodological Approaches to Studying the Personality of a Politician-Populist. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 765–776. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-765-776